

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ISSN 2949-3714

**Записки Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

2025

Т. 5, № 1

ISSN 2949-3714

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

2025

T. 5, № 1

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества
2025. Т. 5, № 1**

Издатель: Федеральное бюджетное государственное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет»

Издается с декабря 2021 г.

Периодичность: 2 раза в год

Язык издания: русский, английский

Политика журнала – информировать научное сообщество об исследованиях по отечественной истории, истории Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья. Публиковать результаты оригинальных работ, знакомить общество с новыми тенденциями исторической науки.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение материалов статей. Высказанная в статьях позиция может не отражать точку зрения редакции.

Правила для авторов опубликованы в конце издания.

Публикация в журнале бесплатная.

Адрес редакционной коллегии:

672039 Россия, г. Чита,
ул. Александро-Заводская, д. 30
Забайкальский
государственный университет,
историко-филологический факультет

Главный редактор

Дроботушенко Е. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Редакционная коллегия

Антропов Р. В., кандидат юридических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Волочаева А. В., кандидат исторических наук (г. Чита, Россия)

Камнева Г. П., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Карасев С. В., доктор исторических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Кузнецов В. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Ланцова Ю. Н., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Пряженникова М. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Сотников С. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Сотников А. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Цацралт Батсуур, доктор философии (г. Улан-Батор, Монголия).

Чапыгин И. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Шаронова В. Г., кандидат исторических наук (г. Москва, Россия)

Яремчук О. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Редактор А. А. Рыжкова
Вёрстка И. В. Верещагиной

Подписано в печать 20.10.2025

Дата выхода в свет 22.10.2025

Формат 60×84/8. Бумага ксерографическая. Способ печати цифровой.

Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 9. Заказ № 25031. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–50 экз.).

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society
2025. T. 5, No 1**

Publisher: Federal Budgetary State Institution of Higher Education "Transbaikal State University"

Published since December 2021.

Frequency: 2 times a year.

Language of publication: Russian, English.

The journal's policy – is to inform the scientific community about research on Russian history, the history of Siberia, the Far East and Transbaikalia. To publish the results of original works, to acquaint society with new trends in historical science.

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the materials of the articles. The position expressed in the articles may not reflect the editorial board's point of view.

The rules for authors are published at the end of the publication

Publication in the journal is free of charge

Address of the Editorial Board:

30 Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039
Russia, Transbaikal
State University,
Faculty of History and Philology

Editor-in-Chief

Drobotushenko E. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Editorial Board

Antropov R. V., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Russia, Chita)*

Volochaeva A. V., *Candidate of Historical Sciences (Russia, Chita)*

Kamneva G. P., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Karasev S. V., *Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia)*

Kuznetsov V. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Lantsova Yu. N., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Pryazhennikova M. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Sotnikov S. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Sotnikov A. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Tsatsralt Batsuur., *PhD (Ulaanbaatar, Mongolia)*

Chapygin I. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia)*

Sharonova V. G., *Candidate of Historical Sciences (Moscow, Russia)*

Yaremchuk O. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Editor A. A. Ryzhkova
Layout by I. V. Vereshchagina

Signed for printing on 20.10.2025

Release date 22.10.2025

Format 60×84/8. Xerographic paper. Digital printing method.

CONV. print I. 10,1. Uch.-ed. I. 9. Order no. 25031. Circulation 500 copies. (1st plant 1–50 copies).

Printed at FSBEI HE "Transbaikal State University"

672039, Chita, st. Alexandro-Zavodskaya, 30

Содержание

Верецагин С. Б. Объекты древнего наскального искусства долины реки Урулжунгуй: история и итоги исследований.....	6
Полухин А. В. Советская научная литература по тунгусоязычным народам Забайкалья и Прибайкалья: историографический обзор	11
Камнева Г. П., Сотников С. А., Сотников А. А. Миссия И. Петлина: поиски северного пути в Китай	18
Баринев А. О. Два «забытых» документа Забайкалья эпохи Петра Великого	24
Верецагина И. В. К истории церковного строительства в Еравне в XVIII – первой половине XIX века	28
Таскин Д. А. К вопросу о переходе 1-го Забайкальского казачьего полка на сторону партизан	34
Косых В. И. Забайкальское духовенство в тюрьмах в 1921–1922 годы (по материалам личной переписки)	40
Дроботушенко Е. В. Особенности быта и хозяйственной деятельности забайкальского казачества на территории китайского Трёхречья в 1920-е – начале 1930-х годов	43
Мясникова Г. В. Судьбы забайкальских разведчиков	58
Ланцова Ю. Н. М. Г. Ефремов, М. Ф. Лукин, Б. Ж. Жабон – Герои Российской Федерации (в рамках проекта «Энциклопедия Забайкалья»)	64
Мурлина О. С. Проблемы проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали (по материалам Всесоюзной научно-практической конференции 1975 г.)	71
Якунин В. Н. Мероприятия, проводимые Отделом религиозного образования и катехизации Самарской епархии в 2016–2019 годах: по епархиальным отчётам	79

Contents

Vereshchagin S. B. Objects of Ancient Rock art of the Urulyunguy River Valley: History and Results of Research	6
Polukhin A. V. The Soviet Scientific Literature on the Tungusicspeaking Peoples of Transbaikalia and the Baikal Region: a Historiographical Review	11
Kamneva G. P., Sotnikov S. A., Sotnikov A. A. I. Petlin's Mission: the Search for the Northern Route to China	18
Barinov A. O. Two "Forgotten" Transbaikalia Documents from the Era of Peter the Great's	24
Vereshchagina I. V. On the History of Church Construction in Eravna in the XVIII – First Half of the XIX Centuries	28
Taskin D. A. On the Issue of the Transfer of the 1st Transbaikal Cossack Regiment to the Side of the Partisans of Eastern Transbaikalia	34
Kosykh V. I. Transbaikal Clergy in Prisons in 1921–1922 (Based on Personal Correspondence)	40
Drobotushenko E. V. Features of the Life and Economic Activity of the Transbaikal Cossacks in the Territory of the Chinese "Three Rivers Region" in the 1920s – Early 1930s	43
Maysnikova G. V. The Fate of the Transbaikal Scouts	58
Lantsova Y. N. M. G. Efremov, M. F. Lukin, B. Jh. Jabon – Heroes of the Russian Federation (as Part of the Project "Encyclopedia of Transbaikalia")	64
Murlina O. S. Problem of Design and Construction of Baikal-Amur Mainline (on the Material of All-Union Scientific and Practical Conference of 1975 Year)	71
Yakunin V. N. Events Conducted by the Department of Religious Education and Catechesis of the Samara Diocese in 2016–2019: According to Diocesan Reports	79

УДК 902.2:903.23(571.54)

Объекты древнего наскального искусства долины реки Урулунгуй: история и итоги исследований

Сергей Борисович Верецагин

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

forevich@inbox.ru

Статья посвящена результатам многолетних исследований объектов наскальной живописи долины р. Урулунгуй. В ней отражены основные этапы полевых работ по изучению древних рисунков, освещены аспекты их современного состояния и дальнейшего сохранения. Также впервые поднят вопрос об источниках происхождения сырья для изготовления красок первобытными художниками. Отмечается, что в долине р. Урулунгуй сконцентрировано достаточно много памятников наскального искусства. Причина, по мнению автора, может заключаться в географических и геологических особенностях данного региона. Это наличие многочисленных легкодоступных живописных скал южного фаса Нерчинского хребта и северного отрога Кличкинского хребта – хр. Маргучек, а также наличие местонахождений сырья для изготовления красок. Например, на левом борту долины р. Урулунгуй, в пади Улан, у с. Улан Приаргунского района известно Улан-Булакское месторождение промышленных залежей охры. В обнажениях бортов пади Улан представители различных археологических культур могли добывать необходимый пигмент для изготовления красок. Подобная сырьевая база позволяла им на протяжении тысячелетий художественно оформлять свои древние святилища на живописных скалах долины р. Урулунгуй.

Ключевые слова: археологические исследования, наскальная живопись, святилища, Восточное Забайкалье, р. Урулунгуй, Нерчинский и Кличкинский хребты, охра

Благодарности: автор выражает благодарность Р. А. Филенко за консультацию и предоставленные материалы по месторождениям охры в Восточном Забайкалье.

Objects of Ancient Rock art of the Urulunguy River Valley: History and Results of Research

Sergey B. Vereshchagin

Transbaikal State University, Chita, Russia

forevich@inbox.ru

The article is devoted to the results of long-term studies of rock art objects in the valley of the Urulungui River. It reflects the main stages of fieldwork on the study of ancient drawings, highlights aspects of their current state and further preservation. In addition, for the first time, the question of the sources of origin of raw materials for the manufacture of paints by primitive artists was raised. It is noted that quite a lot of rock art monuments are concentrated in the valley of the Urulungui River. The reason, according to the author, may lie in the geographical and geological features of the region. This is the presence of numerous easily accessible picturesque rocks of the southern face of the Nerchinsk range, and the northern spur of the Klichinsky range – the village of Margutsek, as well as the locations of raw materials for the manufacture of paints. For example, on the left side of the valley of the Urulungui River, in the Ulan padi, near the village of Ulan in the Priargunsky district, the Ulan-Bulakskoye deposit of industrial ochre deposits is known. In the outcrops of the sides of Ulan Falls, representatives of various archaeological cultures could extract the necessary pigment for making paints. Such a raw material base allowed them for thousands of years to artistically decorate their ancient sanctuaries on the picturesque cliffs of the valley of the Urulungui River.

Keywords: Archaeological Research, Rock Art, Sanctuaries, Eastern Transbaikalia, the Urulungui River, Nerchinsky and Klichinsky Ranges, Ochre

Acknowledgments: the author expresses gratitude to R. A. Filenko for consultation and provided materials on ochre deposits in Eastern Transbaikalia.

Долина р. Урулунгуй является одним из основных районов сосредоточения объектов древней наскальной живописи на территории Восточного Забайкалья.

Она расположена в пространстве между хребтами Нерчинский и Кличкинский с севе-

ро-восточным простираением и имеет протяжённость 189 км. Преобладающие высоты хребтов: 900–1 000 м, максимальная – 1 252 м [2, с. 59]. Горные структуры данной территории сложены рифейскими известняками, доломитами, магнезитами, метаморфическими

сланцами, юрскими вулканитами, палеозойскими и мезозойскими гранитами [17, с. 247; 18, с. 361; 22, с. 585].

Река Урулунгуй является левосторонним притоком р. Аргунь и входит в систему водосбора Амурского бассейна. Ее долина вписана в границы двух мезозойских впадин, имеющих черты забайкальских и гобийских. В поперечном сечении она достигает до 20 км. В засушливые периоды водоток р. Урулунгуй и её притоков прерывается. Современная растительность долины представлена в основном центральноазиатскими формациями в виде степных и луговых элементов. К первым относятся широко распространенные вострецовые степи. Луговые элементы фиксируются в пойменных участках в виде тростниковых, вейниковых, манниковых и осоковых гидрофильных сообществ. В приустьевой части долины р. Урулунгуй представлена зона распространения пикниковых лугов в сочетании с вострецовыми степями и солончаковыми сообществами [19, с. 585–586].

В археологическом отношении Урулунгуйская долина довольно хорошо исследована.

В настоящее время в её пределах известно более 80 объектов археологического наследия, относящихся к хронологическому диапазону от поздней поры среднего палеолита до позднего средневековья. Среди них стоянки каменного и бронзового веков, стоянки-мастерские палеолита и неолита, пещерные объекты, погребально-ритуальные комплексы «культуры плиточных могил», могильники средневековых культур, монгольские дворцовые комплексы и поселения, каменоломни, печи для обжига черепицы и кирпичей, разновременные жертвенники, а также наскальные рисунки различных эпох.

История изучения разнообразных археологических объектов долины р. Урулунгуй насчитывает уже более 300 лет.

Начало полевых изысканий связано с работами академической экспедиции (1724) Д. Г. Мессершмидта. Им первым на территории Забайкалья открыт, научно зафиксирован и интерпретирован археологический объект, получивший впоследствии наименование «Хирхинское городище» [7, с. 317].

Истории археологических исследований долины р. Урулунгуй можно посвятить отдельную работу, перечислим кратко основные этапы и исследователей.

В 1735 г. по следам экспедиции Д. Г. Мессершмидта проследовал исследовательский отряд Г. Ф. Миллера, правда, не обнаруживший местонахождения описанного им объекта [14, с. 207].

В 1802 г. на Хирхинском городище, открытом ещё экспедицией Д. Г. Мессершмидта 1724 г., был обнаружен так называемый «Чингисов камень». Он представляет собой гранитную с закруглённым верхом плиту, с выбитой на ней надписью. Артефакт датируется 1225 г. и относится к эпохе монгольской империи Чингисхана [12, с. 338].

На протяжении XIX в. активные поисковые работы в долине р. Урулунгуй проводили горные инженеры, в частности, ими были проведены раскопки плиточных могил и описаны связанные с ними каменные стелы – «сэргэ» (коновязи), содержащие изображения на их лицевых плоскостях [4, с. 12; 15].

Но, несмотря на довольно активную поисковую деятельность в данном районе, первый объект древней наскальной живописи был обнаружен лишь в конце XIX в.

Автор данного открытия, вышедший на поселение ссыльный и известный в последующем исследователь забайкальских древностей – Алексей Кириллович Кузнецов.

Следует отметить, что в ходе изучения обнаруженного объекта наскального искусства он впервые в нашем регионе применил передовую для того времени полевую методику фиксации древних изображений.

Помимо графической зарисовки (с масштабом), подробного описания ландшафтного окружения скалы с рисунками (вплоть до определения видового состава флоры) им была дана и научно обоснованная оценка породы, слагающей массив и плоскости с древними изображениями, а также очень точно определена краска и её химический состав.

Исследователем А. К. Кузнецовым также дано подробное описание обнаруженных им петроглифов, включая размеры каждого элемента композиции, их положение на плоскости относительно друг друга. Помимо перечисленного Алексеем Кирилловичем был сделан подробный искусствоведческий анализ данного произведения первобытной живописи. Исходя из имеющихся этнографических наблюдений, он выдвинул и варианты семантики данных изображений. Открытая А. К. Кузнецовым скала с рисунками получила наименование «Мехачиниха» (по имени одноимённого левобережного притока р. Урулунгуй) [16, с. 55; 23, с. 185, 186].

После более 50-летнего перерыва в исследованиях Урулунгуйской долины работы здесь продолжились в 1954 г. и были связаны с изысканиями экспедиции А. П. Окладникова [13, с. 230–231]. Обнаруженные ими объекты получили наименование «Усть-Барун Кондуй»

и «Усть-Цорон». Они расположены вдоль трассы, идущей к с. Кондуй Борзинского района, на левом борту долины р. Урулюнгуй. Рисунки выполнены красной охрой. Здесь были изображены аморфные пятна, чёрточки, сплетение ломаных линий и животные. Рисунки не датированы [20, с. 22].

В 1957–1959 гг. древности Урулюнгуя изучались академической экспедицией под руководством С. В. Киселева [7, с. 317]. Археологическому изучению подверглись «Кондуйский дворец», «Хирхиринское городище», монгольский некрополь «Окошки» и плиточные могильники, расположенные на левостороннем борту долины. Скалам с древними рисунками, расположенным в непосредственной близости к изучаемым могильникам, исследователи не уделили должного внимания.

С 1974 г. Анатолий Иванович Мазин (исследователь петроглифов бассейнов рек Олекмы, Алдана и Верхнего Приамурья) переносит свои полевые изыскания в Восточное Забайкалье. Работы начаты с изучения территории Борзинского района, где А. П. Окладниковым были обнаружены писаницы «Усть-Барун Кондуй» и «Усть-Цорон» [1, с. 198].

В распадке Копчинский у с. Цаган-Олуй им обнаружены древние рисунки, выполненные охрой вишнёвого цвета и представленные антропоморфными фигурами, пятнами, условными знаками [6, с. 176; 21, с. 39].

В 1983–1984 гг. А. И. Мазиным открыта основная часть известных в настоящее время объектов древней наскальной живописи бассейна р. Урулюнгуй.

Это объекты: «Копчил», «Кондуй-16», «Цорон-I-III», «Барун-Кондуй-I-II», «Могой-туй», «Калашниково», «Малый Улистый», «Маргуцек» «Урулюнгуй-I-III», «Нортуй-I-III». Они относятся к хронологическому диапазону от неолита до средневековья [8, с. 69; 9, с. 69; 10, с. 199–200; 11, с. 208].

Для съёмки писаниц А. И. Мазиным использовалась отработанная методика: вначале производились топографическая съёмка и фотографирование местности, затем – выявление рисунков, их фотографирование, копирование и, наконец, описание. Копировались рисунки на тушевую высветленную кальку или полиэтилен [20, с. 4].

Важным моментом в полевых исследованиях является открытие жертвенных мест под плоскостями с древними рисунками. Благодаря материалам из жертвенников, был решён ряд вопросов, касающихся датировки изображений и их периодизации в масштабах обширного Верхнеамурского региона.

Всего за более чем вековую историю исследований объектов наскальной живописи долины р. Урулюнгуй было обнаружено 21 местонахождение.

На основании стилистических особенностей и общей тематики изображений А. И. Мазин разделил их на «таёжные» и «степные».

Древнейшими из «таёжных» изображений бассейна р. Урулюнгуй являются рисунки «Усть-Цорона». Они относятся к неолитическому времени и содержат реалистично выполненные изображения лосей. Возраст рисунков подтверждают материалы из жертвенника и факт палимпсеста (в виде наложения более позднего изображения эпохи раннего металла).

Для характеристики изображений следующего этапа развития «таёжных» петроглифов автор открытий большинства урулюнгуйских местонахождений вводит определения «оленинчатого» и «охотничьего» стилей. По его мнению, они оформились во II тысячелетии до н. э. и сосуществовали на смежных территориях до рубежа н. э. [21, с. 82].

Долина р. Урулюнгуй была включена им в территории распространения «охотничьего» стиля. К ним он относит изображения антропоморфных фигурок без рук и фигурок с рождками на голове, им также сопутствуют бессистемные и систематизированные скопления округлых пятен, вертикальные сплошные линии, сплетения сплошных линий, волнистые линии, антропоморфные фигурки, расположенные в фас и профиль, стилизованные лодки с гребцами, окружности, Х-образные знаки, летящие и бегущие птицы, контурные изображения животных и личины.

Данные сюжеты зафиксированы на объектах «Бараун-Кондуй-I», «Цорон-II», «Копчил» и «Калашниково» [20, с. 84].

Как справедливо отметил исследователь петроглифов Забайкалья В. А. Цыбиктаров, «...некоторые сюжеты, традиционно считающиеся характерными для селенгинских писаниц, датируются временем позднего и даже развитого неолита... не исключено, что некоторые из петроглифов селенгинского типа Западного Забайкалья и Северной Монголии после повторного внимательного и вместе с тем критического их исследования могут быть передатированы в сторону удревнения и пополнить источниковедческую базу петроглифов неолитического времени» [24, с. 100].

К ранним изображениям «степного» стиля Урулюнгуйской долины относятся рисунки на объектах «Урулюнгуй-I», «Нортуй-I». Их специфическая черта – антропоморфные

фигурки, расположенные цепочками, оградки, заполненные рядами округлых пятен, и систематизированные ряды, состоящие из округлых пятен [20, с. 85–86].

На основании материалов из жертвенника к развитому неолиту А. И. Мазиным отнесены рисунки «степного стиля» объекта «Цорон-III». На нём изображены бессистемные скопления и систематизированные округлые пятна, животные, антропоморфные фигурки, бегущие поодиночке, друг за другом и расположенные цепочками, птицеобразное существо и сплошные линии. Исследователем отмечена и новая деталь – антропоморфные фигурки с выставленными вперёд ухватобразными руками и антропоморфные фигурки, держащие в руках щиты и луки [Там же, с. 86].

К следующему этапу древней истории – эпохе палеометалла относятся наскальные изображения «степного» стиля писаниц: «Малый Улистай», «Могойтуй», «Нортуй-II». На них представлены систематизированные ряды округлых пятен и антропоморфные фигурки, расположенные поодиночке и цепочками, многие с крылообразными руками и фаллосами.

К данной группе относятся и рисунки, датированные по сосудам-триподам из жертвенников под писаницами «Копчил», «Кондуй-16», «Бараун Кондуй-II».

Перечисленные памятники наскального искусства А. И. Мазин связывает с генезисом «культуры плиточных могил». Он отмечает тот факт, что «плиточникам в наскальном искусстве присущи элементы как степного, так и охотничьего стилей». Им также высказан тезис об их автохтонности и специфики зарождения данной культуры: «зарождение своеобразной культуры связано если не с неолитом, то с ранними этапами появления металла» [Там же, с. 87].

Таким образом, Урулунгуйская долина с её объектами наскального искусства является ярким свидетельством формирования и развития культуры кочевников бронзового – раннего железного века, существовавшей на значительной, обширной территории от оз. Байкал на севере до Ордоса и предгорий Няншаня (возможно, и Тибета) на юге и от Хингана на востоке до предгорий Алтая на западе [3, с. 119].

К периоду средневековья относится антропоморфное изображение «Усть-Цорона». Причём при обследовании данного местонахождения у 11-й плоскости в жертвеннике был обнаружен целый сосуд «бурхотуйского типа», в котором сохранились остатки охры. Обилие в долине Урулунгуя значительного количества

пунктов древней наскальной живописи поднимает вопрос об их дальнейшем сохранении.

Открытый А. К. Кузнецовым и столь искусно им зафиксированный и описанный объект «Мехачиниха» в настоящее время уже не существует. О его физической утрате сообщал ещё А. И. Мазин в 1983 г. В том же году исследователем была зафиксирована утрата ещё одного урулунгуйского памятника наскальной живописи – «Усть-Барун Кондуй», открытого А. П. Окладниковым в 1954 г. Скалы с древними изображениями были взорваны при добыче щебня [20, с. 22–23].

Физическая, безвозвратная утрата угрожает и ряду древних изображений и из-за природных процессов. Например, на объектах «Усть-Цорон», «Цорон-III», «Копчил» в результате процессов физического выветривания наблюдается обрушение скальных блоков с нанесёнными на них древними рисунками. Большинство плоскостей с рисунками подвержены выцветанию, отслоению скальной поверхности, покрытию кальцинированными натёками.

Негативно сказывается на состоянии писаниц и антропогенное воздействие. На степных просторах Урулунгуя скалы с древними изображениями являются особо примечательными и живописными объектами и зачастую выступают местами отдыха для местного населения. Результат – порча каменных плоскостей с древними изображениями современными лакокрасочными надписями и символами. Например, подобный факт зафиксирован на объекте «Урулунгуй-I».

В целом, исследователями в долине р. Урулунгуй был открыт и зафиксирован 21 объект древней наскальной живописи, которые относятся к хронологическому диапазону от периода позднекаменного века до средневековья.

Объяснением концентрации подобного количества памятников в рамках долины одной небольшой реки, на наш взгляд, могут выступать географические и геологические особенности данного региона.

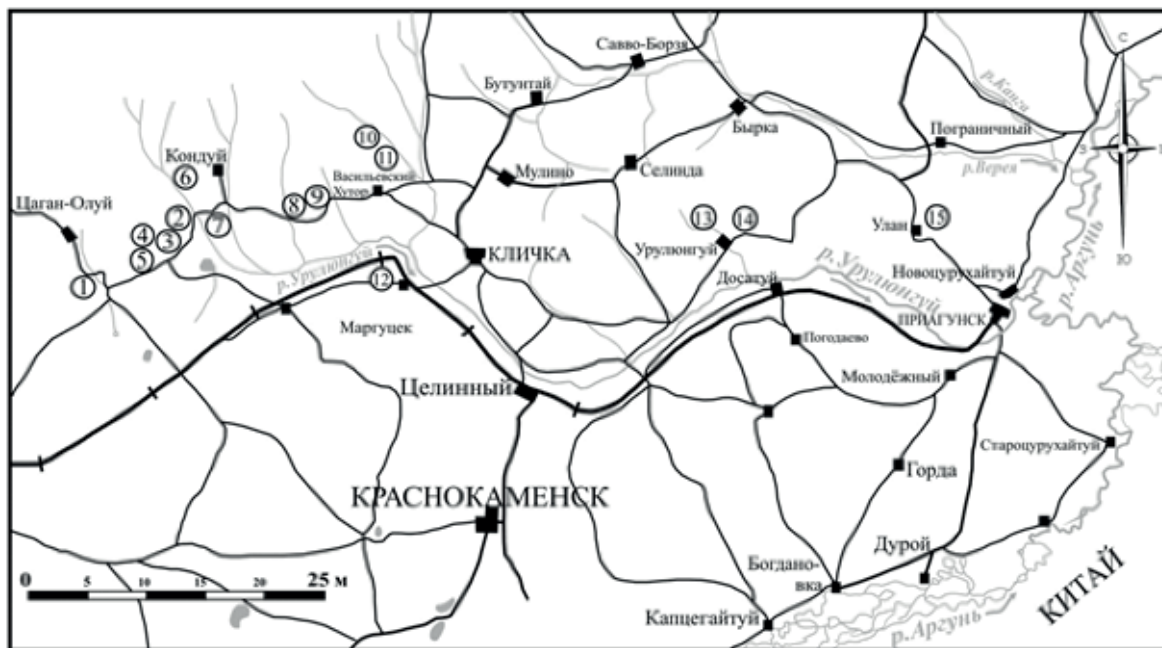
Во-первых, это наличие многочисленных легкодоступных живописных скал южного фаса Нерчинского хребта и северного отрога Кличкинского хребта – хр. Маргузец.

Во-вторых, наличие местонахождений сырья для изготовления красок. Например, на левом борту долины р. Урулунгуй, в пади Улан, у с. Улан Приаргунского района известно Улан-Булакское месторождение промышленных залежей охры. Месторождение представлено меридиальной ложбиной, заполненной четвертичными отложениями с охрами,

залегающими на палеозойских и мезозойских сланцах. Данная залежь (мощностью 0,2–5,9 м и шириной 12–220 м) прослеживается на 1300 м в виде лентообразного тела неправильной формы. Вдоль месторождения протекает ручей минеральных кислых вод, которые и обусловили отложения охры в четвертичных аллювиальных образованиях.

По нашему мнению, в обнажениях бортов пади Улан представители различных археологических культур и могли добывать необходимый пигмент для изготовления красок. Подобная сырьевая база позволяла им на протяжении тысячелетий художественно оформлять свои древние святилища на живописных скалах долины р. Урулунгуй (см. рисунок).

Карта-схема местонахождения объектов наскальной живописи и месторождения охры в долине р. Урулунгуй:

Условные обозначения: 1 – Копчинский; 2 – Копчил; 3 – Кондуй-16; 4 – Цорон-I-III; 5 – Усть-Цорон; 6 – Барун-Кондуй-I-II; 7 – Усть-Барун-Кондуй; 8 – Могойтуй; 9 – Механичиха; 10 – Калашниково; 11 – Малый Улистый; 12 – Маргунец; 13 – Урулунгуй-I-III; 14 – Нортуй-I-III; 15 – месторождение Улан-Булак

Список литературы

1. Алкин С. В. Мазин Анатолий Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 198.
2. Атлас Забайкалья (Бурятская АССР и Читинская область) / гл. ред. В. В. Сочава. М.; Иркутск: ГУГК, 1967. 176 с.
3. Верещагин С. Б. Таптанайский археологический комплекс культуры плиточных могил. Итоги и перспективы исследований // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 2. С. 118–123.
4. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: [б. и.], 1958. 140 с.
5. Дроботушенко А. В. Кондуй // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 172.
6. Дроботушенко А. В. Копчил // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 176.
7. Ковычев Е. В. Хирхинский городок // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 317–318.
8. Константинов А. В. Барун-Кондуй-1 // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 69.
9. Константинов А. В. Барун-Кондуй-2 // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 69.
10. Константинов А. В. Малый Улистый // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 199–200.

11. Константинов А. В. Могойтуй // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 208.
12. Константинов А. В. Чингисов камень // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 337–338.
13. Константинов М. В., Константинов А. В. Окладников Алексей Павлович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 230–231.
14. Константинов М. В., Константинова Т. А. Миллер (Мюллер) Герард Фридрих // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 207.
15. Константинов М. В., Константинова Т. А. Павлуцкий Антон Петрович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 237–238.
16. Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное дело, 1925. С. 55–56.
17. Кулаков В. С., Кривенко В. А. Кличкинский хребет // Малая энциклопедия Забайкалья. Природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. С. 247.
18. Кулаков В. С., Кривенко В. А., Руденко Ю. Т. Нерчинский хребет // Малая энциклопедия Забайкалья. Природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. С. 361–362.
19. Кулаков В. С., Синеца С. М. Урулунгуйские впадины // Малая энциклопедия Забайкалья. Природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. С. 585–586.
20. Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука: Сиб. издат. фирма, 1994. 102 с.
21. Мазин А. И. Таёжные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1986. 260 с.
22. Обязов В. А. Урулунгуй // Малая энциклопедия Забайкалья. Природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. С. 585.
23. Патронова А. Г., Константинов М. В. Кузнецов Алексей Кириллович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 185–186.
24. Цыбиктаров В. А. Петроглифы Забайкалья / отв. ред. В. И. Молодин. Улан-Удэ: БГУ, 2011. 276 с. EDN: QPWWNH

Сведения об авторе

Верещагин С. Б. – специалист Научно-образовательного музейного центра, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, forevich@inbox.ru

Information about the author

Vereshchagin S. B. – Specialist of the Scientific and Educational Museum Center, Transbaikalian State University, Chita, Russia, forevich@inbox.ru

УДК 94(=512.221)(571.55)

Советская научная литература по тунгусоязычным народам Забайкалья и Прибайкалья: историографический обзор

Алексей Владимирович Полухин^{1,2,3}

¹Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова

²Забайкальский научный центр, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

³Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

alex_polukhin@mail.ru

В статье даётся историографический обзор научной литературы советского периода, которая посвящена различным аспектам истории, материальной и духовной культуре тунгусоязычных народов Забайкалья и Прибайкалья. Оценивается значение ключевых работ данного исторического периода, а также формулируется вывод о роли советских учёных-тунгусоведов в изучении эвенкийского этноса и связанных с ним этнокультурных процессов, происходивших на территории Сибири и Дальнего Востока. Отмечается, что изучение тунгусоязычных народов Забайкалья и Прибайкалья в советское время связано с именами многих выдающихся учёных. Тунгусоведение именно в советский период переживало свой наивысший подъём. Тогда предлагались различные концепции этногенеза эвенков-тунгусов. В основу исследований легли археологические и этнографические данные, новейшие для того времени вспомогательные исторические дисциплины, к примеру палеогенетика, и т. д. Главный вопрос для тунгусоведов советского времени был связан с этногенезом тунгусов и установлением их предполагаемой прародины. Автор говорит о том, что проведённая в 1930–1990-е гг. работа стала основой для разработки более совершенных теоретических положений современными учёными.

Ключевые слова: историография, советская научная литература, советские исследования, советские учёные, исследователи, тунгусоязычные народы, эвенки, тунгусы, Забайкалье, Прибайкалье

Soviet Scientific Literature on the Tungusicspeaking Peoples of Transbaikalia and the Baikal Region: a Historiographical Review

Alexey V. Polukhin^{1,2,3}

¹Transbaikalian Regional Museum of Local Lore named after A. K. Kuznetsov

²Transbaikalian Region Scientific Center of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

³Transbaikalian State University, Chita, Russia

alex_polukhin@mail.ru

The article provides a historiographical review of the scientific literature of the Soviet period, which is devoted to various aspects of the history, material and spiritual culture of the Tungusicspeaking peoples of Transbaikalia and the Baikal region. The significance of the key works of this historical period is assessed, and a conclusion is drawn about the role of Soviet Tungusic scholars in the study of the Evenki ethnos and related ethnocultural processes that took place in Siberia and the Far East. It is noted that the study of the Tungusicspeaking peoples of Transbaikalia and the Baikal region in Soviet times is associated with the names of many outstanding scientists. It was during the Soviet period that Tungusic studies experienced its highest rise. At that time, various concepts of the ethnogenesis of the Evenks-Tungus were proposed. The research was based on archaeological and ethnographic data, the latest auxiliary historical disciplines for that time, for example, paleogenetics, etc. The main issue for Tungusicologists of the Soviet era was related to the ethnogenesis of the Tunguses and the establishment of their alleged ancestral homeland. The author says that the work carried out in the 1930s and 1990s became the basis for the development of more advanced theoretical positions by modern scientists.

Keywords: Historiography, Soviet Scientific Literature, Soviet Studies, Soviet Scientists, Researchers, Tungusicspeaking Peoples, Evenks, Tunguses, Transbaikalia, Baikal Region

Актуальность статьи обусловлена тем, что коренное население Забайкалья представляет собой уникальный этнокультурный феномен, поскольку многие забайкальские народы формировались под перекрёстным влиянием непохожих культур – российской и китайской. К таким народам следует относить тунгусо-эвенков Забайкалья и Прибайкалья. Изучение данного этноса уходит своими корнями ещё в дореволюционный период. Однако наибольший вклад в изучение культуры и истории эвенков внесли советские учёные, работы которых стали базисом для современных исследователей, и изучение советской научной литературы, посвящённой тунгусоязычным народам Сибири и Дальнего Востока, остаётся актуальной задачей отечественной исторической науки и в наше время.

Таким образом, следует говорить о необходимости систематизации и сбора информации, касающейся советской научной литературы по тунгусоязычному населению Забайкалья и Прибайкалья. Новизна научного исследования заключается в том, что в статье делается подробный историографический обзор научных работ советских учёных-тунгусоведов и тем самым подчёркивается проблема, связанная с заметным недостатком всесторонней и систематической современной литературы, посвящённой данной тематике. В статье приводится

историографический обзор советской научной литературы по тунгусоязычному населению Забайкалья и Прибайкалья.

В советский период наблюдалось интенсивное и всестороннее развитие отечественных исследований в области тунгусоведения. Данный прогресс был обусловлен значительным расширением и углублением базы данных об истории, материальной и духовной культуре, а также о процессах этногенеза тунгусоязычных народов, что стало возможным благодаря трудам советских учёных и исследователей. Особо следует отметить, что значительная часть этих сведений была получена в результате археологических находок, что свидетельствует о прогрессе археологии как важной вспомогательной дисциплины исторической науки. В период с 1950-х по 1970-е гг. советское тунгусоведение демонстрировало значительные достижения, причём особое внимание в научных кругах было уделено вопросам этногенеза тунгусских народов и его уникальным особенностям. Необходимо подчеркнуть, что данная проблематика продолжает оставаться актуальной и дискуссионной в современной научной сфере, требуя дополнительных исследований для глубокого понимания и решения конкретных проблем.

Исследователи, занимавшиеся изучением этого вопроса, в значительной степени опи-

рались на теоретические и методологические основания, преобладающие в отечественной науке того времени и характерные для советской этнографии. Отметим, что эти научные работы неразрывно связаны с идеологическими установками марксизма-ленинизма, которые оказывали определяющее влияние не только на сферу этнографических и этнологических исследований, но и на всю советскую научную деятельность в целом. Это в значительной степени касалось учёных-исследователей, поскольку их научные разработки и открытия формировали основу и направление развития советской науки, которая находилась под пристальным вниманием международного научного сообщества.

Таким образом, научные работы этнографов, специализирующихся на тунгусоведении в ранний советский период, были в значительной степени ограничены идеологическими рамками. Они фокусировались на подтверждении автохтонного происхождения тунгусских народов, а также на исследовании генетических и культурных связей современных языков и культур тунгусов Забайкалья и Прибайкалья с языками и культурами неолитического и раннего железного периодов. Таким образом, эти работы были направлены на демонстрацию глубокой исторической связи тунгусских народов с территорией, на которой они проживали.

Несмотря на строгие партийные директивы и доминирование марксистско-ленинской доктрины, некоторые научные работы и исследования временами отходили от официальных методологических подходов, не полностью соответствуя инструкциям ЦК ВКП(б), а в последующем ЦК КПСС. Это особенно стало заметно в период «оттепели» в середине XX в. Однако такие отклонения от идеологических линий также встречались в ранних работах советских учёных. Примером этого является применение комплексного подхода в работах Д. Н. Анучина и Д. Н. Зеленина. Кроме того, степень изученности этногенеза и ранних этапов этнической истории народов алтайской языковой семьи – эвенков-тунгусов, якутов и бурят – остаётся неравномерной и прерывистой. Например, к середине 1930-х гг. этногенез якутов был подробно описан в ведущих научных работах В. И. Иохельсона, В. Л. Серошевского, Р. К. Маака и Г. В. Константинова, в то время как этногенез эвенков-тунгусов и бурят изучался гораздо менее основательно и не имел развитой научной базы. Научные работы, которые включают исследования в области этногенеза и истории тунгусоязычного населения Забайкалья и Прибайкалья, имеют относительно невысокие ре-

зультаты, несмотря на то что в их разработке участвовали выдающиеся специалисты.

Одним из первых учёных-тунгусоведов по праву считается Е. И. Титов. Он не только сделал весомый вклад в изучение языка забайкальских тунгусов, но и дал науке важнейшие этнографические данные, на основе которых им были сделаны выводы о социальной организации и особенностях современного положения забайкальских эвенков. В рамках настоящего исследования особый интерес вызывает его работа под заглавием «Тунгусско-русский словарь: экспедиция по изучению оленных и оседлых тунгусов в Забайкалье» [10]. В работу включён отчёт об экспедиции по изучению оленных и оседлых тунгусов в Забайкалье, в нём содержатся данные о маршрутах экспедиций в 1919 и 1920 гг. по Прибайкалью, о зимовке 1925 г. в верховьях рек Лены и Киренги, а также о весеннем походе 1926 г. по Киренге, Витиму и Нерчи. Также в него включена информация о распределении населения и численности ороочнов в указанных регионах [Там же, с. 5–7].

Так, автор в ряде публикаций подчёркивает свою позицию по отношению к «вынужденной» оседлости эвенков-орочонов. Е. И. Титов сделал вывод, что тенденция к увеличению оседлости среди ороочон тесно связана с процессами деградации их традиционного оленеводческого хозяйства. Переход к оседлому образу жизни не является результатом осознанного выбора представителей этой этнической группы, а представляет собой принуждённую меру, на которую приходится идти оленеводам, оказавшимся в критическом экономическом положении. Е. И. Титов указывает на данные, демонстрирующие, что именно среди оседлых ороочон наблюдается наиболее высокий уровень смертности среди детей и молодых женщин. Анализируя взаимодействие ороочон с соседними народами, он отмечает, что в основном это влияние оказывается негативным: ороочоны сталкиваются с потерей своей национальной идентичности, распространением новых заболеваний среди их сообществ и увеличением экологического ущерба тайге, что в свою очередь подрывает жизненные основы коренных жителей этих территорий.

Помимо этого, Е. И. Титов работал над развитием новой науки – тунгусоведения. Он выделил первоочередные задачи данной дисциплины: проведение полевых стационарных исследований маньчжурского языка в контексте изучения фольклора и образа жизни его носителей, изучение других тунгусских народов Маньчжурии, находящихся на грани куль-

турного упадка, с риском полной потери своей культурной идентичности в течение следующих 10–15 лет, сбор, защита и научное изучение следов маньчжурской письменности также являлись ключевыми задачами тунгусоведения. Таким образом, деятельность Е. И. Титова способствовала развитию и популяризации тунгусоведения, учёный рассматривал вопросы, связанные с методами и способами сохранения культурной идентичности тунгусо-маньчжурских народов. Вклад Е. И. Титова в этнографическую науку неоспорим, поскольку он во многом заложил базу для развития отечественного тунгусоведения.

С. М. Широкогоров, выдающийся русский учёный, своими исследованиями в области этнографии и антропологии дал существенный толчок развитию отечественной этнографии, переведя её на новый уровень [17; 18]. Его работы, посвящённые этногенезу и истории северных тунгусов Забайкалья, внесли существенный вклад в научное сообщество. Однако, несмотря на это, последующие исследования в данной области не продвинулись вперёд, и российская этнография оказалась в «застое» в рамках исследования настоящей проблематики. Работы учёных-тунгусоведов, таких как Н. В. Ермоловой, Г. М. Василевич и В. А. Туголукова, несмотря на их важность и вклад в науку, также ограничиваются кратким изложением основных тезисов и гипотез этногенеза тунгусов Забайкалья-Прибайкалья, представленных в их работах. Это свидетельствует о том, что даже при наличии квалифицированных специалистов в различных областях науки, включая лингвистику, этнографию, археологию, антропологию и генетику, современные исследования этногенеза и истории тунгусоязычного населения Забайкалья и Прибайкалья не достигают должного уровня детализации.

Следует отметить, что все имеющиеся на сегодняшний день материалы, которые послужили основой для формулирования существующих гипотез в трудах учёных и исследователей относительно архаических черт физического типа, культуры, местонахождения прародины северных тунгусов и генетического родства с древними обитателями Сибири и Дальнего Востока, были добыты в результате обширных и систематических археологических, генетических, лингвистических и антропологических исследований. Формирование обширной информационной базы о тунгусоязычном населении на территории Северной Азии и её последующее включение в монографии периода 1970–1975-х гг. не ограничивалось только представлением результатов научных иссле-

дований в профессиональной среде антропологов и археологов. Эти данные и факты часто сопровождалось различными попытками реконструкции бытовых, социальных и хозяйственных аспектов жизни, а также этнической и языковой структуры древних народов. Подобный подход встречается в работах Г. Ф. Дебеца, А. П. Деревянко, Е. И. Деревянко, А. П. Окладникова, В. П. Алексеева, Э. В. Шавкунова и М. Г. Левина.

В рамках своей научной деятельности Г. М. Василевич предприняла глубокий анализ и исследование, охватывающее широкий спектр вопросов, связанных с фольклором, топонимикой, историей, духовными и материальными культурными практиками, социальной организацией и лингвистическими особенностями тунгусоязычного населения Забайкалья и Прибайкалья. В дополнение к этому она предложила оригинальную концептуальную модель этногенеза современных северных тунгусов, которая была обрывочно представлена в её монументальном труде, озаглавленном как «Эвенки. Историко-этнографические очерки» [1]. Тем не менее появление её публикации вызвало академическую критику со стороны З. П. Соколова и А. В. Смоляка, которые указали на некоторые неточности, связанные с использованием терминологии, в частности с разграничением названий и самоназваний. Кроме того, они и другие критики подняли вопросы, касающиеся внутренних противоречий между аргументацией и представленными данными в различных разделах монографии. Несмотря на эти вызовы, рецензенты отметили значимость работы Г. М. Василевич, охарактеризовав её как «примечательное явление в советской этнографии» [9, с. 163–166]. Однако исследование Г. М. Василевич также подверглось строгой критике со стороны И. С. Гурвича, Б. О. Долгих и В. А. Туголукова, что дополнительно подчёркивает сложность и спорность обсуждаемой тематики.

В период с 1960-х по 1990-е гг. В. А. Туголуков представил академическому сообществу значительный объём научных трудов, среди которых особо выделяются «Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока», «Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири», «История и культура эвенов», «Тунгусы среди татар и хантов на Иртыше и Оби в XVI–XVII вв.» [11–14]. Эти фундаментальные исследования охватывают широкий круг тем, связанных с материальной и духовной культурой, социальной структурой как прототунгусских, так и современных северных тунгусских групп. В. А. Туголуков разработал собственную теоретическую

концепцию этногенеза тунгусов, опираясь на обширный спектр архивных данных, полевых наблюдений и анализ литературных источников.

В своих научных работах он детально анализирует процессы расселения и изменения численности населения сибирских эвенков в различных регионах с XVII в. до начала XX в. В. А. Туголуков уделяет особое внимание этносоциальной структуре эвенков, их взаимодействию с кетоязычными и самодийскими народами, а также с якутами и русскими, подчёркивая активную роль эвенков в формировании новых этнических общностей, таких как нганасаны, долганы и северные якуты-оленьеводы в северо-западной части Восточной Сибири. Он также акцентирует внимание на историческом развитии эвенков и в меньшей степени эвенов, населяющих территории к востоку от Байкала и Лены, включая северо-восточные районы Китайской Народной Республики и Монголии, анализируя их расселение и демографические изменения вплоть до 20–30-х гг. XX в.

Особенно следует отметить научную деятельность А. П. Окладникова. Он оставил для научного сообщества огромный массив информации благодаря своим многочисленным исследованиям, охватывающим широкий спектр тем от палеолита Сибири до изучения петроглифов и изобразительного искусства древних племён. Его работа заложила основу для целого ряда научных направлений и подходов в археологии, этнографии и истории древних культур.

Среди его наиболее значимых достижений – глубокое исследование палеолита Сибири, в ходе которого он открыл множество археологических памятников, датируемых от каменного века до средневековья. А. П. Окладников не только расширил географию археологических исследований в Сибири, но и внёс существенный вклад в методологию археологических раскопок и интерпретацию археологических находок. В рамках вопроса, затрагивающего особенности древних культур Прибайкалья и Ангарского региона, выделяются монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» и «Неолитические памятники Ангары». Эти труды представляют собой фундаментальные исследования, направленные на всесторонний анализ археологических находок, раскрывающих материальную и духовную культуру населения, обитавшего в данной местности в неолитический и бронзовый периоды. В работах представлены результаты многолетних археологических раскопок, анализ керамических изделий, орудий труда, охоты и рыболовства,

а также предметов ритуального и бытового назначения. А. П. Окладников подробно рассматривает характер жилищ, социальную структуру тунгусов, хозяйственную деятельность и религиозные верования населения, обитавшего в Прибайкалье в указанные периоды. Особое внимание уделяется анализу влияния природных условий на развитие материальной культуры, а также изучению взаимодействия между различными этническими группами, что позволяет более глубоко понять динамику культурного и этногенетического развития региона.

Одной из ключевых тем в научной деятельности А. П. Окладникова было изучение наскального искусства. Его работы по петроглифам Сибири и Дальнего Востока заложили основу для систематического изучения древних изображений. Он разработал классификацию наскальных рисунков, определил их хронологию и культурную принадлежность, что позволило глубже понять духовный мир и социальную организацию древних обществ. Следует выделить монографию «Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири» [8]. Данный труд представляет собой всесторонний анализ выдающихся образцов древнего искусства, расположенных вдоль берегов озера Байкал. В рамках работы осуществляется глубокая историческая интерпретация байкальских петроглифов, которая тесно связана с эволюцией сибирских племён каменного и бронзового веков. Исследование раскрывает космогонические представления и мифологическую картину мира авторов этих наскальных изображений, демонстрируя их взаимодействие с культурами других регионов Европы и Азии. А. П. Окладников находит и аргументирует связи между шаманским фольклором бурят и эвенков с тематикой наскальных изображений, подчёркивая наличие непрерывной культурной и духовной связи между древними и современными жителями Прибайкалья.

Важной особенностью подхода А. П. Окладникова в изучении древних культур была его мультидисциплинарность. Он активно взаимодействовал с представителями различных научных дисциплин – от антропологии и этнографии до палеоэкологии и геологии. Это позволило ему реконструировать широкую картину жизни древних народов, включая их хозяйственную деятельность, социальную структуру, религиозные представления и искусство. А. П. Окладников также известен своими работами по истории исследований Сибири и Дальнего Востока, где он осветил вклад русских и зарубежных учёных в изучение этих территорий. Его научное

наследие включает многочисленные публикации, монографии, статьи и учебные пособия, которые продолжают оставаться актуальными для современных исследователей [3–8 и др.].

Также А. П. Окладников внёс значительный вклад в изучение этногенеза северных тунгусов. В монографии «Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети)» он приходит к следующему выводу: «Начиная с конца палеолита, когда исчезает бывшее единоеобразие культуры, хозяйства и бытового уклада древнейшего населения Сибири, на её территории постепенно складываются своеобразные локальные культуры... И вполне естественно было предположить, что такие древние этнические образования могут находиться в генетической связи с конкретными этническими группами современной Северной Азии... Сравнивая полученные материалы с этнографическими источниками, относящимися к тунгусским племенам Сибири (нынешним эвенкам и эвенам), мы увидели, что между ними имеются разительные по наглядности совпадения, которые позволяли сделать вывод: древняя культура Прибайкалья не исчезла бесследно, а пережиточно сохранилась именно у этих тунгусских племён» [5, с. 7]. Таким образом, А. П. Окладников обратил внимание на проблему исторической прародины тунгусов, подвергнув критике «южную» теорию происхождения данного этноса. Подробное изучение генезиса эвенков, а также особенности их материальной и духовной культуры представлены в работах А. П. Окладникова «Археология Северной и Центральной Азии», «Далёкое прошлое Приморья и Приамурья», «Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование» [3; 4; 7].

А. П. Окладников не просто расширил границы научного знания о древней истории и культуре Сибири и Дальнего Востока, а вдохновил поколения учёных на продолжение исследований в этой области. Его методологический подход, основанный на комплексном анализе археологических, антропологических, этнографических и природных данных, остаётся образцом для научных исследований в области археологии и этнографии.

Фундаментальная монография А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской («Петроглифы Забайкалья» [6]) оказала существенное влияние на исследовательскую деятельность А. И. Мазина. В этом труде А. П. Окладников и В. Д. Запорожская предприняли тщательную разработку и систематизацию теоретических положений, касающихся изучения наскальных изображений бронзового и раннего железного веков в Забай-

калье. Авторы монографии предложили классификацию петроглифов на основе их тематики и стилистики, выделив три основных типа: селенгинские, лесные и кяхтинские. Кроме того, А. П. Окладников и В. Д. Запорожская предприняли попытки датировки этих наскальных изображений, соотнося их с конкретными историческими периодами.

Селенгинские петроглифы были отнесены к бронзовому веку и скифской эпохе, кяхтинские – к периоду VI–III вв. до н. э., тогда как лесные петроглифы датированы бронзовым веком. Авторы проанализировали символическое и культурное значение данных петроглифов, выявив их связь с культом плодородия, как домашних, так и диких животных, а также с идеями обеспечения благополучия и процветания родовых и племенных сообществ.

Монография А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской подчёркивает важность петроглифов как ключевого элемента для понимания исторических процессов и явлений, связанных с теми эпохами, к которым относятся изученные наскальные изображения. Исследование оказалось ценным для изучения вопросов этногенеза тунгусских народов, их материальной и духовной культуры, обеспечивая научному сообществу новые перспективы для анализа [Там же, с. 51–190].

Значимый вклад в изучение этногенеза и культурного наследия северных тунгусов внесён учёным А. И. Мазиным, чьи ключевые работы, включая «Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.)» [2], базируются на обширной информационной основе, состоящей из детально проанализированного массива фактических данных. Исследовательское направление А. И. Мазина характеризуется глубоким аналитическим подходом к изучению материальной и духовной культуры забайкальских эвенков-орочонов, от их космологических представлений до детального описания шаманской атрибутики.

А. И. Мазин существенно обогатил научное понимание древней истории и религиозных взглядов тунгусоязычных народов, предпринимая тщательное исследование локальных вариаций эвенкийской культуры. Он внёс значительный вклад в исследование временных рамок и этапов расселения, взаимоотношений между тунгусскими группами и другими народами, а также в изучение эволюции религиозных представлений и шаманизма среди эвенков. А. И. Мазин стал одним из «пионеров» в систематическом и подробном анализе традиционных верований и мировоззрения забайкальских эвенков-орочонов [Там же, с. 3–6], расширяя

представления, до этого основывавшиеся лишь на фрагментарных данных отдельных исследователей, таких как Г. М. Василевич, Р. К. Маак и Г. Н. Госсковский.

Другая значительная область научных интересов А. И. Мазина связана с изучением таёжных писаниц, исследования которых он проводил на территории Забайкалья, Прибайкалья, Бурятии и Приамурья, продолжая и расширяя работу, начатую А. П. Окладниковым. А. П. Окладников выделил хронологические и стилистические особенности наскального искусства Забайкалья, в то время как А. И. Мазин не только подтвердил его положения, но и значительно расширил исследовательский контекст, включив в него петроглифы Восточного Забайкалья и прилегающих регионов. Однако наибольшее внимание А. И. Мазин уделял духовной и материальной культуре приамурских эвенков, что ярко отражено в его научной деятельности.

Таким образом, многоаспектная научная деятельность А. И. Мазина оказала огромное влияние на развитие археологии, этнографии, тунгусоведения и ряда других исторических дисциплин. Его работы отличаются глубиной анализа, широтой охвата проблематики и новизной подходов, что выделяет его исследования на фоне других научных работ в данной области.

Помимо этого, следует отметить монографию Э. В. Шавкунова «Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских племён» [16]. Несмотря на то, что основная часть работы посвящена обобщению результатов средневековых памятников чжурчженской эпохи, Э. В. Шавкунов также

обращает внимание на вопросы этногенеза северных тунгусов. Автор анализирует различные теории и гипотезы, основываясь на широком спектре источников, включая генетические исследования, чтобы предложить свой взгляд на этот сложный вопрос. Стоит отметить, что Э. В. Шавкунов придерживается северной теории происхождения современных эвенков. Древними предками тунгусов он называет носителей культуры карасукского типа, мигрировавших в Южную Сибирь и Забайкалье, а на рубеже веков – в районы Верхнего Приамурья, на юг Маньчжурии и Приморья из глубин Центральной Азии.

Таким образом, изучение тунгусоязычных народов Забайкалья и Прибайкалья в советское время связано с именами многих выдающихся учёных, которые рассматривали с разных сторон различные аспекты культуры и истории данного этноса. Следует отметить, что, несмотря на существовавшие идеологические установки и парадигмы, тунгусоведение именно в советский период переживало свой наивысший подъём. В это время учёные и исследователи предлагали различные концепции этногенеза эвенков-тунгусов, опираясь как на археологические и этнографические данные, так и на новейшие для того времени вспомогательные исторические дисциплины, к примеру палеогенетику, и т. д. Главный вопрос для тунгусоведов советского времени был связан с этногенезом тунгусов и установлением их предполагаемой прародины. Исходя из этого, стоит отметить, что проведённая в 1930–1990-е гг. работа стала основой и фундаментом для разработки более совершенных теоретических положений современными учёными.

Список литературы

1. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
2. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
3. Окладников А. П., Деревянко А. П. Археология Северной и Центральной Азии. М.: Наука, 1976. 231 с.
4. Окладников А. П., Деревянко А. П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 439 с.
5. Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары (от Шукино до Бурети). Новосибирск: Наука, 1974. 320 с.
6. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья: в 2 ч. Л.: Наука, 1969. Ч. 1. 217 с.
7. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. № 18. 412 с.
8. Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 168 с.
9. Смоляк А. В., Соколова З. П. Рецензия на монографию: Василевич Г. М. Эвенки // Советская этнография. 1971. № 1. С. 163–166.

10. Титов Е. И. Тунгусско-русский словарь: экспедиция по изучению оленных и оседлых тунгусов в Забайкалье. Иркутск: Изд-во Чит. краевого музея им. А. К. Кузнецова, 1926. 179 с.
11. Туголуков В. А. История и культура эвенов // Этногенез и этническая история. СПб.: Наука, 1997. С. 13–22.
12. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 286 с.
13. Туголуков В. А. Тунгусы среди татар и хантов на Иртыше и Оби в XVI–XVII вв. // III Всесоюзная тюркологическая конференция. Литературоведение. История (тезисы докладов и сообщений). Ташкент, 1960. С. 169–170.
14. Туголуков В. А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. 352 с.
15. Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152–177.
16. Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэнэй-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
17. Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов. М.: Наука: Вост. лит., 2017. 710 с. EDN: XPFDHN
18. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай: [б. и.], 1923. 135 с.

Сведения об авторе

Полухин А. В. – научный сотрудник сектора «Истории», Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова; старший лаборант, Забайкальский научный центр, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; ассистент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, alex_polukhin@mail.ru

Information about the author

Polukhin A. V. – Researcher of the History Sector, Transbaikal Regional Museum of Local Lore named after A. K. Kuznetsov; Senior Laboratory Assistant, Trans-Baikal Region Scientific Center of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; Assistant of the Department of History of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, alex_polukhin@mail.ru

УДК 94(47+510)

Миссия И. Петлина: поиски северного пути в Китай

**Галина Петровна Камнева¹, Сергей Александрович Сотников²,
Андрей Александрович Сотников³**

^{1,3}Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия

²Главный информационно-вычислительный центр

Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

¹kamnevagp@gmail.com, ²sergey@histr.ru, ³microlabus@mail.ru

Отправление первых русских миссий на поиски путей в Китай было продиктовано несколькими факторами. Во-первых, это активность местных воевод, которая определялась интересами сибирских служилых людей (обеспечение себя необходимыми товарами для жизни), во-вторых, стремление оградить русскую Сибирь в целом и торговлю со странами Востока в частности от иностранного вмешательства и влияния. Первые миссии наладили отношения с монгольскими ханами, что позволило русским проезжать в Китай через монгольские улусы беспрепятственно. Миссия Ивана Петлина была продиктована не столько внутренними потребностями Москвы, сколько внешним фактором – давлением со стороны европейцев. Тем не менее миссия И. Петлина имела огромное значение. Именно она подвела итог попыткам найти северный путь в Китай. Это был своего рода первый этап в русско-китайских отношениях, который носил характер единичных контактов, а не регулярный, как хотелось бы местным воеводам.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, Дальний Восток, Северо-Восток Китая, Маньчжурия, приграничные территории с Китаем, миссия Ивана Петлина, северный путь в Китай

I. Petlin's Mission: the Search for the Northern Route to China

Galina P. Kamneva¹, Sergey A. Sotnikov², Andrey A. Sotnikov³

^{1,3}State University of Education, Moscow, Russia

²Main Information and Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation
Moscow, Russia

¹kamnevagp@gmail.com, ²sergey@histr.ru, ³microlabus@mail.ru

The departure of the first Russian missions in search of ways to China was dictated by several factors. Firstly, it is the activity of local voivodes, which was dictated by the interests of Siberian military personnel to provide themselves with the necessary goods for life, and secondly, to protect Russian Siberia and trade with the countries of the East from foreign interference and influence. The first missions established relations with the Mongolian Khans, which allowed Russians to pass through the Mongolian ulus to China unhindered. Ivan Petlin's mission was dictated not so much by the internal needs of Moscow as by an external factor – xpressure from the Europeans. Nevertheless, I. Petlin's mission was of great importance. It was she who summed up the attempts to find a northern route to China. This was a kind of first stage in Russian-Chinese relations, it was in the nature of isolated contacts, and not regular, as local voivodes would like. This was dictated by the passivity of the Moscow government, as well as a decrease in pressure.

Keywords: Russian-Chinese Relations, the Far East, Northeast China, Manchuria, Border Territories with China, Ivan Petlin's Mission, the Northern Route to China

Установление отношений между Россией и Китаем должно было состояться ввиду активного развития двух государств. Главной задачей для русских стал поиск пути в Китай. Северным путём в Китай интересовалась не только Москва, но и западные страны, они видели нашу страну своеобразными вратами в государства Северо-Восточной Азии. Точных сведений о местоположении Китая и России относительно друг друга и о том, какие пространства лежали между странами, не было. Недостаток сведений и знаний о расположении Китая привёл европейцев к неправильному выводу о том, что Минская империя находится у истоков реки Обь, европейские географы обосновывали данную неверную теорию, всё это базировалось на картах, которые были сделаны ещё в XVI в.: «Впервые Обь появилась на карте данцигского сенатора Антония Вида, составленной в 1537–1544 гг., затем на копии карты Вида, исполненной базельским космографом Себастьяном Мюнстером. Но связал Обь с Китаем немецкий дипломат и путешественник С. Герберштейн. На карте, приложенной к его труду “Записки о московских делах”, изданному в 1549 г., Обь изображена вытекающей из озера Китай» [3, с. 13]. Неверные представления европейцев о местоположении относительно друг друга русской Сибири и Китая, а именно предположения о их близости, подстегнули многие страны Западной Европы формировать свои экспедиции для поиска северного пути в Китай. Одними из самых настойчивых в этом плане оказались английские предприниматели, которые на протяжении всего XVII в. исследовали русский Север, но особых результатов это им не дало.

Россия также расширяла свою торговлю на Востоке и усиливала своё присутствие в этом регионе, о чём свидетельствует появление множества русских городов в Сибири: Тюмень (1587), Сургут (1594), Тара (1594), Верхотурье (1588), Мангазея (1601), Томск (1604) и т. д. Расширение Русского государства за счет исследования и освоения Сибири привело к общим границам с монгольскими княжествами, которые на тот момент имели торговые отношения с Китаем. Результатом отношений с монгольскими ханствами и торговли со Средней Азией становится то, что в сибирских городах появляются китайские товары, хорошим спросом пользовалась китайка (ткань). Это подогревало интерес местных воевод к установлению отношений с Китаем. В это же время неудачные морские экспедиции англичан заставили их обратиться к русскому правительству с просьбой о сухопутной миссии через территорию России. Помимо английских послов, которые пытались всяческими путями организовать сухопутную экспедицию на Восток, были и другие страны, заинтересованные в этом, например, голландцы также хотели сформировать свою экспедицию в 1608 г., это известно из труда И. Массы – «Краткого известия о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года» [2, с. 4].

Ранее мы уже говорили об отправке миссии Белоголова, которая была связана как с повышенным интересом со стороны европейцев к вопросу о путях в Китай через Россию, так и со сведениями, которые получили в Томске, что владения Алтын-хана достаточно близко находятся и к русской Сибири, и к Китайскому государству [3, с. 39–40]. Сама же экспедиция была

безрезультатной, она не достигла границ Китая и не смогла посетить владения Алтын-хана, этому помешал военный конфликт между ойратами и Алтын-ханом, что видно из отписки томского воеводы В. В. Волынского [3]. Алтын-хан всё равно узнал о попытке русских землепроходцев пройти через его владения, что станет известно из его грамоты, которую он отправил спустя 11 лет Михаилу Федоровичу [Там же, с. 75].

Москва пыталась скрыть информацию о миссии Белоголова от европейцев и сведения, которые были получены в результате ее. Но утечка сведений об этой миссии все равно случилась, узнать об экспедиции смог И. Масса. Также продолжают попытки Англии получить разрешение на сухопутную экспедицию, посол Мерик заявляет о готовности помочь в переговорах с шведами при условии, что Русское правительство даст согласие на английскую миссию. Русская дипломатия пыталась отстоять свои интересы на Дальнем Востоке и Сибири, в Москве понимали, что русские в районе Сибири ещё слабо укрепились. Это видно по донесениям от сибирских воевод.

2 мая 1616 г. переговоры с Мериком насчёт экспедиции были отложены до его возвращения из Швеции.

29 июня 1615 г. из Москвы были отправлены В. Тюменцев (Тюменец) и И. Текутьев, их должен был снарядить Куракин для посольства к Алтын-хану. Куракин, не дожидаясь московских людей, отправляет свою экспедицию, во главе которой становятся Томила Петров и Иван Куницын. Служилые люди вернулись в Тобольск в сентябре, они смогли добыть сведения о Китае, так как в Калмыкии встретились с представителями Китайского государства [Там же, с. 43]. Практически сразу после прибытия в Тобольск они были отправлены в Москву для предоставления отчёта о своей миссии, до нас дошли их расспросные речи в Посольском приказе: «А Алтын-царевич в одном совете с китайским царем, и кочевье его по одной реке от Китайского государства во шти днях, а колматским людям он силен. Емлют с колмаков китайской царь и Алтын-царь ясак по 200 верблюдов да по 1000 лошадей и овец на год со всякого тайша, с лутчих тайшей, oprичь мелких тайшей <...> А имя китайскому царю Тайбыканкан...» [Там же, с. 50]. Куницын и Петров смогли получить сведения о Китае (о некоторых его традициях), но важно то, что они привезли информацию о речном пути в Китайское государство, что могло доказать предположение европейцев о том, что через русские владения в Сибири можно добраться до Минской империи морским путём.

Итогом этих миссий стало то, что русское правительство получило небольшие сведения о Китае, разрешение некоторых монгольских ханов на проход русских миссий через их территории, также получение более обширных сведений о Монгольских землях позволило русским сделать вывод, что владения Китая находятся не так далеко от Сибири, как изначально предполагалось. Европейская теория о морском пути в Китай также пока не опровергалась, хотя сведения, добытые в ходе экспедиций, показали, что в Монголии нет крупных речных систем, в целом эти две миссии дали почву для приготовления первой русской миссии в Китай, которую начал формировать И. С. Куракин, изначально в главе миссии должен был поставлен боярин М. Трубчанинов.

В это время в Москву возвращается Мерик из Швеции после заключения Столбовского договора, на царском обеде он встречает Мэрэна и Киченгу, это даёт ему понимание, что русские продвинулись в изучении путей на Восток. Он решает снова поднять вопрос об английской экспедиции через русские земли. Перед русской дипломатией стоит задача: оградить русскую торговлю с восточными странами от европейцев, чтобы укрепить Сибирские и Дальневосточные районы. Сложность ситуации состоит в том, что Россия не могла в открытую отказать Англии, так как нуждалась в торговле с Лондоном и его финансовой помощи, ещё одним существенным фактором была помощь Мерика в переговорах со шведами. Эти факторы предопределили тактику русских дипломатов, связанную с попытками затягивать переговоры, а именно обсуждать очень детально нюансы английской миссии, но при этом постоянно откладывать решение главного вопроса об английской экспедиции (разрешение на эту экспедицию). Русская сторона пыталась показать нецелесообразность поиска северного морского пути в Китай, в частности по реке Обь.

В июне 1617 г. начинаются переговоры с английской стороной по поводу экспедиции, Англию представлял Джон Мерик, Россию – Ф. И. Шереметьев. Главная задача перед британским послом, как и прежде, – добиться разрешения на английскую миссию через русскую Сибирь. Мерик попытался доказать выгоду данной операции для обоих государств, а именно: открытие нового пути в Китай расширит торговый оборот России со странами Средней Азии и Китая [Там же, с. 60]. Русские дипломаты понимали, что данное предложение не несёт выгоду для отечественной торговли, но открыто отказать английской стороне они не могли, так как торговля с Англией была нужна Русскому

государству для дальнейшего восстановления после событий Смуты, поэтому Шереметьев делает попытку представить данную экспедицию как невыгодную для англичан в силу огромных пространств, которые лежат между европейской частью России и Сибирью [3, с. 61]. Помимо этого уже было ясно, что московское правительство хочет самостоятельно продолжить поиски пути в Китай, а разведывательные миссии, которые отправлял Куракин, и недостаточно твердое положение русских в сибирских районах укрепили данную позицию в царском окружении [Там же]. В Москве уже тогда знали о снаряжении экспедиции И. С. Куракиным в Китай, Шереметьев понимал, что нужно показать серьёзность намерений России насчёт дальнейшего освоения Сибири и Дальнего Востока, а также о защите отечественной торговли со странами Средней Азии. Политика протекционизма в торговле с другими странами уже тогда начинает набирать популярность среди окружения царского двора: «А ныне по царского величества указу велено про Китайское государство ис Сибири воеводам провести подлинно, каково оно велико и богато. И в Китайское государство уж государевы люди и пошли проводить» [Там же].

Джон Мерик попытался узнать о государствах монгольских ханов, укладе их жизни. Ф. И. Шереметьев располагал сведениями о владениях Алтын-хана из русских экспедиций, описал расположение ханства, товары, которые пользуются спросом. Подробные сведения о местности, которые были получены в ходе миссий, позволили русской стороне дать понять английскому послу, что водного пути в Китай из Сибири нет, а именно речь идёт о том, что европейцы предполагали, что по реке Обь можно попасть в Китайское государство: «А от Алтына-царя, сказывают, до Китайского государства ходу с месяц и больше, только проход нужной сухим путем, безводен, все пески» [Там же]. Это было вызвано стремлением русской дипломатии не дать аргумента для английской стороны в пользу её экспедиции через Россию.

Боярская дума 27 июня 1617 г., узнав, как прошли переговоры с Мериком, решила дальше оттягивать решения его вопроса. Под предлогом, что такие дела не решаются без мнения всего государства, было решено созвать и расспросить торговых людей из Москвы. На следующий день группа купцов во главе с И. А. Юдиным ввели торговлю с Англией через Архангельск и с Персией через Астрахань. Юдин сразу сказал о том, что англичане ищут путь в Китай через Персию и что допускать их до Китайского государства нельзя. Боярская

дума настаивает на позиции, чтобы отговорить английского посла от поисков пути в Китай. В июле 1617 г. русские послы в Англию С. Волынский и М. Позднев должны были предоставить британскому правительству такую же информацию, какую получил Мерик, а также они должны были дать отказ Англии на экспедицию через русские земли. 9 июля уже сам Мерик получил письмо отказа в своей просьбе. Установление контакта России с далёкими восточными странами поднимало её международный престиж, именно поэтому 26 апреля 1618 г. посол Ф. П. Борятинский в Швеции в беседе с шведским канцлером заявляет, что русская миссия достигла границ Китая [Там же, с. 65]. На самом деле первая русская миссия в Китай отправится чуть позже, задержка была вызвана тем, что монгольские послы задержались в столице Русского государства (Мэргэн, Киченга), по возвращении из Москвы они должны были стать сопровождающими русских до владений Алтын-хана, также, по-видимому, происходит смена главы миссии, потому ни о какой экспедиции в Китай Трубчанинова документы до нас не дошли, первое полуофициальное посольство в Китай возглавит Иван Петлин, некоторую информацию о пути в Китай через Монголию он получит из ранее состоявшейся миссии В. Тюменцева (Тюменца) и И. Текутьева.

Таким образом, отправка первой русской миссии в Китай была вызвана тем, что русское правительство пыталось оградить русскую торговлю от иностранного вмешательства, не допустить транзитной торговли через русскую землю, а также ослабления русского влияния в Сибири. Нажим английской дипломатии на Русское государство ускорил процесс организации первой русской экспедиции в Китай, также на формирование экспедиции подталкивали хорошие отношения с Алтын-ханом, что дало реальную возможность русских проехать через Западную Монголию и подобраться к границам Минской империи.

Русская экспедиция отправилась из Томска 9 мая 1618 г. вместе с монгольскими послами. В скором времени они добрались до места, в котором кочевал Шолой Убаши-хунтайджи – вершина р. Тес-Кем. Алтын-хан сдержал обещание и пропустил их в Китай, отправив с ними своих сопровождающих (лама Биликта и Тархан). Два этих человека являлись буддийскими монахами, занимали высокие чины в буддийской духовной иерархии, что позволяло беспрепятственно пройти русской миссии через монгольские земли, а также быть принятыми в Китае, так как данных послов не имели права трогать и причинять им вред. Тархан же

был отправлен в Москву в качестве посла от Алтын-хана в 1620 г., а Биликта отправил своё посольство в Москву с просьбой торговать на территории России своим людям.

Лама давал русской экспедиции не только защиту, так как на главу ламаистской церкви никто бы не посмел напасть, но и они помогали собирать сведения, так необходимые русским, ламы были также проводниками и выступали в роли переводчиков. От Алтын-хана И. Петлин со своим окружением отправились в г. Хухэ-Хото, для того чтобы получить грамоту от монгольской княгини, чтобы попасть в Китайское государство. Грамота служила своеобразной визой того времени. По пути в Хухэ-Хото русская миссия исследовала Халху и Тумэтское ханство. Из Тутмэтского ханства посольство И. Петлина отправилось к Калгану, это был главный проход в Великой китайской стене для прибывших в Китай с севера. 1 сентября 1618 г. И. Петлин и его спутники прибыли в Пекин, на дорогу у них ушло 3 месяца и 22 дня, в самой же столице они пробыли 4 дня.

Надо понимать, что послов из России принимали никак от равного государства, а как людей, которые доставляют дань, это связано с китайским обычаем того времени, государства делились на «вассальное государство» либо «иноземное государство», при этом любой поезд к императору – это привоз дани. Русское посольство расположили на «большом посольском дворе». Император Чжу Ицзюнь отправил своего сановника, узнав о прибытии иностранцев. И. Петлин называл его «посольский дьяк», сановник пытался узнать, с какой целью русские прибыли в Китай. И. Петлин пишет о разговоре с китайским сановником, чиновник упрекнул русских в том, что они приехали без «поминок», из-за этого русская миссия не смогла получить аудиенцию у императора, так как не располагала нужными «поминками», также минский представитель заверил И. Петлина о том, что если бы были дары императору, то казак был бы удостоен аудиенции, но скудное обеспечение первой русской миссии в Китай не позволило приступить к переговорам с главой Минской империи [3, с. 89]. Ответ И. Петлина был достойный, казак не уронил честь и престиж Русского государства и прекрасно вышел из столь затруднительного положения: «Сибирского государства проводывать про великое Китайское государство, и с нами грамот и поминков нет, а будет великого государства нашего государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и к вашему великому государю послы нарочно – и грамоты и дары с ними будут» [Там же]. Минский представитель

в ответ заверил русских представителей в том, что они получат грамоту от императора.

Также из статейного списка мы узнаём об обмене информацией в отношении своих государств. И. Петлин получил сведения о китайской торговле, религиозных укладах. Стоит заострить внимание, что уже тогда русские узнали о складывании мощного и достаточно агрессивного настроенного на внешнеполитической арене Маньчжурского государства. Русских представителей очень интересовало, почему такое богатое и большое государство не посылало купцов в Россию. Ответ китайского сановника был достаточно стандартный, он был основан на китаеццентрической дипломатической модели Минского государства: «А послов де царь наш к вашему царю не посылает для того, что де у вашего царя вещи есть всякие, а у нашего тако же есть. Есть де у нашего царя камень, день и ночь светит, что солнце, по их «сэра», а по-руски «самоцвет», а другой камень ирденият, и как де покинем в воду, и от него вода розступается» [Там же, с. 90].

Русские представители также решили одну из главных задач этой миссии, а именно был развеян миф о реке Обь, которая вытекает из Китайского озера, это подтвердит «братец татарин» Куштак на обратном пути И. Петлина [Там же]. Ещё одним значимым результатом данной миссии стало получение императорской грамоты, в этой грамоте Чжу Ицзюнь даёт разрешение на торговлю русских в Китае, а также на отправку последующих посольств в Пекин, также была затронута тема поддержания дипломатического контакта путём переписки двух глав государств, своего рода предложение установления постоянных добрососедских отношений. Насчёт отправки китайской торговой миссии в Москву в грамоте было сказано следующее: «А мне к вам, великому государю, своих послов послать нельзя, что путь дальний и языка не знают. И от меня ныне к вам, великому государю, челобитье, и бью челом тебе, великому государю. Только бы к тебе, великому государю, моим послом путь был, и я бы к вам присылал своих послов. И я по своей вере, царь, ни сам из государства не выезжаю, и послов своих и торговых людей не выпускаю» [Там же, с. 24]. Обратный путь И. Петлина занял больше времени, так как проходил в суровых условиях (осень-зима), из Китая русские вышли 10 октября 1618 г., по пути к ним присоединились два посольства: киргизское и монгольское. Уже в начале мая 1619 г. Иван Петлин прибывает в Томск, в это время тобольский воевода И. С. Куракин, как только узнал о возвращении Петлина, отправляет грамоту в

Москву с этой информацией. Петлин приехал в Тобольск с двумя посольствами: киргизским и монгольским (в главе монгольского был Тархан). Он сразу же поручил И. Петлину сделать «Роспись», также в Тобольске сделали перевод грамоты Алтын-хана, но вот грамоту Чжу Ицзюня не смогли. Свою «Роспись» И. Петлин завершил в мае-июне 1619 г. Как только всё было готово, И. Петлин и Кизылов отправились в Москву, 7 дней спустя два посольства к царю тоже выехали. Михаил Федорович пребывал в Кинешме в связи с его поездкой в Унжинский монастырь, в итоге из Нижнего Новгорода Петлин был отправлен сразу к царю. 23 сентября 1619 г. они прибыли в «государев стан», были переданы все документы, с И. Петлина был снят расспрос. Всё это время киргизское и монгольское посольства были в Нижнем Новгороде, дальше их не пускали, это начало раздражать ламу, Тархан подал челобитную на имя царя, 3 января 1620 г. они выезжают, а уже 11 января 1620 г. ламу расспрашивали в Посольском приказе о цели его визита в Россию.

Первая реакция Москвы на сведения, привезённые И. Петлиным, это отправка грамоты И. С. Куракину, где говорилось о немедленной экспедиции в район озера Убса-нор для добычи драгоценных камней, сам же воевода мыслил шире и хотел дальше развивать отношения с Китаем, он также не отошёл от идеи найти морской путь в Китай. В это время Трубочанинов заканчивает строительство Енисейского острога, который занимал весьма выгодное положение из-за пересечения рек, в дальнейшем он сыграет очень важную роль в освоении Сибири. И. С. Куракин решился на экспедицию вверх по Енисею, надеясь отыскать водный путь до Китая. Во главе миссии встали Андрей Шарыгин и Василий Тюменец. Весной 1620 г. после вскрытия рек они должны были отправиться в Кузнецкий острог, а дальше искать водный путь до Китая, но эта миссия была прервана из-за того, что в начале 1620 г. закончилось воеводство Куракина, Боборыкина, Трубочанинова в своих острогах, на их место пришли М. М. Годунов (Тобольск) и И. Ф. Шаховской. Новые воеводы не решились продолжать дело своих предшественников, так как опасались давления из центра. Отметим, что в самой столице русского государства очень настороженно отнеслись к установлению и расширению отношений с Монгольскими ханами, а тем более с ещё малоизученным Китаем. Грамота минского императора так и осталась непереведённой, а грамота Алтын-хана была воспринята холодно, во-первых, текст грамоты был написан в независимом тоне, что давало понять, что Ал-

тын-хан хотел вести переговоры на равных. Такое отношение было продиктовано тем, что самое первое послание Алтын-хана, привезённое Тюменцовым, была неправильно переведено, так как он не признавал себя поданным русского царя. Во-вторых, в это время разворачивалась война Турции и Речи Посполитой, а Шолой Убаши-хунтайджи предлагал России вступить в войну на его стороне против Хара-Хулы, который принял русское подданство. Так что Алтын-хан получил достаточно холодный ответ от Москвы, которая не могла вступить в войну по нескольким причинам, тем более основные внешнеполитические задачи России на тот момент лежали на Западе.

Таким образом, постепенное расширение России на Восток сталкивало её со странами Востока, из-за отдалённости Сибири от центральных районов местным воеводам приходилось решать вопросы по торговле и обеспечению своих острогов всем необходимым, так как на начало XVII в. в нашей стране выпал тяжёлый период Смуты, дальнейшее развитие торговли Сибири со Средней Азией способствовало расширению торговых связей сибирских острогов с Монголией, деятельность сибирских воевод, а именно И. С. Куракина, позволила наладить контакт с местными ханами (это в свою очередь позволило нам узнать о Китайском государстве), также отметим нажим со стороны европейцев, которые пытались найти морской путь в Китай. Всё это способствовало отправке первой русской миссии в Китай. Миссия И. Петлина увенчалась прекрасными географическими открытиями и завершила первый этап в развитии русско-китайских отношений, поскольку стимулирование было за счёт внешних факторов, то должного продолжения эти контакты не получили, хотя на первое время центр и смог унять некоторый запал отдельных энтузиастов, но в целом экспедиции И. Белоголового, В. Тюменцова, И. Петлина дали толчок для дальнейших миссий в этом направлении, заинтересованность в новых торговых точках в других странах не угасала. Уже в 1635 г. Васильев и Щепеткин пытались добиться разрешения у русского царя на отправку новой миссии в Китай, но безуспешно. Русское правительство не решилось на данную авантюру. В 1641–1642 гг. тарский казак Емельян Вершинин торговал в г. Синине, смог достать грамоту для русского царя от императора Сыцзуна. И только лишь в середине XVII в. в Русском государстве, наконец, созрели те самые необходимые экономические и политические условия, которые позволили снарядить первое официальное русское посольство во главе с Ф. И. Байковым.

Список литературы

1. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. М.: Наука, 1966. 159 с.
2. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэкгиз, 1937. 206 с.
3. Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и документы: в 2 т. Т. 1. 1608–1683 / сост. и обработка текста Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова. М.: Наука, 1969. 613 с.

Сведения об авторах

Камнева Г. П. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Историко-филологический институт, Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия, kamnevagp@gmail.com

Сотников С. А. – кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела системного администрирования, Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия, sergey@histr.ru

Сотников А. А. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Историко-филологический институт, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия, microlabus@mail.ru

Information about the authors

Galina P. Kamneva – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of Historical and Philological Institute of the State University of Education, Moscow, Russia, kamnevagp@gmail.com

Sergey A. Sotnikov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the System Administration Department, Main Information and Computing Center of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia, sergey@histr.ru

Andrey A. Sotnikov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of the Historical and philological Institute of the Moscow State University of Education, Moscow, Russia, microlabus@mail.ru

УДК 94(571.55)

Два «забытых» документа Забайкалья эпохи Петра Великого

Александр Олегович Барinov

г. Чита, Россия

ao.barinov@yandex.ru

Статья посвящена двум документам, датированным 1715 и 1720 гг., напечатанным краеведом И. В. Багашевым в газете «Забайкальская новь» в 1912 г. Автор напоминает о печальной истории архива, собранного этим исследователем. Вот и материалы, обнародованные в 1912 г., никем позже не использовались. А в них приведены интересные факты о том, что представляло собой в то время «Нерчинское Забайкалье» или «Даурия». Впервые названы неизвестные имена двух комендантов Нерчинска, ряда приказчиков населённых пунктов вокруг Нерчинска, включая Читы. Приведены интересные сведения о социально-экономическом положении и оборонном потенциале региона. Это позволяет полнее представить историю края в период правления Петра I. Автор завершает исследование замечанием о вере в то, что те, кому удастся найти все остальные публикации, сделанные краеведом Иваном Васильевичем Багашевым в 1912 г. в газете «Забайкальская новь», смогут серьёзно дополнить историю Нерчинского Забайкалья архивными данными, до сих пор не попавшими в Летопись нашего края.

Ключевые слова: архивные документы, коменданты, приказчики, вооружение, социально-экономическое положение, населённые пункты, Петр Великий, И. В. Багашев, Нерчинск, «Нерчинское Забайкалье», Даурия

Two “Forgotten” Transbaikalia Documents from the Era of Peter the Great’s

Alexander O. Barinov

Chita, Russia

ao.barinov@yandex.ru

The article is devoted to two documents dated 1715 and 1720, published by the local historian I. V. Bagashev in the newspaper “Zabaikalskaya Nov” in 1912. The author recalls the sad history of the archive collected by this researcher. So the materials published in 1912 were not used by anyone later. And they contain interesting facts about what the “Nerchinsk Transbaikalia” or “Dauria” was like at that time. For the first time, the unknown names of two commandants of Nerchinsk, a number of clerks of settlements around Nerchinsk, including Chita, have been named. The article provides interesting information about the socio-economic situation and defense potential of the region. This allows us to more fully present the history of the region during the reign of Peter I. The author concludes his research with a remark about the belief that those who manage to find all the other publications made by local historian Ivan Vasilyevich Bagashev in 1912 in the newspaper Zabaikalskaya Nov will be able to seriously supplement the history of Nerchinsk Transbaikalia with archival data that has not yet been included in the Chronicle of our region.

Keywords: Archival Documents, Commandants, Clerks, Weapons, Socio-Economic Situation, Settlements, Peter the Great, I. V. Bagashev, Nerchinsk, “Nerchinsk Transbaikalia”, Dauria

В процессе работы в 2024 г. в Государственном архиве Забайкальского края в газете «Забайкальская новь» [1, с. 3] мы наткнулись на материал «К истории Забайкалья. Из архивных данных», подготовленный известным в крае краеведом, литератором и журналистом Иваном Васильевичем Багашевым (1843–1919). Интересно, что тут же стояла пометка, что это уже третий материал из этой темы. Начинался он очень интересным предложением: «Ниже я привожу некоторые случайно попавшие мне документы из бывшего (истребленного) нерчинского архива» [Там же].

Известный советский краевед Евгений Дмитриевич Петряев (1913–1987) установил, что всего в 1912 г. И. В. Багашевым исторические документы были опубликованы в семи номерах «Забайкальской нови» [7, с. 9]. В Государственном архиве Забайкальского края удалось найти только один вышеназванный материал, а в Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова и в Забайкальской краевой научной библиотеке им. А. С. Пушкина указанных номеров вообще нет. Можно предположить, что Е. Д. Петряев обнаружил их в Иркутске или в Санкт-Петербурге.

По данным историка и библиографа Ирины Георгиевны Куренной, приведённым в «Энциклопедии Забайкалья», архив И. В. Багашева оказался «разрозненным и большей частью утерянным» [11, с. 78]. Позже этот исследователь уточнила, что архив И. В. Багашева, вывезенный им из Кяхты в Нерчинск, весил 25 пудов (почти 410 килограмм), в 1912 г. был продан красноярскому промышленнику и меценату Г. В. Юдину [5, с. 76].

Часть архива И. В. Багашева хранится в Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова. Её очень основательно из-

учила историк и музеевед Наталья Николаевна Константинова. По её предположению, часть этого архива попала из Нерчинска, вероятно, в 1890-х гг. благодаря первому директору музея А. К. Кузнецову [Там же, с. 77], но документов по истории Забайкалья в эпоху Петра I, судя по информации исследователя, в этой части не было.

Наиболее полную информацию о биографии И. В. Багашева и судьбе его архива привёл ещё в 1957 г. в книге «Люди и судьбы» вышеупомянутый Евгений Дмитриевич Петряев. Благодаря ему известно, что 1912 г. стал крайне тяжёлым для Ивана Васильевича Багашева. В тот год он вынужден был продать свой архив известному библиофилу и создателю крупнейшего собрания литературы о Сибири Геннадию Васильевичу Юдину (1840–1912). Но в марте 1912 г. Юдин «неожиданно умер, а наследники все его ценнейшее собрание рукописей решили продать» [8, с. 92]. Именно в это время архив Багашева переправлялся из Нерчинска в Красноярск, остановить его отправку было уже невозможно. После продажи архив оказался разбросанным. «После Красноярска архив побывал в Новосибирске, частью в Иркутске, – сообщал Петряев. – Возвратившись после революции снова в Забайкалье (частями в Кяхту и Читу), архив был уже сильно разрознен» [Там же, с. 95].

Можно предположить, что перед отправкой архива в Красноярск Иван Васильевич часть документов копировал. И затем некоторые из них, причём в переводе на современный ему русский язык, И. В. Багашев и опубликовал в «Забайкальской нови». Почему же позже никто из исследователей не использовал данные этих публикаций? Как мне кажется, это объясняется тем, что те исследователи, которые за-

нимаются изучением событий XVIII в., газеты начала XX в. не просматривали. А те, кто изучает то, что происходило в недавнем веке, внимание на материалы о событиях «не их» века не обращали.

А теперь обратимся к обнародованным в 1912 г. краеведом И. В. Багашевым документам. Так же, как и он, переведем их большей частью на современный уже нам язык и заодно не будем просто цитировать (хотя часть из них всё же процитируем), а попытаемся проанализировать изложенную Иваном Васильевичем информацию, которая позволяет уточнить многие аспекты из истории Забайкалья в начале XVIII в. Причём придётся оба документа, датированных 1720-м и 1715-м гг., поменять местами.

Итак, благодаря «перечневой выписке» 1715 г., становится известным, кто стоял во главе основных населённых пунктов Восточного Забайкалья. Всех начальников такого уровня той поры звали «приказчиками». Во главе Аргунского пограничного острога был нерчинский «сын боярский» Петр Калинин, Теленбинского – нерчинский конный казак Григорий Куделин, которому подчинялся и Иргенский острог. Яравнинским острогом командовал нерчинский «сын боярский» Агафон Сенотрусов. А вот во главе Итанцынского острога стоял дворянин «московского списка» Семен Молодов, чью фамилию стоит запомнить, так как она снова мелькнёт в документе 1720 г.

Интересна, как представляется, информация о Чите. Сказано, что приказчиком в Читинском остроге был нерчинский «сын боярский» Леонтий Шестаков. А вот ниже острога находилась Читинская слобода, и было дано пояснение, что «ведома та слобода к Читинскому острогу» [1, с. 3]. То есть у Читы того времени было как бы два района (острог и слобода), это не были названия одного и того же населённого пункта, это были две части будущего единого поселения.

Был ещё Нижний новый острог, во главе которого был нерчинский конный казак Сергей Кожевников, которому подчинялась и деревня Ботовская.

Олеурская слобода и деревня Куенгинская приказчиком имели казачьего десятника Марко Хилинова. Во главе деревни Урульгинской стоял ещё один нерчинский «сын боярский» Сенотрусов, только Степан. Главой Ундинской слободы был тоже нерчинский «сын боярский» Иван Редров, а Городищенской слободы – нерчинский же конный казак Митрофан Попов.

А вот комендантом, как тогда стали называть бывших воевод, в Нерчинске, которому

подчинялись все вышеназванные «приказчики», в то время был стольник Илья Никифорович Озеров.

Сведений о нём и сегодня крайне мало. То, что именно он был в 1715 г. Нерчинским комендантом, подтверждает как минимум один обнародованный архивный документ – «Лист нерчинского коменданта И. Н. Озерова хэйлунцзянскому цзянцзюню о посылке в Цицикар и Мергень нерчинских служилых и торговых людей С. Н. Сенотрусова с товарищами» [12]. Пока не известно, когда между 1715 и 1720 гг. его на посту сменили коменданта.

Интересны данные об оборонном потенциале региона в тот год. В самом Нерчинске имелось 37 пушек, а к ним ядра и 280 пудов мелкого и крупного пороха. В Аргунском остроге было две медные пушки разных размеров, две пищали гладкие, 23 пищали и самопалов, к ним порох и заряды. В Теленгинском остроге пушек не было, только одна «пищаль затинная железная», 22 самопала и 12 «стволин пищальных». В Яравнинском остроге имелось два самопала и четыре бердыша. А вот чем были вооружены Иргенский и Читинский остроги – не известно.

В этом документе подробно перечислялось, сколько в регионе было людей, находившихся на государственной службе, и сколько они за это получали. Вторую часть опустим, а вот на первой стоит остановиться. На вершине административной пирамиды было два стольника, 13 московского списка нерчинских дворян, 24 чел. – «дети боярские», семь подъячих из приказной и таможенной палат, два сотника, 32 пятидесятника и десятника конной службы, рядовых нерчинских и острожных конных казаков 262 чел. Кроме того, 14 пятидесятников пешей службы. Пеших же казаков 155. Отдельно значились один переводчик (толмач), два пушкаря, два барабанщика, один часовщик.

А вот «оброчных» крестьян, которые платили в казну отсыпной хлеб, насчитывалось всего 47 чел. Интересно и то, что в Нерчинске, слободах и деревнях проживало так называемых «бобылей» и «захребетников» с дворами и без дворов 56 человек. Напомню, что бобылями в то время называли одиноких крестьян, не имевших своего земельного надела и несущих государственных повинностей. А захребетниками (ещё их называли «гулящими людьми») называли вольных, не приписанных ни к служилым, ни кому-нибудь ещё жителей.

Кроме сельского хозяйства, точнее растениеводства (животноводство, охота, рыбалка, сбор ягод был настолько естественным и об этом не писали), речь шла и о горнорудной промышленности. Сообщалось, что в 1715 г.

на серебряных промыслах было выплавлено чистого серебра 2 пуда, 16 фунтов, 39 золотников. Кроме того, там же выплавили 274 пуда 18 фунтов чистого свинца.

В документе много и других данных, отметим лишь одно. Во главе Нерчинского Ново-Успенского монастыря стоял в 1715 г. иеромонах Геннадий.

Второй документ в газетной публикации И. В. Багашева был датирован 1720 г. В нём сообщались подробности сдачи дел в марте того года комендантом Нерчинска московским дворянином Яковом Афанасьевичем Бейтоном московскому же дворянину Семену Гавриловичу Молодову, тому самому, что в 1715 г. был приказчиком Итацынского острога. Бейтон передал Молодову серебряную печать с вырезанным орлом Нерчинска, весом 4 золотника, и печать Албазина, весившую 4 золотника.

Известные в крае историки Татьяна Андреевна Константинова и Анатолий Николаевич Халетский в «Архивном вестнике» в 2003 г. написали, что «с 1702 по 1783 г. по неполным данным в Нерчинском воеводстве служили 23 воеводы» [9]. Они привели их список, после чего дали ещё одно пояснение: «Имена, фамилии, даты служивших в XVIII в. воевод выявляются и уточняются в процессе продолжающейся исследовательской работы, как по опубликованным материалам, так и по документальным источникам, в основном фонда Нерчинской воеводской канцелярии» [Там же].

Через пять лет эти же исследователи в очередном «Архивном вестнике» привели тот же список и те же аргументы [10, с. 9, 13]. И если имя Ильи Озерова в нём было, то имена Якова Бейтона и Семёна Молодова отсутствовали. То есть, если верить публикации И. В. Багашева, а оснований ему не верить нет, то эти двое пополняют список правителей Нерчинского Забайкалья в XVIII в.

Найти хоть какую-нибудь информацию о коменданте Семёне Молодове, кроме приведённой выше, не удалось.

А вот о Якове Афанасьевиче Бейтоне немало сведений всё же есть. Благодаря исследованиям селенгинского краеведа Эдуарда Викторовича Демина, стало известно, что у героического руководителя защиты Албазина Афанасия Ивановича Бейтона было четыре сына и все они (Иван, Андрей, Федор и Яков) «обладали в рассматриваемое время весьма высоким социальным статусом и получали за свою нелёгкую государственную службу солидное по сибирским меркам содержание в денежном и натуральном выражении» [3, с. 30]. Игумен Игнатий (Чигвинцев) в докла-

де, прочитанном им на «Дорохинских чтениях» в 2010 г., сообщил, что Я. А. Бейтон в первой четверти XVIII в. «был приказчиком в острогах Балаганском, Бельском, Селенгинском, воеводой в Иркутске и Нерчинске» [4]. Иркутский же исследователь Станислав Андреевич Гурулев дополнил эту информацию сведениями о том, что Яков Бейтон участвовал в работах по подготовке посольства в Китай Саввы Лукича Рагузинского-Владиславича [2, с. 35, 36].

В документе, опубликованном в 1912 г., содержалось описание Нерчинска в том состоянии, в котором в 1720 г. один комендант передал его другому.

Это настолько редкая и интересная информация, что в данном случае приведём её полностью (вся пунктуация, многоточия и пробелы даны в том виде, как они напечатаны в газете): «Нерчинск город рубленый, в стенах девять башен ветхих, из них 4 с воротами для проезда, на Спасской башне часовня с иконами. В городе приказная палата с подприказьем, ветхая; каменный подвал. В судейском столе упомянутые печати, а на столе “Соборное уложение”, печатное в переплёте; на столе 2 аршина сукна кармазину малинового ветхаго; чернильница оловянная; полавошники красного сукна; стены кругом обиты английским алым сукном. Посольский ковш серебряный 77 золотников, чарка серебряная 24 золотника – Воеводский двор, на дворе хоромы, 4 избы людских, баня. 32 пушки медных, две гранаты, из них 14 на станках, ветхих без колёс, 10 пушек на станках и колёсах. Опричь гранат ручных чиненных и нечиненных ядер, 2055 ядер, ручных чиненных 389 ядер, нечиненных 880 ядер; 2 ядра больших боевых; 6 пуд. 30 ф. фитилей; дробник медный, пушка чугунная, 2 пищали затинные, 720 самопалов и пищалей; 2 пищали новыя нерчинской работы; 2 пуда дробы железной, 5052 пуда свинцу аргунского; 232 пуда пороху пушечного и самопального; 582 бердыша, 23 копыя, 13 пик, 17518 кремней; 2 пуда 38 гривенок селитры, 896 запалов деревянных точеных небольших, 60 больших; 9 знамен камчатных и тафтяных битых, 4 знамени камчатных битых же, 15 знамен киндяшных целых и битых; 3 значка камчатных и тафтяных биты, писаны по золоту, к ним 19 чехлов суконных ветхих; 4 барабана; 2 пуда 9 гривень серы горючей; 70 железцев стрельных тунгуских; 3 ф. и с ящиком калафонии, 2 ф. сулемы. Погреб каменный в нем Государевой 27 $\frac{1}{4}$ ведер. В казенном амбаре ясачной казны сбора на 1719 год: 1 рысь, 3 росомахи, 6 лисиц красных. Да на 1720 год по приходным книгам ясачной казны один сорок двадцать два соболя с пу (?) и с хвосты, 264 рыси, 477 лисиц

красных, из них одна сиводушка, 72 росوماхи, 200 белок, 3 бобра; да ясачных же 3 соболя, один бобр, 3 рыси. Да ясачного сбора 16 лошадей. За пасебом в Куенгской и Алеурской слободах 32 скотины рогатых. Да в приказной палате печатный один указ, письменных 30... да 6 копий в переплете. А прежних росписных списках. Да в городе у Нерчи реки на берегу изба с сениями и амбаром. Да в денежном столе по приходным книгам... в денежном амбаре четыре тысячи рублей, да в приказной палате

на руках у целовальника всяких разных сборов 688 рублей, да товарной казны... Гербовой бумаги 22 стопы 1 дест.».

Хотелось бы верить в то, что те, кому удастся найти все остальные публикации, сделанные краеведом Иваном Васильевичем Багашевым в 1912 г. в газете «Забайкальская новь», смогут серьезно дополнить историю Нерчинского Забайкалья архивными данными, до сих пор не попавшими в Летопись нашего края.

Список литературы

1. Багашев Ив. К истории Забайкалья. III. Из архивных данных // Забайкальская Новь. 1912. 11 мая. № 1404. С. 3.
2. Гурулев С. А. Первые иркутяне. Иркутск: ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2011. 412 с.
3. Демин Э. В. «Золотая россыпь» Селенгинска: в 4 т. Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. Т. 1. 382 с.
4. Игумен Игнатий (Чигвинцев). Казачий глава Афанасий Бейтон. Текст: электронный // Амурские каза- чьи ведомости. URL: https://vk.com/wall-115616020_56 (дата обращения: 12.04.2025).
5. Малая энциклопедия Забайкалья. Культура: в 2 ч. Ч. 1: А – Л / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новоси- бирск: Наука, 2009. 439 с.
6. Малая энциклопедия Забайкалья. Культура: в 2 ч. Ч. 2: М – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новоси- бирск: Наука, 2009. 457 с.
7. Петряев Е. Д. Краеведы и литераторы Забайкалья: библиографический указатель. Дореволюцион- ный период. Изд. второе, исправл. и доп. Чита [б. и.], 1981. 128 с.
8. Петряев Е. Д. Люди и судьбы: очерки из истории культуры Забайкалья. Чита: Чит. кн. изд-во, 1957. 135 с.
9. Летописец Даурии. Текст: электронный // Библиотека Нерчинский Завод. URL: <https://ok.ru/biblioteka.nerchinskyzavod/statuses/156034804166698> (дата обращения: 12.04.2025).
10. Нерчинское Забайкалье // Архивный вестник. 2003. № 6. 136 с.
11. Читинский архивный вестник. 2008. № 15. 196 с.
12. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 2: А–З / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новоси- бирск: Наука, 2004. 420 с.
13. Лист нерчинского коменданта И. Н. Озерова хэйлунцзянскому цзянцзюню о посылке в Цицикар и Мергень нерчинских служилых и торговых людей С. Н. Сенотрусова с товарищами. Текст: электронный // Эн- циплопедия Китая. № 120. 1715. URL: www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16914/17111.html (дата обращения: 12.04.2025).

Сведения об авторе

Баринов А. О. – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, независимый исследователь, г. Чита, Россия, ao.barinov@yandex.ru

Information about the author

Barinov A. O. – Candidate of Historical Sciences, Honored Worker of Culture of the Chita Region and the Aginsk Buryat Autonomous Area, a free researcher, Chita, Russia, ao.barinov@yandex.ru

УДК 726.5(571.55)

К истории церковного строительства в Еравне в XVIII – первой половине XIX века

Ирина Викторовна Верещагина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
iravereshcopy@mail.ru

Статья посвящена церковному строительству в Еравнинском остроге и с. Укыр в XVIII – первой по- ловине XIX столетия. В контексте истории Еравнинского острога рассматривается процесс возведе- ния новой церкви при перемещении острога на новое место. Приводятся заметки священника Г. А. Аста- шевского, служившего в укырской церкви во второй половине XIX в., его наблюдения. В начале XIX в.,

в связи с перемещением тракта к югу от Еравнинских озёр, Еравнинский острог покидали последние жители, и было принято решение о строительстве в с. Укыр нового храма. Отмечено, что отсутствие достаточной источниковой базы не позволяет точно сказать, когда именно была утрачена Укырская Спасская церковь. Известно, что в 1914 г. она ещё существовала. Сегодня единственная православная церковь в Еравнинском районе представлена храмом, находящимся в с. Сосново-Озерское.

Ключевые слова: строительство православных церквей, Еравненские озёра, Еравнинский острог, с. Укыр, Иркутско-Нерчинская епархия, Западное Забайкалье

On the History of Church Construction in Eravna in the XVIII – First Half of the XIX Centuries

Irina V. Vereshchagina

Transbaikal State University, Chita, Russia

iravereshcopy@mail.ru

The article is devoted to church construction in the Yeravninsky prison and the village of Ukyr in the XVIII – first half of the XIX century. In the context of the history of the Yeravninsky prison, the process of building a new church when moving the prison to a new location is considered. The notes of the priest G. A. Astashevsky, who served in the pastoral church in the second half of the 19th century, and his observations are given. At the beginning of the 19th century, due to the relocation of the highway south of the Yeravninsky Lakes, the last inhabitants of the Yeravninsky prison left and it was decided to build in the village. The Ukyr of the new temple. The author notes that the lack of a sufficient source base for today does not allow us to say exactly when the Ukyrskaya Spasskaya Church was lost. It is known that in 1914 it still existed. Today, the only Orthodox Church in the Yeravninsky district is represented by a temple located in the village of Sosново-Ozerskoye.

Keywords: Construction of Orthodox Churches, Yeravnenskiye Lakes, Yeravninsky Ostrog, Ukyr Village, Irkutsk-Nerchinsk Diocese, Western Transbaikalia

Первыми пунктами государственности при освоении русским населением Забайкалья становились остроги, являвшиеся своеобразными военно-оборонительными центрами. Очень быстро, помимо оборонительных сооружений, при остроге появлялась первая часовня или церковь. Как заметил исследователь Сибири XIX в. П. А. Словцов, «...где зимовье ясачное, там крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное, там церковь и пушка, где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь кроме церкви» [11, с. 36]. В центре настоящего исследования – церковь, построенная при Еравнинском остроге в первой половине XVIII в. и перенесённая в дальнейшем в Укырское селение.

Историю Еравнинской церкви невозможно рассматривать в отрыве от истории самого острога. Одно из первых упоминаний местности возле Малого Еравного озера было сделано атаманом Максимом Перфильевым в отписке за 1638 г. Атаман ссылался на рассказы витимских эвенков о проживавших «вверх по реке Витиму вплоть от озера Еравны» даурах. В 1640 г. Перфильев уже лично добрался до Еравны и сообщил, что у местных тунгусов большое количество скота и берега озера пригодны для жизни.

В 40-х гг. XVII в. разведочную экспедицию на Еравну организовал атаман Иван Колесни-

ков, его основной целью стал поиск в этих местах серебра.

Еравнинский острог был создан в 1675 г., он расположился на берегу Малого Еравного озера. Распоряжение о создании нового укрепления дал приказчик Баргузинского острога (сын боярский) Богдан Несвидаев. Его об этом попросили князья ясачных тунгусов киндигирского рода, которые хотели переселиться в новое место проживания с берегов озера Баунта. Как объясняли просящие, без оленей, которых у них с недавних пор не стало, питаться в каменной местности было нечем. Об этом Богдан Несвидаев, в свою очередь, написал енисейскому воеводе М. В. Приклонскому.

При этом возведение Еравны в 1675 г. стало не первой попыткой заселить эту территорию. В 1668 г. здесь уже был построен первый острог по приказу приказчика Баргузинского острога Андрея Барнешляева. Но простоять ему суждено было совсем недолго: воевода нерчинский Л. Б. Толбузин был недоволен тем, что побережье Малого Еравного озера переходило под управление администрации Иркутского уезда, и сжег новый острог [2, с. 76–78].

Вновь построенный острог был небольшим и включал 14 дворов [4, с. 89]. Первое подробное описание Еравны через год после её строительства оставил путешественник и царский посланник Николай Спафарий. «Стан 13-й. Ноября в 19-й день приехали в новой острог

на Еравню, а караван отпустили прямою дорою до речки от острогу 13 вёрст и ночевали. А острог Еравинской недавно построен после погрому Тобунутов, и для того построен, чтоб оберегание было ясачных людей, а строено только башни, да дворов с 6, да служивых людей человек с 15; а стоит острог меж лесу и озёр в крепком месте, и можно около острогу сыскать пашенные места. А встретил нас за 10 вёрст от острогу десятник и служивых людей человек с 15 и знаменем, да ясачных Тунгусов человек с 10, и взяли нас в острог и смотрели строения их, и во время свое будет тот острог великой, потому что место, где можно жить многим людям. А от острогу Еравни ходу день до Иргенского острогу» [7, с. 71].

Упоминание Еравнинского острога встречается в записках Избранта Идеса о русском посольстве в Китай (1692–1695). Посол отметил, что Еравна стала первым населённым пунктом после Удинска. В записках Идес пишет о том, что в остроге имеется казачий гарнизон, где проживает большое количество русских людей, для которых основным занятием служит промысел соболя. «На север от острога находятся рядом друг с другом три озера. Каждое из них окружено более чем в две мили и переполнено рыбой: щуками, карпами, окунями и т. п.» [8].

Краткое описание Еравнинского острога начала XVIII в. можно найти в книге «Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск» (1886): «стоячий; мерою в длину 7 саж., поперек 3 саж.; в стене 2 избы» [9, с. 17–18].

Следующим исследователем, посетившим Еравнинский острог после, стал Г. Ф. Миллер. По свидетельству Г. Ф. Миллера, посетившего Еравню в 1735 г., там уже была церковь, причём построили её за несколько лет до его приезда [7, с. 143]. Миллер не оставил какого-либо описание Еравнинского острога, однако в его записках можно найти информацию о Телембинском остроге, который, по словам учёного, был такой же, как Еравнинский: «С одной стороны находятся две стоящие рядом избы – одна в качестве судной, а другая в качестве караулки, между которыми имеются сени с общим входом. За избами расположен двор, окружённый с трёх сторон палисадом. Размеры двора вместе с избами не превышают 10 саженой в длину и 8 саженой в ширину. Посредине двора имеется амбар, в котором хранится ясачная казна». Упоминает в своих дорожных дневниках посещение Еравнинского острога и исследователь Восточной Сибири С. П. Крашенинников. Он также пишет о наличии в поселении церкви Спаса Вседержителя [Там же, с. 192].

Через 150 лет после Миллера и Крашенинникова священник Г. А. Асташевский изучил сохранившийся антиминс еравнинской церкви и обнаружил на нём дату – 1734 г. Также в его распоряжении оказалось Евангелие из той же церкви, на нём Асташевский нашел надпись: «1734 года марта 14 дня Еравнинского острога Спасской церкви староста Григорий Федоров сын Половцев купил сие святое Евангелие на личные церковные деньги. А цены дано тринадцать рублей, да от позолоты дано четыре рубля шестнадцать алтын, четыре деньги. А переплетен, позолочен, исправлен в 1733 году» [1, с. 540–543]. Одно из первых упоминаний еравнинской церкви и прихода, обнаруженное нами в архивных документах, относится к 1736 г. Там же упоминается имя первого известного нам местного священника – Якова Иванова [5]. Возможно, до 1730-х гг. в Еравне существовала более ранняя церковь или часовня. На сегодняшний день упоминаний об этом не найдено, но дальнейшее исследование документов позволит прояснить этот вопрос.

Постепенно острог утрачивал своё военное и административное значение, а к концу XVIII в. там оставалось всего несколько домов. В этот период недалеко от острога появилась деревня Укыр, расположившаяся на берегу одноименного озера, куда постепенно начало переселяться острожное население. Год за годом население острога сокращалось, а количество обитателей вновь построенной деревни росло. Так, в 1775 г. Еравнинском остроге проживало 34 служилых чел., а в 1792 г. осталось всего 11 домов [2, с. 78].

В начале XIX столетия в связи перемещением тракта к югу от Еравнинских озёр острог покидали последние жители. Но как поступить со старой церковью? Сохранился рапорт обеспокоенного еравнинского священника Сергея Кабакова о судьбе деревянной церкви: «церковь должна уступить жителям, и немало опасюсь я в летнее время о нападении беглых или тому подобных неприязненных случаев». В итоге было принято решение возвести в Укыре новую каменную церковь, сохранив за ней историческое название – Спасская, и перенести из старой иконостас и утварь [6, л. 151].

В 1805 г. началась подготовка к строительству Спасской церкви в с. Укыр. Основной проблемой стала нехватка железа. В связи с этим священник Кабаков написал рапорт в Нерчинское духовное правление с просьбой отпустить «железо и сделанных вещей для потребности церкви» из Петровской Заводской конторы. Дело в том, что недавно созданный Петровский железоделательный завод не мог отпу-

скать свою продукцию «на партикулярные (т. е. гражданские) нужды без особого на то своего начальства повеления». Нерчинское духовное правление должно было выступить посредником между строителями церкви и Нерчинской горной экспедицией. Через месяц пришёл ответ из Нерчинской горной экспедиции. Они были не против отпустить железо на строительство церкви, но просили уточнить «сколько пуд потребно и какого сорта».

Но не только железа не хватало для возведения новой церкви. В апреле 1805 г. строитель Артемий Соболев подал прошение разрешить ободрать тес, которым в 1799 г. была обита деревянная церковь, и разобрать «приделанную к оной же в 1788 г., паперть», употребить всё это на строительство новой каменной церкви.

В июне 1805 г. началось непосредственно само строительство. Из Иркутска был приглашён мастер Иван Михайлов (сын Яковлев), ему и работным людям было обещано 2 600 руб., о чем стороны подписали договор на гербовой бумаге, поручителями выступили иркутский купец Петр Прянишников, верхнеудинский купец Федор Сидоров и иркутский мещанин Николай Овсянников. В первое лето строительство «доведено до сводов и об алтаре свод сведен, и в трапезе сведен, свода одни перемычки». Мастеру и работным людям был выплачен частичный гонорар деньгами, скотом и лошадьми на 1918 руб. и 25 коп. Этот факт подтверждает то, что Еравнинский острог был достаточно богатым, через 70 лет после строительства церкви об этом написал священник Гаврила Асташевский в своей статье: «...с сего времени до начала настоящего столетия в древне-Еравинской церкви скопились довольно значительные средства. Кроме денег, церковь имела стада рогатого скота, счет которым велся по особым книгам (одна из таковых книг сохранилась при Укырской церкви), выдававшимся для этого из Нерчинского «Заказа» благочиния, и имелся конный табун. На это-то достояние и сооружена нынешняя Укырская Спасская каменная, двухпрестольная церковь (с перенесением в неё иконостаса и утвари из церкви Еравинской). На месте последней снова может быть сооружена часовня, но только в том случае, если гражданское начальство вменит в обязанность самим окрестным улусным жителям заботиться о сохранности и неприкосновенности христианской святыни» [1, с. 540].

Однако строительство шло не совсем гладко. Проблемы начались в следующем 1806 г.: перемычка свода в трапезной упала «и от той перемычки поперечь трапезы по обеим сторонам от земли и доверху оказались расще-

лины». Судя по всему, мастер Иван Михайлов (сын Яковлев) нарушил технологию строительства [Там же, л. 197].

Мы не знаем, как шло строительство в дальнейшем, но около 1813 г. двухпрестольная Укырская каменная церковь Спаса нерукотворного образа была освящена. А спустя чуть больше 10 лет её запечатлели на своих рисунках декабристы Д. И. Завалишин и А. И. Одоевский, проезжавшие через Укыр. Сегодня эти рисунки – единственные дошедшие до нашего времени изображения утраченной укырской церкви (рис. 1, 2).

Отметим, что старая деревянная церковь в покинутом Еравнинском остроге простояла до 1848 г., после чего сгорела. До рокового пожара жители Укыра регулярно организовывали крестные ходы к оставленному храму. В 1864 г. на месте сгоревшей деревянной церкви была сооружена небольшая часовенка, но и она простояла совсем недолго. Местные жители обвиняли в гибели церкви и часовни местное бурятское население.

Сохранились имена некоторых настоятелей Укырской церкви. Так, в 1871 г. эту должность занимал Петр Орлов, который, по сообщению газеты «Иркутские епархиальные ведомости», крестил одного ламайца и одного раскольника [12, с. 801].

В 1865 г. при Укырской церкви был открыт приходский совет во главе с попечителем отставным казаком Афанасием Евдокимовым и двумя членами: казаком Епифаном Туясовым и крестьянином Романом Белоусовым. Священник Михаил Смирнов предложил отделять от рыбных топей по 60–70 рублей в год в пользу церкви [10, с. 132].

В 1888 г. настоятелем Укырской церкви стал священник Гаврила Александрович Асташевский. 14 июня он посетил место бывшего Еравнинского острога, отслужил там молебен и панихиду. Священника сопровождали псаломщик и сельский писарь, который хотел посетить могилы своих родственников на острожном кладбище. Дорогу на старое кладбище путникам показал проезжавший мимо бурят, он же рассказал, что до недавнего времени там лежали два могильных камня с надписями, но местное население искололо их на точильные бруски. Он поведал священнику о таинственных огнях, которые возникают возле озера и проносятся над бывшим острогом. Якобы из-за этого они не устраивают здесь своих кочевий и уничтожили старую деревянную церковь. Обо всем этом Г. А. Асташевский написал материал, опубликованный в газете Иркутские епархиальные ведомости [1, с. 543].

Под заметкой Г. А. Асташевского добавлена редакторская сноска о том, что в небольшом пределе под колокольной, освящённом в честь Николая Чудотворца, сохранился иконостас, который был перенесён из старой Еравнинской церкви. Редактор газеты протоиерей Афанасий Виноградов отмечал, что «такой хорошей старинной живописи не приводилось встречать в Сибири». Виноградова беспокоила сохран-

ность еравнинских икон, по его словам, они уже начали «лупиться» (осыпаться). Виной этому стали протекающая на колокольне крыша и выбитые стекла: иконы постоянно страдали от высокой влажности и низких температур. Редактор отмечал, что «иконостас заслуживает тщательного охранения». Но у бедной церкви не было достаточных возможностей, чтобы позаботиться о нём [1, с. 540].

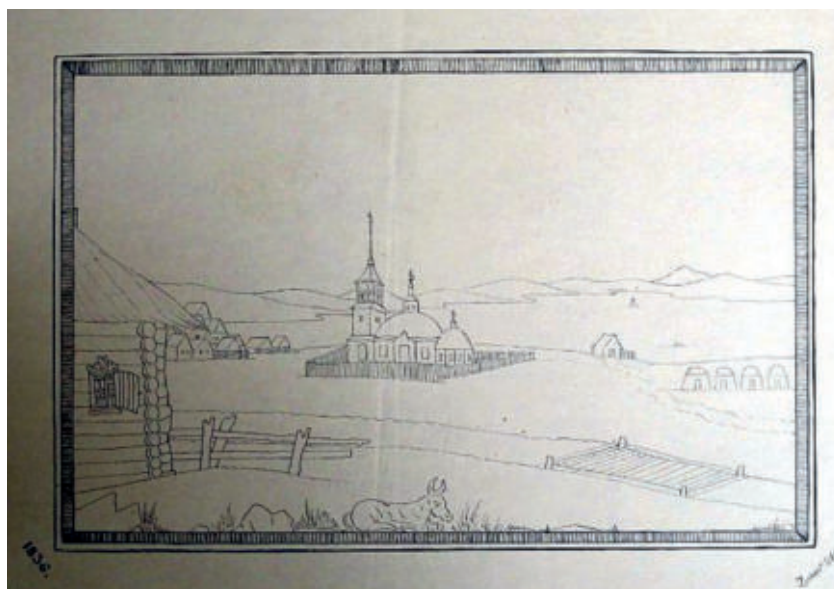

Рис. 1. Церковь в Укыре (рисунок А. И. Одоевского) [13]

Рис. 2. Церковь в Укыре (рисунок Д. И. Завалишина) [13]

Достаточно долгое время церковь в Укыре оставалась центром всей православной Еравны. Известно о существовании небольших часовен в соседних сёлах Погромное и Поперечное, куда Укырский священник заезжал во время объездов прихода для совершения службы. В Укыре при церкви в 1858 г. была открыта изба, где местных детей обучал грамоте священник М. И. Смирнов [3, с. 84].

Отсутствие достаточной источниковой базы не позволяет пока достоверно утвер-

ждать, когда именно была утрачена Спасская церковь в с. Укыр. Во всяком случае в 1914 г. она ещё точно существовала, что подтверждает информация из Памятной книжки Забайкальской области. Судя по всему, ветхое здание было снесено или приспособлено под другие нужды в советское время. Сегодня единственная православная церковь в Еравнинском районе Бурятии представлена современным храмом, находящимся в с. Соново-Озерское.

Список литературы

1. Асташевский Г. А. Упраздненная Еравнинско-острожская Спасская церковь // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1888. № 49. С. 540–543.
2. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: [б. и.], 1999. 336 с.
3. Байбородин В. А. Русские первопроходцы у берегов Яравна-озера // Иркутский кремль: православный альманах. 2015. № 3. С. 72–85.
4. Болонев Ф. Ф. Амурская эпопея в XVII и XIX веках. Переселения старообрядцев (семейских). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2013. 258 с.
5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 282. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 87.
7. Закаблукловская Н. Н., Константинова Т. А., Куренная И. Г., Кудрявцев С. В., Руденко Ю. Т. Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII–XVIII вв.): хрестоматия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. Т. 1. 480 с.
8. Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). Текст: электронный // Библиотека fb2.top. URL: <https://fb2.top/zapiski-o-russkom-posolystve-v-kitay-1692-1695-609387> (дата обращения: 12.05.2025).
9. Найденов Н. А., Николаев И. Н. Сибирские города: материалы для их истории XVII и XVIII столетий: Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 146 с.
10. Открытие приходских попечительств // Иркутские епархиальные ведомости. 1866. № 25. С. 132.
11. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. 371 с.
12. Успехи христианства // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1871. № 46. С. 801.
13. Укыр. Церковь Спаса Нерукотворного образа. Спасская церковь. Текст: электронный // Соборы.ру. Народный каталог православной архитектуры. URL: <https://sobory.ru/article/?object=51879&ysclid=m8r2w7tekl872997297> (дата обращения: 12.06.2025).

Сведения об авторе

Верещагина И. В. – магистрант 1-го курса, направление подготовки «Педагогическое образование», магистерская программа (направленность) «Историческое образование», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, iravereshcopy@mail.ru

Information about the author

Vereshchagina I. V. – 1st year Undergraduate, Direction of Training “Pedagogical Education”, Master’s Program “Historical Education” of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian Pedagogical Institute, Transbaikalian State University, Chita, Russia, iravereshcopy@mail.ru

УДК 355.48(571.55)

К вопросу о переходе 1-го Забайкальского казачьего полка на сторону партизан**Денис Александрович Таскин**

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

taskins@yandex.ru

Статья является первой попыткой обобщения всей имеющейся информации о восстании в 1-м Забайкальском казачьем полку 15 июля 1919 г. и последующем переходе его на сторону партизан Восточного Забайкалья. В основу исследования положены опубликованные воспоминания непосредственных участников событий, а также мемуары, хранящиеся в Государственном архиве Забайкальского края. Кроме того, в качестве источников привлечены документы военного управления семёновских войск и белой периодической печати. Выделены ключевые вопросы рассматриваемой темы и сделаны выводы о необходимости её дальнейшего изучения. Автор отмечает, что вопрос о руководителе подпольной группы остаётся открытым и сегодня, он требует дальнейшего изучения. Мотивацией к выступлению стал произвол, творимый офицерами и некоторыми казаками полка над мирным населением, а также плохие отношения между рядовыми и офицерами. Вопрос о подготовке синхронного восстания в гарнизоне Нерчинского Завода остаётся до конца не проясненным. Согласно приведённым воспоминаниям и публикациям, число офицеров, погибших во время мятежа, колеблется от 13 до 18.

Ключевые слова: гражданская война, партизанское движение, восстание, историография, мемуары, казаки, Забайкалье, 1-й Забайкальский казачий полк

On the Issue of the Transfer of the 1st Transbaikal Cossack Regiment to the Side of the Partisans of Eastern Transbaikalia**Denis A. Taskin**

Transbaikal State University, Chita, Russia

taskins@yandex.ru

The article is the first attempt to summarize all available information about the uprising in the 1st Transbaikal Cossack Regiment on July 15, 1919 and its subsequent defection to the side of the partisans of Eastern Transbaikalia. The research is based on published memoirs of direct participants in the events, as well as memoirs stored in the State Archive of the Trans-Baikal Territory. In addition, documents from the military administration of the Semenov troops and the white periodical press were used as sources. The key issues of the topic under consideration are highlighted and conclusions are drawn about the need for further study. The author notes that the question of the leader of the underground group remains open today, it requires further study. The motivation for the performance was the arbitrariness committed by the officers and some Cossacks of the regiment against the civilian population, as well as poor relations between the privates and officers. The issue of the preparation of a simultaneous uprising in the garrison of the Nerchinsk Plant remains unclear. According to the above memoirs and publications, the number of officers killed during the mutiny ranges from 13 to 18.

Keywords: Civil War, Partisan Movement, Uprising, Historiography, Memoirs, Cossacks, Transbaikalia, First Transbaikal Cossack Regiment

Среди событий, оказавших существенное влияние на развитие партизанского движения в Восточном Забайкалье, особое место занимает переход на сторону партизан 1-го Забайкальского казачьего полка. После занятия партизанскими полками в середине июня 1919 г. Богдатской станицы повстанческое движение переживало серьёзный кризис. Неудачные бои в мае и начале июня оказали серьёзный деморализующий эффект на партизан. Среди командного состава произошёл раскол по вопросу дальнейших действий. Партизанский лидер П. Н. Журавлев выступал за создание фронта и удержание контроля над территорией междуречья Шилки и Аргуни. Центром этого повстанческого района,

по его мнению, должна была стать Богдаты. Он считал, что отсюда можно будет оперировать как вдоль Аргуни, так и в районы, расположенные левее Шилки, постепенно вовлекая всё больше населения в партизанскую войну. Один из лидеров Алтагачинской коммуны, сыгравшей заметную роль в генезисе массового партизанского движения, М. И. Бородин, напротив, делал ставку на максимальную мобильность. Он считал, что действовать надо небольшими группами, не привязываясь к конкретной территории [10, л. 16]. Этот разлад в партизанском штабе усугублялся дезертирством из полков и призывами отдельных партизан уходить ближе к своим селениям. П. Н. Журавлеву приходилось

постоянно проводить собрания в партизанских частях, убеждая бойцов не расходиться по домам [1, с. 126].

В этих условиях переход на сторону партизан 1-го Забайкальского казачьего полка не только существенно изменил баланс между противоборствующими сторонами, но и разрешил кризис партизанского движения, вдохнув в него новые силы.

1-й Забайкальский казачий полк был создан в октябре 1918 г. и входил в Забайкальскую казачью дивизию [17, с. 171]. Первым командиром полка был назначен Г. Е. Мациевский, а офицерский состав сформирован из чинов Особого Маньчжурского отряда [4, с. 26]. После начала активных боевых действий против партизан Восточного Забайкалья полк был переброшен в район Аргуни. В конце мая и первой половине июня 1919 г. под командованием полковника Г. Г. Эпова принимал активное участие в боях с партизанами. В конце июня командиром полка был назначен войсковой старшина А. Токмаков. Офицерский состав полка состоял из 28 человек в званиях подъесаулов, сотников, хорунжих и прапорщиков [7, л. 1]. В начале июля полк был отведён на отдых в с. Грязново, находящееся в 12 км от Нерчинского Завода. В ночь с 14 на 15 июля в полку произошло восстание, в результате которого полк почти в полном составе с пятью пулемётами, одним артиллерийским орудием и большим количеством боеприпасов перешёл на сторону партизан. В партизанских рядах он получил название 5-го партизанского кавалерийского полка, а первым его командиром стал перешедший вместе с восставшими сотник Андрей Ефимович Чугуевский.

В советской историографии это событие всегда упоминалось, но никогда не становилось предметом отдельного изучения. В обзорных работах по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке и Забайкалье (Г. Е. Рейхберг, С. Н. Шишкин, А. И. Крушанов) констатировался факт перехода 1-го Забайкальского казачьего полка и формирование на его основе 5-го партизанского кавалерийского полка [16, с. 80; 22, с. 97; 12, с. 117]. С. Н. Шишкин и А. И. Крушанов побуждающим мотивом к восстанию в полку указывали захват партизанами Богдаты и революционную пропаганду.

Более подробно этот вопрос был рассмотрен в работе В. И. Василевского, посвящённой деятельности подпольных большевистских групп [3, с. 54]. В. И. Василевский отмечал, что деятельность подпольной группы активизировалась во время нахождения полка в с. Грязново. На первом собрании группы, состоявшемся

12 июля 1919 г., выступление было намечено на 14 июля. Будущим командиром полка был избран И. Е. Стрельников, а его заместителем – Горяшин. Во время второго собрания подпольщиков 14 июля были определены боевые группы для нейтрализации офицеров и добровольцев, а также разработан общий план восстания. Согласно ему, предусматривалось одновременное восстание в Нерчинском Заводе, где находился обоз полка. Начаться оно должно было по сообщению нарочного, которого планировалось отправить туда после переворота. Однако во время восстания, которое произошло в ночь с 14 на 15 июля, нарочный А. И. Баранов опоздал. Его опередили бежавшие из Грязново офицеры полка, и командование гарнизона успело предотвратить выступление повстанцев.

В публицистическом сборнике «Годы и люди», изданном в 1960 г., И. Е. Стрельникову, как главному руководителю подпольной организации в полку, был посвящён отдельный очерк [20]. В нём подчёркивалась его роль в организации восстания, а также связь с Читинским подпольным комитетом партии большевиков.

В постсоветской историографии переход 1-го Забайкальского казачьего полка на сторону партизан нашёл отражение в двух работах В. И. Василевского, посвящённых Забайкальской белой государственности и Забайкальскому казачьему войску в годы Гражданской войны. В обоих трудах содержится схожее описание восстания и отмечается, что в результате было убито 13 офицеров и 20 казаков. Кроме того, позднее восставшими было расстреляно ещё 32 казака – сторонники атамана Г. М. Семёнова [4, с. 139; 5, с. 118]. Необходимо отметить, что даты этого расстрела в указанных исследованиях отличаются. Так, в «Забайкальской белой государственности» это 16 июля 1919 г., а в книге, посвящённой Забайкальскому казачьему войску – 26 июля.

Источниковую базу по теме восстания в 1-м Забайкальском казачьем полку можно разделить на две основные группы. В первую входят как опубликованные, так и неопубликованные воспоминания казаков, служивших в полку и непосредственно участвовавших в восстании, а также бывших партизан, являвшихся очевидцами событий. Часть из этих воспоминаний была положена в основу описания восстания, содержащегося в работах, указанных выше. Анализ мемуаров свидетельствует о расхождениях в изображении событий. В связи с этим необходима верификация версии восстания, изложенной в советской историографии. Сравнение

мемуаров позволяет выделить несколько ключевых вопросов заявленной темы, требующих более детального изучения, а именно о:

- 1) руководителе восстания;
- 2) мотивации казаков к участию в восстании;
- 3) подготовке восстания в воинских частях гарнизона Нерчинского Завода;
- 4) количестве погибших во время восстания.

Вторая группа источников представляет собой материалы, исходившие от военных органов управления семеновских войск, а также газетных публикаций белой печати. В настоящее время таких документов выявлено мало, и они дают лишь косвенную характеристику произошедшим событиям.

Из опубликованных воспоминаний очевидцев событий перехода 1-го Забайкальского казачьего полка первой стала статья Николая Корниловича Аникиева – адъютанта командующего партизанами П. Н. Журавлева, опубликованная в 1926 г. Эта статья не являлась мемуарной в чистом виде и представляла собой первую попытку дать общий обзор партизанскому движению Восточного Забайкалья. Однако непосредственное участие Н. К. Аникиева во многих описываемых событиях придаёт ей мемуарную направленность. По его воспоминаниям в руководство подпольной группы входили: Высоцкий, Кутузов, Васильев, Иванов, Баранов и Бутин [1, с. 127]. Особо Н. К. Аникиев выделяет юнкера Высоцкого, прибытие которого из Читы в полк ускорило подготовку восстания.

О мотивах, побудивших казаков перейти на сторону партизан, Н. К. Аникиев ничего не пишет, но отмечает роль воззваний партизан, которые они оставляли при отступлении в сёлах и которые попадали в полк. Кроме того, он акцентирует внимание на том, что многие казаки из первой и второй сотен не знали о восстании и переворот восприняли как бой с партизанами, а движение полка к ним за смену позиции. Информации о подготовке восстания в Сретенском гарнизоне в статье Н. К. Аникиева нет, а что касается численности погибших, то он отмечает, что были убиты все офицеры за исключением двух, которым удалось бежать.

Второе опубликованное воспоминание принадлежит Г. Лобанову, казаку 1-го Аргунского казачьего полка, составившего главную ударную силу красных во время боёв с Особым маньчжурским отрядом Г. М. Семёнова ранней весной 1918 г. После падения советской власти он был мобилизован в 1-й Забайкальский казачий полк и являлся непосредственным участником происходивших событий. Его вос-

поминания были помещены в сборник 1929 г., посвящённый партизанскому движению в Забайкалье [13]. Г. Лобанов сообщает, что первая подпольная группа сложилась уже осенью 1918 г., но была раскрыта. Он, Силинский и Медведев были арестованы, Баранова, Харина и ещё одного Медведева расстреляли, а Видулов бежал. Сам Лобанов подвергся пыткам прапорщиком Валяевым. Далее он отмечает, что деятельность группы была возобновлена весной 1919 г., но имён или фамилий её участников не называет. В то же время, описывая ход восстания, он говорит о И. Е. Стрельникове, который был случайно убит и который «был лучшим работником подполья и намечался нами в командиры полка» [Там же, с. 128].

В деле пропаганды среди казаков Г. Лобанов на первое место ставит издевательство и террор над пленными и местным населением со стороны офицеров и добровольцев. В пример он приводит бессудные расправы, изнасилования и пытки. В ряде случаев казаки либо открыто выражали недовольство происходившим, либо напрямую вступались за жертв. По его словам, такое поведение отдельных командных чинов полка лучше всего мотивировало основную массу казаков на переход в партизанские ряды.

Каких-либо сведений о подготовке восстания в Нерчинско-Заводском гарнизоне воспоминания Лобанова не содержат. Зато он приводит точные сведения о погибших. По его словам, восставшими было убито 18 офицеров и 35 монголов-наемников, служивших в артиллерийской батарее. 35 казаков-семеновцев было арестовано. Стоит отметить, что Лобанов называет точно число казаков, вовлечённых в подготовку восстания: 50 чел. – в первой сотне, 60 – во второй, 40 – в третьей, 65 – в четвёртой, 55 – в пятой, 20 – в шестой и 17 человек – в пулемётной команде. Всего по его данным из 800 чел. полка в восстании участвовали 307.

В последующих сборниках воспоминаний красных партизан, издававшихся в разные годы, тема восстания в 1-м Забайкальском казачьем полку не поднималась [2; 11; 18]. Исключением является издание в 1969 г. публицистического сборника «Октябрьская тетрадь» [14]. В нём была напечатана статья активного участника партизанского движения, адъютанта командующего фронтом Ивана Николаевича Козлова. В ней он утверждал, что И. Е. Стрельников перед поступлением на службу в 1-й Забайкальский казачий полк встречался с П. Н. Журавлевым и получил от него задание по организации перехода полка [Там же, с. 41]. Учитывая, что многие из участников тех событий подчёркивали,

с каким недоверием П. Н. Журавлев отнесся к информации о готовящемся восстании, это утверждение вызывает большое сомнение. По мнению И. Н. Козлова, главным мотивом перехода полка стали непрерывные поражения, которые терпели белые. Однако имеющиеся факты не подтверждают эту точку зрения. Вообще эта статья, изданная через 50 лет после произошедших событий, идеологически нагружена и не может рассматриваться как достоверный источник. Например, в ней утверждается, что восставшие буквально заставили сотника Чугуевского (в статье он назван хорунжим) взять на себя командование полком. Однако, как свидетельствуют воспоминания бывших партизан и документы «семёновцев», А. Е. Чугуевский в 1918 г. воевал на стороне красных и активно участвовал в восстании. Единственное, что в этой статье точно верифицируется с другими источниками, это фамилии активных участников заговора – Иван Бекетов, Афанасий Шангин, Яков Кутузов, Василий Баранов, Михаил Бутин, Инокентий Лоншаков, Георгий Чупров, Николай Письменов, Иван Павлов, Никита Васильев, Тихон Березин, Морозов, Глотов.

В Государственном архиве Забайкальского края нами были обнаружены воспоминания Иннокентия Михайловича Лоншакова – казака Ботовской станицы, мобилизованного в 1-й Забайкальский казачий полк [9, л. 55–57]. Согласно им, группу подпольщиков из 20 человек возглавлял казак Улятуйевской станицы Иван Бекетов. Именно он, по словам Лоншакова, проводил два собрания накануне восстания. Причём во втором собрании участвовало 213 человек, которые и составили основное ядро. При его формировании работу подпольщиков облегчал террор, развязанный отдельными чинами полка в отношении мирного населения. Главным побудительным мотивом к активным действиям Лоншаков называет заявление командования полка о том, что он вскоре будет переброшен на западный фронт [Там же, л. 56]. О подготовке восстания в Нерчинском Заводе и количестве погибших Лоншаков не упоминает. В то же время его воспоминания содержат информацию о том, что полк был укомплектован мобилизованными казаками Ломовской, Ботовской, Сретенской, Знаменской и Улятуйевской станиц [Там же, л. 55].

Ещё одни воспоминания о восстании принадлежат Алексею Егоровичу Банщикovu – казaku 1-го Забайкальского казачьего полка. По его словам, в марте 1919 г. он узнал о том, что в полку действует подпольная группа, которой руководит сотник Андрей Ефимович Чугуевский. Среди активных участников подготовки

восстания он называет Якова Кутузова, Никиту Иванова и Тихона Березина [8, л. 17]. Информации о побудительных мотивах и особенностях агитации за переход к красным эти воспоминания не содержат. Банщиков особо отмечает, что дата восстания была перенесена в связи с неподготовленностью 3-го и 4-го Забайкальских казачьих полков, которые также планировали присоединиться к восставшим. По его словам, во время переворота было убито 16 офицеров. Из монголов артиллерийской батареи семерым удалось убежать, а остальные были уничтожены. После переворота полк выдвинулся в условленное место для встречи с 3-м и 4-м казачьими полками, однако в них восстание сорвалось из-за того, что их командование раскрыло заговор. Присоединиться к 1-му казачьему полку смогла только одна сотня. О месте дислокации этих полков Банщиков не упоминает, поэтому определить в настоящий момент, составляли эти полки гарнизон Нерчинского Завода или нет, не представляется возможным. Это вопрос требует дальнейшего изучения. В книге бывшего партизана М. Г. Ушакова указывается, что в городе были расквартированы 6-й и 7-й Забайкальские казачьи полки, в которых по сведениям партизан действовали подпольные группы, готовившие восстание [19, с. 28]. Однако, учитывая большое количество выявленных в этой работе неточностей, эта информация требует дополнительной проверки с привлечением синхронных документов.

Как уже отмечалось, количество выявленных семёновских документов и материалов о переходе 1-го Забайкальского казачьего полка очень невелико. В первую очередь это приказ по Забайкальскому казачьему войску от 19 июля 1919 г. № 630 [6, л. 11]. Это документ стал реакцией на произошедшее событие и полностью ему посвящён. В нём отмечалось, что на сторону партизан перешли две сотни полка «под влиянием агитации фельдшера Васильева и других преступных лиц». По какой причине в приказе был особо выделен Васильев, как главный агитатор, остаётся неясным и требует дальнейшего изучения. Обращает на себя внимание то, что в приказе указаны всего две сотни, перешедшие на сторону партизан, хотя мемуаристка очевидцев однозначно говорит о пяти сотнях. Возможно, такое расхождение связано с тем, что в приказе сознательно было занижено количество сотен с целью минимизировать влияние этого факта на моральный дух других казачьих полков.

Говоря о причинах, побудивших казаков к переходу, отметим, что в приказе указаны не-

доработки со стороны офицеров. В частности, в нем говорилось: «К сожалению, приходится отметить, что офицеры опять были не на своих местах, далеко стояли от своих казаков, не вели необходимых бесед, не были лучшими друзьями казаков, а стояли столь далеко, что казаки со всеми духовными запросами не могли просто и доходчиво обращаться к ним. Происшедшее – неизбежный результат взаимоотношений офицеров к казакам» [6]. Приказ предписывал всем офицерам войска стать ближе к казакам, строго следить за проникновением вражеской пропаганды, а виновных карать только по закону. Офицеры, позволяющие себе рукоприкладство и другие выходки по отношению к казакам, должны были предаваться военно-полевному суду. Мятежные казаки лишались всех званий, привилегий и земельных наделов, а в случае поимки подлежали расстрелу без суда. Кроме того, приказом устанавливалось, что в случае перехода казаков к красным из их семей будет расстреливаться старший член семьи.

Ещё одним источником, дающим информацию о реакции со стороны белых на переход полка, являются публикации в газете Забайкальского казачьего войска «Казачье эхо». В номере от 18 марта 1920 г. опубликована заметка, в которой указывалось, что в числе казаков, перешедших к красным в составе 1-го Забайкальского казачьего полка, большую часть составляли казаки Улятуевской станицы. В связи с этим станичникам было отказано в их ходатайстве о списании со станицы денег, предусмотренных на обмундирование и отобранных красными в один из набегов [15].

Вопрос перехода 1-го Забайкальского казачьего полка затрагивался на заседании 4-го Чрезвычайного Войскового Круга 4 апреля 1920 г., стенограмму которого публиковало «Казачье эхо» [21]. Многие из депутатов станиц, участвовавших в заседании Круга, говорили о беззакониях, которые творят семёновские воинские части в отношении мирного населения, обвиняя в этом офицеров этих соединений. Комментируя эти обвинения, депутат Еремеев отметил, что офицерский состав казачьих полков измучен непрекращающейся войной и отсутствием отпусков. Усугубляло положение то, что при переходе казачьих частей на сторону партизан первыми под удар мятежников попадали именно офицеры. Приводя в пример восстание 1-го Забайкальского казачьего полка, он подчеркнул, что восставшими было убито 13 офицеров и 20 казаков, а ещё 32 казака были расстреляны мятежниками 16 июля 1919 г. По его мнению, в этом нет вины офицеров. Виноват тот, кто послал в полк сотни-

ка Чугуевского, «...который в 17 году арестовывал казачьих офицеров, возвращавшихся с фронта, и принимал участие в их расстрелах, которого собрание офицеров 1-го полка не приняло в свою среду <...> До прибытия в полк сотника Чугуевского там не было причин к предательству». Член Войскового Правительства Воросов, говоря о причинах перехода полка, отмечал: «Ведь произошло это не под страхом грядущего большевизма, не под влиянием негодования по поводу незаконного поведения своих начальников, так как погибшие были старые офицеры, а этих явлений не наблюдалось до этого... Здесь была указана фамилия Чугуевского... Этим было указано как на причину этого предательства – на агитацию. Отчасти это так. Но если всмотреться глубже, то даже не агитация заставила казаков совершить это ужасное преступление. Причина эта неправильное формирование армии для гражданской войны. Принудительная мобилизация известных сроков службы, когда в новую противобольшевистскую армию был набран элемент, состоявший в красной армии, – не могла сделать устойчивыми эти полки в войне гражданской, несмотря на видимую великолепную подготовку». Приведённые рассуждения показывают, что главную побудительную причину восстания в 1-м Забайкальском казачьем полку часть забайкальских казаков белой армии видела в неверном принципе комплектования армии бойцами и офицерами, воевавшими на стороне красных и их последующей агитации в семёновских полках.

Таким образом, подводя итог изложенному, мы можем сделать несколько выводов по поставленным в исследовании ключевым вопросам.

1. Вопрос о руководителе подпольной группы остаётся открытым и требует дальнейшего изучения. Несмотря на то что в советской историографии утверждалось, что им был И. Е. Стрельников, в мемуарных источниках его упоминает только один участник событий. Остальные называют в качестве руководителей либо Ивана Бекетова, либо Андрея Чугуевского. Мы можем предположить, что указание Стрельникова в качестве руководителя восстания могло стать своеобразным увековечиванием его памяти – как единственного погибшего среди мятежников. В семёновских источниках в качестве возможных руководителей восстания фигурируют только две фамилии – сотника Чугуевского и фельдшера Васильева.

2. Мотивацией к выступлению стал произвол, творимый офицерами и некоторыми каза-

ками полка над мирным населением, а также плохие отношения между рядовыми и офицерами. На этом сходятся все мемуаристы, и косвенно эту версию подтверждает приказ № 630, изданный Г. М. Семёновым. Рассмотренные выше попытки Еремеева и Воросова объяснить восстание в полку агитацией и мобилизацией в него казаков, воевавших на стороне советской власти, опровергаются другими участниками Войскового круга. На его заседаниях они приводили множество примеров террора и грабежей со стороны семеновских воинских формирований. То есть за год, прошедший с момента восстания полка, ситуация в этой части только усугубилась.

3. Вопрос о подготовке синхронного восстания в гарнизоне Нерчинского Завода остаётся до конца не проясненным. То, что такое восстание намечалось, не подлежит сомнению, однако вопросы относительно того, в каких частях планировалось это восстание, из кого состояла подпольная группа и как выступление было предотвращено, требуют дальнейшего изучения.

4. Согласно приведённым воспоминаниям и публикациям, число офицеров, погибших во время мятежа, колеблется от 13 (Еремеев) до 18 (Лобанов). Для окончательного ответа на вопрос о количестве убитых офицеров полка необходимо привлечение дополнительных источников в виде полковых документов по личному составу. Невыясненным остаётся вопрос о казаках, убитых в ходе восстания и расстрелянных позже. Сведения об этом есть только в выступлении Еремеева. В приведённых воспоминаниях бывших партизан упоминаний об этом нет, за исключением Г. Лобанова, который говорит о 35 арестованных казаках-семёновцах. Зато в партизанских мемуарах содержится информация о практически полностью уничтоженной артиллерийской монгольской батарее, которой, в свою очередь, нет в имеющихся семёновских материалах. Таким образом, если вопрос о погибших офицерах полка требует только уточнения, то проблема убийства казаков и особенно упоминаемого их расстрела нуждается в дальнейшем углублённом изучении.

Список литературы

1. Аникиев Н. К. Партизанское движение в Восточном Забайкалье // Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке: в 3 кн. Владивосток: Кн. дело, 1925. Кн. 3. С. 109–136.
2. Борьба за советы в Забайкалье: сб. ст., материалов и документов. Чита: Чит. обл. изд-во, 1947. 375 с.
3. Василевский В. И. Дела легендарных дней. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 96 с.
4. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
5. Василевский В. И. Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. Чита: Ред.-изд. центр Управления судебного департамента в Читинской области, 2007. 174 с.
6. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 30. Оп. 3. Д. 181.
7. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 39.
8. ГАЗК. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 923.
9. ГАЗК. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 929.
10. ГАЗК. Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 1031.
11. Красногвардейцы и партизаны: сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье. Чита: Чит. кн. изд-во, 1957. 140 с.
12. Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке 1918–1920. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1984. 224 с. EDN: YTQNQX
13. Лобанов Г. Первый казачий семеновский переходит к красным // Партизаны: сб. ст., партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвящ. трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита: Печатное дело, 1929. С. 127–128.
14. Октябрьская тетрадь. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. 287 с.
15. По станицам // Казачье эхо. 1920. 18 марта. № 10. С. 3.
16. Рейхберг Г. Е. Павел Журавлев // Военно-исторический журнал. 1941. № 4. С. 76–86.
17. Романов А. М., Новиков П. А. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова: монография / науч. ред. И. В. Наумов. Иркутск: Оттиск, 2013. 308 с. EDN: VZMJUR
18. Таежные походы: сборник эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке / под ред. М. Горького, П. Постышева, И. Минца. М.: Гос. изд-во «История гражданской войны», 1935. 503 с. URL: <http://www.biografia.ru/about/pohod.html> (дата обращения: 16.04.2025). Текст: электронный.
19. Ушаков М. По долинам и по взгорьям... Чита: Кн. изд-во, 1960. 78 с.
20. Чернов В. Илья Стрельников // Годы и люди: статьи и очерки об участниках борьбы за Советы в Забайкалье. Чита: Чит. кн. изд-во, 1960. С. 322–326.
21. Чрезвычайный круг Забайкальского казачьего войска // Казачье эхо. 1920. 11 апр. № 41. С. 4.
22. Шишкин С. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. М.: Воениздат, 1957. 268 с.

Сведения об авторе

Таскин Д. А. – аспирант, специальность «Отечественная история», историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, taskins@yandex.ru

Information about the author

Taskin D. A. – Postgraduate Student in the Specialty “National History” of the Historical and Philological Faculty of the Humanitarian and Pedagogical Institute, State University, Chita, Russia, taskins@yandex.ru

УДК 27-587.7(571.55)

Забайкальское духовенство в тюрьмах в 1921–1922 годы (по материалам личной переписки)

Владимир Иванович Косых

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
kaf-ist-zabgu@yandex.ru

В статье рассматривается пребывание забайкальских клириков в 1921–1922 гг. в Иркутском исправительно-трудовом доме. В основу исследования легли не известные на сегодня широкому кругу документы Государственного архива Забайкальского края. Это личная переписка представителей православного клира из мест лишения свободы с Забайкальским епархиальным советом. Они относятся к началу третьего десятилетия XX в. В них постоянны просьбы к епархиальному руководству о помощи в их освобождении от пребывания в тюрьме и на изнурительных работах. Рассматриваемый и анализируемый источник даёт представление об одной из самых страшных страниц православной истории в целом и на территории Забайкалья в частности – времени гонений начала 1920-х гг. Очевидно, что поднимаемая в названии исследования проблематика может иметь продолжение в научном изучении. Основу расширения фактической базы, несомненно, составят источники, как представляется, неизвестные или малоизвестные архивные документы.

Ключевые слова: духовенство, клирики, монашествующие, Забайкальская епархия, исправительно-трудовой дом, тюрьма, лагерь, Дальневосточная республика, Всероссийская чрезвычайная комиссия

Transbaikal Clergy in Prisons in 1921–1922 (Based on Personal Correspondence)

Vladimir I. Kosykh

Transbaikal State University, Chita, Russia
kaf-ist-zabgu@yandex.ru

The article examines the stay of trans-Baikal clerics in the Irkutsk correctional labor home in 1921–1922. The research is based on documents from the State Archive of the Transbaikal Territory that are currently unknown to a wide range of people. This is a personal correspondence between representatives of the Orthodox clergy from places of detention and the Transbaikal Diocesan Council. They date back to the beginning of the third decade of the 20th century. They constantly ask the diocesan leadership for help in freeing them from prison and grueling work. The source under consideration and analyzed gives an idea of some of the most terrible pages of Orthodox history in general and in the territory of Transbaikalia in particular – the time of persecution in the early 1920s. It is obvious that the problems raised in the title of the study can be continued in scientific study. The basis for expanding the factual base will undoubtedly be made up of sources that appear to be unknown or little-known archival documents.

Keywords: Clergy, Clerics, Monastics, Transbaikal Diocese, Correctional Labor Home, Prison, Camp, Far Eastern Republic, All-Russian Emergency Commission

Во времена Дальневосточной республики (ДВР) белое и чёрное духовенство Забайкальской епархии (клирики) испытывали постоянное давление со стороны Министерства внутренних дел и Государственной политической охраны республики. Не предъявляя особо обвинений, их зачастую по требованию Иркутской Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК) (последняя постоянно находилась на террито-

рии соседней Советской России) доставляли в бывшую каторжную тюрьму, теперь именовавшуюся мягче – исправительно-трудовым домом, который распоряжался ими по собственному усмотрению.

Спорить и защищаться забайкальским клирикам оказалось совсем непросто, поскольку религия в РСФСР и ДВР объявлялась вне закона, потому любой из них по логике вещей яв-

лялся нарушителем закона Республики и обычным преступником.

Подобное уместно проиллюстрировать рядом примеров. Так, священник Торейской Богоявленской церкви Нил Пакулов 12 апреля 1921 г. по приговору народного суда ДВР направлялся в указанный выше Иркутский исправительно-трудовой дом. Ехал он туда за свой счёт, как тогда полагалось тем, кто получил наказание. Бежать куда-то и где-то скрываться священник не собирался, поскольку последнее могло бы усугубить его положение и семьи.

14 апреля священник Н. Пакулов явился в бюро труда, откуда его направили на учёт до окончания срока заключения (2 мая 1922 г.). Проживать ему разрешили на частной квартире, поскольку у священника в Иркутске не оказалось ни родственников, ни знакомых, где бы он «мог прожить до конца срока».

Пришлось священнику Н. Пакулову просить помощи у архиепископа Иркутского и Верхнеудинского Антония, который и приютил его в своём доме.

Следует отметить, что Исправительно-трудовая комиссия в Чите (работала такая в это время) засчитала священнику Н. Пакулову один месяц предварительного заключения, направив в своём постановлении об этом на утверждение губернской чрезвычайной комиссии в Иркутске. Правда, бумага эта из последней инстанции возвратилась только 25 апреля 1922 г. И получилось так, что священник не отбыл полного срока наказания.

В конце концов 26 апреля 1922 г. священник Н. Пакулов обрёл долгожданную свободу, получил от архиепископа Антония 1 782 000 руб. на железнодорожный билет от Иркутска до Забайкалья, необходимый запас хлеба и отбыл домой в с. Торей. В итоге он пробыл в заключении 1 год 2 месяца и 3 дня.

Всё это время его семья оставалась в Торее, жила на «частной квартире, но в материальном отношении нужды не имела. Прихожане снабжали её всем, чем могли, от моего же заместителя О. А. Литвинцева не получила ничего, кроме неприятностей» – вспоминал священник Н. Пакулов. Вероятно, эта служебная близость могла побудить власти к аресту самого Литвинцева.

Со 2 мая 1921 г. начал свою жизнь заключённого в Иркутске священник церкви из забайкальского села Харацай Д. Зуйков, которого осудили на три года. Трудились они вместе со священником Н. Пакуловым. Надеялись попасть под ноябрьскую амнистию 1921 г., однако этого не произошло. В силу образованности тюремное руководство через некоторое время

перевело священника Д. Зуйкова на должность счетовода в техническую контору.

Что касается его семьи, то она до апреля 1922 г. проживала в с. Харацай и от прихожан «должного содержания» не получала. В продовольственном плане семья продержалась только потому, что матушка попадая Зуйкова удачно устраивалась на работу сторожихой у народного судьи. Именно это и позволяло ей получать «мизерный паёк», за счёт чего семья и держалась.

Стоит отметить, что помощь Зуйковым оказывал настоятель прихода священник К. Сукнев. С наступлением тепла семья священника Д. Зуйкова сумела перебраться в г. Иркутск, «где жизнь её, кажется, пошла полна всяких лишений. Пока даже неизвестно, где они и приютились». Всё это изложено в рапорте священника Н. Пакулова благочинному 15-го округа протоиерею Д. Малкову от 21 июня 1922 г. [2, л. 14, 15 об.]. Что касается священника Н. Пакулова, он продолжал служить, как и прежде, в своём приходе.

Теперь обратимся к тому, как в том же Иркутском исправительно-трудовом доме пребывали забайкальские монахи Николай и иеромонах Вениамин. 12 апреля 1921 г. Монах Николай (в миру – псаломщик Малокудринской церкви Н. Кондратьев) направил письмо в Забайкальский епархиальный совет из Иркутска, в котором просил направить в местную ВЧК удостоверение или «что-нибудь подобное о нашей личности, кто ты такой, когда был назначен, о нашем поведении, о политической благонадежности, об освобождении нашем из-под ареста».

Как оказалось, в Советской России (в частности, в том же Иркутске) их попросту приняли за шпионов. Именно поэтому и монаха Николая, и священника Кудринской Благовещенской церкви иеромонаха Вениамина бдительные иркутские чекисты на всякий случай задержали, заключили в тюрьму г. Кабанска.

Монах Николай сообщал Забайкальскому епархиальному совету в Читу, что сейчас они с Вениамином сменили уже два места заключения, теперь находятся на железнодорожной станции Иннокентьевская под Иркутском. По его словам, им «тяжело и нравственно, и физически. Освобождению нашему, кажется, не представится никогда».

Как оказалось, судебного процесса над ними не производилось, они находились до сих пор лишь «под следствием». Настроение забайкальцев-«сидельцев» поднимало то, что они смогли найти неплохой контакт с монахами Иркутского Иннокентьевского монастыря. Как

оказалось, его монахи, как и забайкальцы, уже находились под арестом, работали на станции в ночное время. День у них являлся свободным, дважды в неделю они являлись в лагерь для проверки. Забайкальцы познакомились с товарищами по несчастью. Ночью они писали письма в епархиальный совет, церковным старостам. В почтовые ящики Иркутска их бросали ставшие знакомыми иркутские монахи.

Монах Николай сообщал в епархиальный совет, что они с иеромонахом Вениамином не имели сменной рабочей одежды и поэтому оба «оборвались, одежды скоро на них никакой не будет, останутся только лохмотья, на ногах ка-танки, а клочки подвязаны бечёвкой».

Судя по всему, забайкальские монахи сблизилась с иркутянами, особенно монах Николай с Иринеем. Забайкалец просил последнего нужные для освобождения бумаги направлять в Забайкальский епархиальный совет, который в свою очередь должен был направить их на адрес Иннокентьевского монастыря. Документы следовало прислать до 1 мая, когда последний должен был освободиться из-под ареста и возвратиться в свою обитель.

Викарный епископ Киренский Борис, по словам монаха Николая, чувствовал себя нормально. Из Иннокентьевского монастыря с монахом Иринеем он иногда передавал монахам забайкальским важные для них подарки: хлеба и картошки, более он не сможет ничем помочь». Хорошо, что епископ Борис такими важными видами продуктов поддерживал моральный и телесный дух коллег-зabayкальцев.

Полагаем, что последние находились в распоряжении губернской Иркутской ВЧК, которая внимательно следила за тем, чтобы они своим тяжёлым трудом полностью «загладили свою вину» (непонятно, какую и перед кем). Хотя для властей предрежающих, которые провозгласили создание в России безрелигиозного государства и делали это наперекор огромной массе верующего народа, монашество, равно как и белое духовенство, враг народа.

Что касается упомянутого выше тяжкого труда, то монах Николай в одном из своих писем в Читинский епархиальный совет отмечал: «работаем ежедневно и в праздники не освобождаемся». По его словам, в подвалах Иркутского ЧК «находились с ними и священники, а также и в лагере есть». Он сообщал также, что раку с мощами святителя Иннокентия Иркутского (Кульчицкого – В. К.) местные чекисты «куда-то вывезли» [2, л. 44, 44 об.].

Отметим, что монах Николай направил свои письма в Забайкальский епархиальный

совет, который фиксировал абсолютно все изменения в положении забайкальских клириков-узников. Так, например, в своём письме от 12 апреля 1922 г. он сообщал, что после Кабанской тюрьмы они «застряли» под Иркутском. Нужно отметить, что монах Николай, на наш взгляд, оказался более коммуникабельным. В 1981 г. он окончил Кавказскую духовную семинарию, 29 апреля 1915 г. Принял монашеский постриг. 1 января 1919 г. из Благовещенской епархии прибыл в Забайкальскую, где его приняли на службу (с 17 мая 1919 г.) псаломщиком Читинской Андреевской церкви (архиерейской). Интересно, что с 1986 по 1918 г. он работал учителем [1, л. 36, 36 об.].

Отметим, что Забайкальский епархиальный совет в меру своих сил и возможностей честно отстаивал пред РСФСР и ДВРО интересы своих клириков, попавших в беду. Так «14 мая 1921 г. Он направил удостоверения за № 889 и 891 монаху Николаю и иеромонаху Вениамину. В документах значилось (первое совет отдал монаху Николаю), что он (в миру Павел Петрович Кондратьев) родился 27 июня 1863 г. Согласно своему прошению журнальным представлением Забайкальского епархиального совета от 5 февраля 1921 г. № 47 был назначен на должность псаломщика Кударинской Благовещенской церкви, в чём ему выдан указ совета от 24 февраля 1921 г. № 256». Аналогичный документ совет выписал и на имя иеромонаха Вениамина.

Далее совет отмечал: «...препровождать при сём два (2) удостоверения с личности на вакансии священника Кударинской Благовещенской церкви иеромонаха Вениамина (в миру Виктора Глушкова) на викариатского псаломщика той же церкви монаха Николая (в миру Павла Петровича Кондратьева) за № 890 и 889.

Забайкальский епархиальный совет покорнейше просит Губ-Чека сделать распоряжения о скорейшем освобождении названных лиц из-под ареста и отправке их в ст. Кударинская» [2, л. 37, 37 об.].

Правда, после своего освобождения монах Николай вообще не намеревался возвращаться в Читинский епархиальный совет и потому направил в Забайкальский епархиальный совет прошение о том, что в Малокударинский приход он возвращаться не намерен, даже подчеркнул, что проклял «тот день и час, когда вздумал идти на приход» [Там же, л. 37]. Что касается самого «трудового воспитания» в Иркутске, то он 5 апреля 1922 г. заявил следующее: «...нужно (узнать) на себе, как тяжело и нравственно, и физически. Арест сократил несколько лет жизни» [Там же, л. 37, 37 об.].

Приведённые примеры – это только часть большого «пласта» истории жизни забайкальского духовенства в заключении в суровые годы гонения на церковь. Очевидно, что требуется дальнейшая серьёзная работа с источниками для заполнения неизвестных или малоизвестных страниц названной истории.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 55.
2. ГАЗК. Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 549.

Сведения об авторе

Косых В. И. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, kaf-ist-zabgu@yandex.ru

Information about the author

Kosyh V. I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, kaf-ist-zabgu@yandex.ru

УДК 392=282.256 (571.55)

Особенности быта и хозяйственной деятельности забайкальского казачества на территории китайского Трёхречья в 1920-е – начале 1930-х годов

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

drzz@yandex.ru

В статье дана характеристика особенностей бытовой и хозяйственно-экономической жизни представителей забайкальского казачества на территории макрорегиона севера Китая, так называемого «Русского Трёхречья» в третьем – начале четвёртого десятилетия XX в. В основу исследования легли имеющиеся публикации и малоизвестные или неизвестные источники – документы Государственного архива Российской Федерации. Автор говорит о наличии нескольких объёмных трудов по различным аспектам истории «Русского Трёхречья» Китая, основная масса которых посвящена фольклору, отмечает, что есть и объёмное обобщающее историческое исследование, которое, однако, не воссоздаёт названную историю в полной мере, затрагивая только отдельные аспекты и не по всем хронологическим отрезкам. Отмечается, что относительно слабая изученность китайского Трёхречья на севере страны именно с исторической точки зрения порождает множество противоречий и спорных моментов. Это касается количества русского населения в регионе в разные годы, числа и названий населённых пунктов, количества православных храмов и т. д. Обращается внимание на то, что восстановление более полной истории казачества на территории «Русского Трёхречья» возможно только при серьёзной работе с источниками, главным образом архивными документами. Именно данные из них должны подтвердить или опровергнуть имеющуюся информацию, полученную в значительной степени из воспоминаний отдельных современников, а точнее, родившихся там и проживших некоторое время в детстве, и воспоминаний потомков забайкальских казаков.

Ключевые слова: забайкальское казачество, старообрядцы, Забайкалье, Китай, Маньчжурия, Барга, «Русское Трёхречье», управление, хозяйственно-экономическая деятельность, религиозность, фольклор

Features of the Life and Economic Activity of the Transbaikal Cossacks in the Territory of the Chinese “Three Rivers Region” in the 1920s – Early 1930s

Evgeniy V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia

drzz@yandex.ru

The article is devoted to the characteristics of the household and economic life of representatives of the Transbaikal Cossacks in the territory of the macroregion of northern China, the so-called “Russian Three Rivers

Region” in the third and early fourth decades of the XX century. The research is based on existing publications and little-known or unknown sources, such as documents from the State Archive of the Russian Federation. The author speaks about the existence of several voluminous works on various aspects of the history of the “Russian Three Rivers” of China, the bulk of which are devoted to folklore, notes that there is also a voluminous generalizing historical study, which, however, does not recreate the named history in full, affecting only certain aspects and across all chronological segments. It is noted that the relatively weak knowledge of the Chinese Three Rivers in the north of the country, precisely from a historical point of view, generates many contradictions and controversial points. Russian Russians lived in the region in different years, the number and names of settlements, the number of Orthodox churches, etc. The author says that the restoration of the fullest possible history of the Cossacks in the territory of the “Russian Three Rivers” is possible only with serious work with sources, mainly archival documents. It is the data from them that should confirm or refute the available information, obtained largely from the memoirs of individual contemporaries, or rather, those who were born there and lived for some time in childhood and the memories of the descendants of the Transbaikal Cossacks.

Keywords: Transbaikal Cossacks, Old Believers, Transbaikalia, China, Manchuria, Barga, “Russian Three Rivers region”, Management, Economic Activity, Religiosity, Folklore

«Русское Трёхречье» – это относительно широко используемое не слишком большим сообществом специалистов в настоящее время название локальной территории расселения русского населения на севере Китая. Оно встречается и в источниках.

История «Русского Трёхречья» интересна тем, что несколько десятилетий это был своеобразный казачий анклав на территории Северного Китая, со своим укладом жизни, особенностями быта, хозяйственной деятельности и культуры. В чём-то они повторяли черты жизни Родины казаков «Русского Трёхречья» – Забайкалья, в чём-то нашли новые черты принимающего сообщества. Помимо казаков проживали там представители старообрядческого населения, также пришедшие с забайкальской земли и, по некоторым данным, из Приморья.

Автор данных строк склонен, вопреки традиции, говорить не о «русской», а о «российской» эмиграции в Китае. Однако относительно Трёхречья мы говорим именно о русском населении.

Несмотря на кажущееся многообразие имеющихся публикаций по истории «Русского Трёхречья» Китая, религиозной составляющей жизни населения региона, её культурным особенностям, фольклоре, сказать, что названная история изучена в полной мере, сегодня нельзя. Это предопределено тем, что основная масса публикаций посвящена фольклору региона. Речь идет об исследованиях таких известных специалистов, как В. Л. Кляус, А. П. Забияко и А. А. Забияко и некоторых иных, менее известных широкой общественности авторов [12–15; 24; 25; 27; 42 и др.].

Исследование историко-этнографического плана принадлежит авторству А. Г. Янкова и А. П. Тарасова. Информации по истории населения региона в нем немного, но, самое главное в том, что авторы дают ее без ссылок на

источники и пользоваться ей можно только с известной долей осторожности [43].

У того же А. П. Тарасова имеется ряд специальных, узконаправленных (узкотематических) публикаций по истории «Русского Трёхречья» и обобщающая работа по истории российско-китайских отношений на уровне приграничного взаимодействия Забайкалья и Северного Китая, в которых вкраплениями имеется информация по проблематике данной статьи [31–35 и др.].

Есть и специальные, сугубо исторические исследования по казачеству в регионе. Их немного, но они есть. Здесь несомненна заслуга Ю. В. Аргудяевой. Особый же интерес представляет введение ей в широкий научный оборот нескольких работ по Трёхречью, изданных в Японии (Жилище и жизнь русских в Трёхречье в Северной Маньчжурии. Токио, 1943. 141 с. (яп. яз.) (пер. Е. С. Пустовойт); Доклад по исследованию форм ведения сельского хозяйства русскими крестьянами в Трёхречье. Далянь, 1943. 61 с. (яп. яз.) (пер. К. Г. Матафонова); Доклад по исследованию форм ведения сельского хозяйства русскими крестьянами в Трёхречье. Опыт перевода / сост. и комм. Игауэ Нахо, пер. Е. В. Дмитриевой. Токио, 2014. 95 с.). В то же время публикации Ю. В. Аргудяевой в значительной степени повторяют, а в ряде случаев дословно, то, что было напечатано ранее. Часто отсылки делаются на имеющиеся опубликованные воспоминания. Используются и источники, но не по всем аспектам, не по всему времени проживания в Трёхречье русских [4].

Отдельные страницы истории казачества «Русского Трёхречья» на севере Китая находят отражения в обобщающих исследованиях по истории российской (русской) эмиграции в Китае, истории в стране российского казачества [3–5; 36–41 и др.].

О каком аспекте (историческом, фольклорном или религиозном) не писали бы исследо-

ватели, они в значительной степени основываются на воспоминаниях уроженца «Русского Трёхречья» А. М. Кайгородова, опубликованных им в разные годы. В списке литературы к статье мы приводим только часть, на самом деле публикаций значительно больше [16–22 и др.].

Мы не ставим задачу показать в данной статье весь спектр имеющихся публикаций по истории казачества в «Русском Трёхречье» Китая. Это, вероятно, цель большого историографического исследования. Приводя основные, наиболее широко известные работы и называя фамилии наиболее известных исследователей, мы скорее даём общее представление о литературе по заявленной проблематике.

Автор данных строк много лет проводил международную научно-практическую конференцию «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии». В её рамках организовывались выездные заседания учёных из самых разных городов России и иных стран в Китай, в города Маньчжурию, Чаньчунь с его знаменитым дворцом последнего китайского императора Пу И, в г. Харбин, с музеем отряда 731 и, конечно, в Эргунь (Лабдарин, Лабудалинь, Аргунь-Юци) Автономного района Внутренняя Монголия – сегодня административный центр локального региона, который исследователями и частью представителей общественности именуется «Русским Трёхречьем». Организация научных мероприятий исторической направленности толкнула на более глубокое знакомство историей русских в регионе. Сначала – это знакомство с имеющимися публикациями, в дальнейшем – работа с источниками, прежде всего с архивными документами.

Перед обращением непосредственно к предмету исследования несколько слов к постановке проблемы.

Относительно изучения «Русского Трёхречья», как в плане фольклора, так и в плане чисто исторического исследования, можно выделить ряд проблем.

Общая и самая главная: сегодня нет полноценной истории русского населения в Трёхречье. Имеющиеся публикации затрагивают только отдельные аспекты. Это порождает проблемы мелкие: очень много спорных, неоднозначных в оценках аспектов истории русской эмиграции на севере Китая в целом и в «Русском Трёхречье» в частности. Это количество населения в разные годы, число населённых пунктов, даты их основания, названия, ареал расселения, число храмов и др.

Отсутствие одного большого, значимого исследования, дающего ответы на многие во-

просы, охватывающие самые разные стороны жизни русских в китайском Трёхречье, приводит к самым невероятным замечаниям и выводам на страницах публикаций. Ярким примером является утверждение, что «Трёхречье – русская национальная волость в приграничном Китае» [30], что, несомненно, ни в коей мере не соответствует действительности.

Причин сложившейся ситуации, по нашему мнению, несколько:

– всплеск интереса с истории «Русского Трёхречья» в начале 2000-х гг. с постепенным его затуханием. Резкий интерес в конце первого – начале второго десятилетия XXI в., множество экспедиций, а затем пандемия COVID-19 с закрытием границ и отсутствием возможности полевых работ и постепенный уход из жизни старшего поколения потомков русского населения региона. К данному моменту активное изучение «Русского Трёхречья» отошло на второй план. При этом речь мы ведем главным образом об этнологических (этнографических) и фольклорных исследованиях. Историей же русского региона в целом или отдельных её страниц сегодня не занимается практически никто;

– меньший интерес к региону историков, чем фольклористов, этнографов или культурологов. Это объяснить значительно сложнее, но можно попытаться. Здесь, вероятно, причина в наличии и доступности источников, с одной стороны, и желании с ними серьёзно работать, с другой.

Многие исследования, как отмечалось выше, опираются на публикации более раннего времени, в значительной мере – на воспоминания. Воспоминания – это, несомненно, исторический источник, но без подтверждения иными источниками, информация, получаемая из них, может быть поставлена под сомнение.

О каком регионе речь

Первая, важная составляющая изучения истории «Русского Трёхречья», на которой хотелось бы остановиться – это территория расселения забайкальского казачества на севере Китая. Исследователи подходят к наименованию региона по-разному. Архивные же документы именуют макрорегион расселения забайкальских казаков на севере Китая «Северной Баргой» [10, л. 16]. О чём следует сказать отдельно, в документе, а это «Доклад представителя Главы Эмиграции Дальнего Востока Д. Л. Хорвата в Азиатско-Восточных провинциях Н. Митаревского», нет упоминаний о Маньчжурии, хотя в современной научной традиции именно так принято говорить о Северном и Северо-Восточном Китае.

К концу 1920-х гг., согласно источникам, на территории Северной Барги сформировалось четыре относительно самостоятельных локальных района расселения забайкальских казаков.

Первый – это поселения вдоль железной дороги (речь идёт о знаменитой Китайской Восточной железной дороге): Маньчжурия, Чжалайнор, Цаган, Хорхонтэ, Ваньгунь, Хайлар, Хакэ, Чжаромтэ, Якеши, Мяндухэ.

Населённые пункты второй группы располагались вдоль тракта «Якеши – Трёхречье». Это Кацанор, Магойтуй на правом берегу Аргуни и Тынха, Цанкир-Булак, Наджин-Булак.

Значительная группа посёлков (третий локальный район) располагалась вдоль нижнего течения Аргуни: План, Ключи, Дамосово, Аргунское, Верея и ряд поселков за рекой Быстрой. Вероятно, часть населённых пунктов находилась на территории современного Забайкальского края.

И последняя, четвёртая группа – именно то, что является объектом данного исследования, посёлки в Трёхречье, по трём рекам: Дербулуку (Дербулу), Гану (Гану, Ган) Хаулу (Хауле). В документах ведётся речь о 23 населённых пунктах [10].

Конкретизируя данные, укажем с опорой на источники: 1) на р. Ган к концу третьего десятилетия XX в. проживало 30 семей в Верх-Уроке, 18 – в Усть-Урге, 10 – в Покровке, 10 – в Каодагае, 120 – в Верх-Кули, 35 – в Лабдарине (Лабудалине, позже – Эргуна), 20 – в Нарманчи (Нармакчи); 2) на р. Дербу – 40 семей в Дубовой, 50 – в Ключевой, 15 – в Тулун-Туге (Тулунтуе) Верхнем, 17 – в Тулун-Туге (Тулунтуе) Нижнем, 12 – в Караганде (Караганах), 20 – в Попирае, 25 – в Щучьем, 35 – в Шахедцзы, 15 – в Боржоме (Баржаконе), 60 – в Драгоценке, 15 – в Концу [Там же, л. 17].

В настоящее время «Русское Трёхречье» – это территория на северо-востоке Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики, административная единица – Эньхэ-Русская национальная волость, созданная в 1994 г. с центром в поселении (станции) Караванная. В 2001 г. волость расширена присоединением территории с посёлком Шивэй. Переименована в Шивэй-Русскую национальную волость с центром в посёлке Шивэй. В 2011 г. Шивэй-Русская национальная волость (*Шивей Элуси Цзу Минзу Сян*) была упразднена и созданы русский этнический посёлок Эньхэ (вновь Эньхэ-Русская национальная волость) и Мэнгу Шивэй Сум (или Сом или сомон – монгольское наименование). Это в 1,5 часах езды от г. Эргуна.

Таким образом, несколько основных населённых пунктов, в которых проживали забайкальские казаки, а позже их потомки: посёлок Эньхэ (иногда говорят – бывшая Караванная, иногда, что Караванная была несколько выше по течению р. Хаул), посёлок Шивэй, расположенный на берегу р. Аргунь (с российской стороны с. Олочи), Попирай (Цзяньшетунь), Щучье (Сучин), Дубовая, Ключевая, Ершишная (Саньян), Гитара, Олочи (Шивэй), Покровка (Шан-Кули-2).

Площадь Русской национальной волости в границах на начало второго десятилетия XX в. составляла около 4 350 км². По некоторым данным, в те годы на территории волости проживало 4 072 чел., из которых 1 774 русские.

О казачьем населении региона

Начальное освоение Трёхречья русскими спорно по датам и количеству пришлых. Разные авторы называют разные годы, поселения и цифры, часто без отсылки к источникам. Говорят о 1870 г., о 1890 г. Пишут и о XVIII в. То, что первые русские заимки появились там в конце XIX в., вероятно, более справедливо, однако основной приток пришёл на начало 1920 г. и был связан с массовой эмиграцией с территории Забайкалья казачества.

На конец 1920-х гг. абсолютно точных данных по количеству русского населения в Трёхречье нет. Архивные документы свидетельствуют, что там проживало приблизительно до 650 семей (общее количество до 5 000 чел.). Отмечается, что все семьи были «многолюдными», некоторые составляли несколько поколений. В отдельные семьи входили семейства работников, не имевших своего имущества. Таких семейств насчитывалось до 300. Значительная их часть появилась после карательных набегов в регион отрядов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) с территории СССР на рубеже третьего – четвертого десятилетий XX в. [Там же].

Известный иркутский историк И. В. Чапыгин говорит о 5 500 чел. – представителей русского казачества в регионе на 1933 г. [40, с. 174].

Сложности у русского населения Северного Китая начались в 1929 г., когда произошёл конфликт между советскими и китайскими властями. Правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян захватил Китайскую Восточную железную дорогу, что не могло не вызвать реакции со стороны СССР. Разрешение ситуации произошло достаточно быстро, был подписан Хабаровский протокол. Согласно ему, стороны восстанавливали позиции по Китайской Восточной железной дороге в соответствии с Пекинским и Мукдэнским договорами.

В рамках военных столкновений было осуществлено несколько карательных рейдов отрядов Рабоче-крестьянской Красной армии на территорию Северного Китая. Каратели прошли по русским казачьим деревням. Уже к началу 1930 г. начался отток русского населения из Трёхречья, который продолжался в первые годы четвёртого десятилетия XX в. Тогда было осуществлено еще несколько карательных походов в регион красноармейских отрядов. Часть посёлков сожжена полностью, часть частично, но о спокойной жизни забайкальское казачество в «Русском Трёхречье» уже не думало. Итогом стало перемещение членов казачьих семей вглубь Китая, кого-то в Хайлар, кого-то в Харбин. Однако в последнем в 1932 г. произошло сильнейшее наводнение, что не сделало жизнь «бегущих» лучше. Часть отправилась дальше, кто-то в Тяньцзинь, кто-то в Шанхай, а оттуда через филиппинский остров Тубабао в Австралию, Южную и Северную Америку [9, л. 49–50].

Несмотря на то, что в литературе «упадок» «Русского Трёхречья» (исход из него русского населения) зачастую относят к более позднему времени, по нашему убеждению, начало было положено в 1929 г. «Резня» в Трёхречье получила широкий общественный резонанс как в Китае, так и за его пределами, в том числе в кругах российской эмиграции в Европе.

В документах встречается информация о том, что помощью «русским трёхреченцам» активно занялись представители Союза сибиряков. В г. Харбине это был Г. П. Грачев, в г. Прага – Ф. С. Мансветов. Обсуждался вопрос об организации переезда пострадавших в Канаду, чем занимался представитель Союза сибиряков в стране И. К. Окулич [8, л. 7; 25; 26].

Сложно сказать, сколько всего казаков из Трёхречья покинуло «насиженные» места в начале 1930-х гг. Нет и однозначной оценки оставшихся в регионе. Архивные источники изучены не в полной мере, а в имеющихся публикациях акцентируется внимание на иных периодах. Так, вероятно по причине наличия данных, разные авторы приводят количественные данные по русскому населению Трёхречья на середину пятого десятилетия XX в. Ю. В. Аргудяева, со ссылкой на А. Кайгородова, говорит о том, что в 1945 г. там проживало 11 000 русских [5]. В. В. Перминов в одной из работ писал о 20 000–25 000 русских в Трёхречье на 1945 г. [28].

Если оттолкнуться от архивных данных, согласно которым русских на начало 1930-х гг. в Трёхречье было приблизительно 5 000 чел., с учётом некоторого оттока населения из региона в начале четвёртого десятилетия

XX в., даже при учёте того, что в Трёхречье в свою очередь в 1930-е гг. из Забайкалья бежали с семьями казаки, которых, по словам Ю. В. Аргудяевой называли «тридцатниками» [5], говорить о десятках тысяч русских в 1940-е гг., без подтверждения этого документально, представляется сомнительным.

Отдельные авторы говорят о том, что «первый удар» по русским в Трёхречье был нанесён в 1945 г., когда четвёртая часть мужского населения была арестована представителями НКВД и сослана в лагеря ГУЛАГа. Далее был 1949 г., когда проведено «раскулачивание», 1954 г. с депортацией русскоязычного населения в СССР, новое «раскулачивание» 1959 г. и отъезд основной массы русских из региона в начале 1960-х гг. [30, с. 226–227].

Часть русского населения осталась на территории Трёхречья. Согласно переписи населения Китайской Народной Республики 1982 г., на территории провинции Хэйлунцзян проживало около ста русских [29, с. 152].

Хозяйственная деятельность и особенности проживания

В архивных источниках встречаем информацию, главным образом по хозяйственной деятельности русского населения китайского Трёхречья, по обрядности и бытовым моментам данных встречается очень мало, если не сказать не встречается от слова «совсем». Вот именно здесь на помощь приходят фольклорные и этнологические (этнографические) исследования.

Данные по хозяйственной деятельности казачества Трёхречья достаточно подробно даются (с опорой на документы Государственного архива Хабаровского края) в публикациях Ю. В. Аргудяевой, но во многом они относятся к 1940-м гг.

Для более раннего периода обратимся к архивам. Интереснейшим документом является обращение восьми уполномоченных русского населения «Трёхречья, Побережья Аргуни и Барги» от 14 ноября 1930 г. к общественности, а конкретно в адрес Председателя Дальневосточного Комитета Трудовой Крестьянской партии «Крестьянская Россия» в г. Харбине. В нём говорится о Русском Трёхречье, на самом же деле рассматриваются русские поселения всего Северного Китая. Данный документ относится к подборке документов Председателя Союза сибиряков в Чехословакии И. А. Якушева. Значительная часть названной подборки посвящена трагическим событиям в регионе в 1929 г. [10].

Территория Трёхречья в хозяйственном плане была невероятно благодатна. Урожай

были значительные. Согласно архивным данным, собиралось до 300–500 тыс. пудов хлеба в год. К началу четвёртого десятилетия XX в. было почти 28 000 голов крупного рогатого скота, около 55 000 лошадей и до 22 000 овец [10, л. 17].

В документах конца 1920-х гг. читаем: «В последние годы район стал играть крупную роль в экономике Китая...» [Там же, л. 4].

В 1929 г. китайские власти завели разговор об аренде земли «казачками», поскольку иностранным гражданам нельзя владеть землёй. Об этом читаем в письме архиепископа Харбинской (Харбинская и Цицикарская епархия Временного Церковного Управления Заграницей) Мефодия (Герасимова). Он писал о необходимости аренды земли по 15 и 30 рублей. Отмечалось, что было не ясно: «– можно ли взять землю всем поселком; – нельзя ли заранее определить размеры предстоящих налогов; – из кого буде состоять общество наемных рабочих» [Там же].

Главная статья дохода казаков «Русского Трёхречья» – скотоводство и маслоделие: сбыт мяса, кожи, молока на частые маслодельни и сыроваренные заводы. Маслоделие было развито широко, некоторые поселения перешли полностью «на путь маслоделия». Был и побочный заработок: работали на лошадях на лесных концессиях. Были хорошие сенокосы, сена хватало на собственные нужды и до 10 % шло на продажу. Активной была охота. Охотились на медведя, волка, лисицу, рысь, изюбря, козу, белок, хорьков, колонков, выдр [Там же, л. 3].

Зажиточность казачества Трёхречья хорошо охарактеризована примерами в исследованиях И. В. Чапыгина: «...житель поселка Попирай забайкальский казак М. Пешков (переселенец из села Зоргол) имел 40 лошадей, 130 голов крупного рогатого скота, до 1 000 овец, засеивал до 20 десятин земли и нанимал 5 батраков. Житель того же поселка казак П. К. Козулин имел 20 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота и засеивал 10 десятин земли. Житель села Верх-Кули (Шанкули) казак А. В. Чегодаев имел два трактора и засеивал до 300 десятин» [37, с. 46].

Жизнь в Трёхречье в те годы практически ничем не отличалась от жизни казачьих поселений Забайкалья царских времён. В жизни «русских трёхреченцев» сохранялись традиционный уклад и традиционная культура забайкальского казачества, которые проявлялись как в повседневной жизни, так и в праздники.

Общественное устройство

По некоторым данным, управление казачьими поселениями Трёхречья было организо-

вано в начале 1920-х гг. через формирование 18 казачьих станиц, объединивших 65 посёлков и поселений региона. Это все было сведено в трёхреченскую станицу с центром в посёлке Драгоценка [23, с. 169]. Возникает вопрос о количестве посёлков. Откуда взята цифра в 65?

Далеко не во всех публикациях можно встретить, что в 1940-е гг. в Драгоценке располагалось отделение Бюро российских эмигрантов (БРЭМ), главное лесничество, а в военный период там были отделение японской военной миссии и небольшой гарнизон Кватунской армии [11].

В поселениях обязательны старейшины или старшины, которые периодически собирались на съезды. Например, в ноябре 1929 г. в посёлок Щучье приезжал из Хайлара чиновник, был созван съезд старейшин, на котором заявлено, что, согласно китайским законам, иностранцы не могут в Китае заниматься земледелием, желающие этого должны принять китайское гражданство или вступить в китайскую общину. Второй съезд в пос. Лабдаринь (в 27 верстах). Решения принимались казачьи сходами поселений (статья «О Трёхречье 1929 г.» Быль (автор не установлен) о белоэмигрантах в Китае в 1929 г.» Секретно) [10, л. 3].

В разные годы существовали отдельные должности, к примеру «заведующий беженцами». Создавались комиссии для рассмотрения насущных вопросов жизни казачества [Там же].

В. И. Чапыгин пишет, что во второй половине четвёртого десятилетия XX столетия в Драгоценке издавалась казачья газета «Казачья жизнь» [40, с. 174].

Архитектура зданий и планировка поселений была традиционной для Забайкалья. Это свойственно и типу постройки и элементам внутреннего убранства. Относится это и к кладбищам, захоронениям в разноразной, на возвышенности.

Традиционной являлась и кухня казаков, которая частично сохранилась до современности. Мясо, жареная рыба, хлеб, что-то изстряпни, молочная продукция.

Религиозность

Замечание, встреченное автором данных строк в нескольких публикациях: «Трёхреченцы отличались исключительной набожностью, однако местные китайско-монгольские власти ограничивали их религиозное рвение, препятствовали возведению православных храмов». Из чего это следует, сказать сложно. Возможно, из количества храмов, которое различно у разных исследователей. По Ю. В. Аргудяевой, их 10 на 19 поселений региона [4]. Согласно

Л. В. Кляусу, 18 одновременно и 24 в течение времени [26, с. 25].

Автором настоящей статьи просмотрено значительное количество документов по истории православия, старообрядчества, протестантизма и католичества на севере Китая, главным образом по истории православия, однако по Трёхречью данных практически нет. Из этого следует, что информация по храмам воссоздана по имеющимся воспоминаниям и публикациям и требует подтверждения.

Настоящее время

Ещё в начале второго десятилетия XXI в. во время поездок в «Русское Трёхречье» нас встречало человек 10–15 русских по внешним антропологическим признакам (потомки забайкальских казаков региона) в русских костюмах, с гармонистом. К началу третьего десятилетия уже практически никого в живых не осталось.

На улице нас много лет назад встречали метисы в возрасте, которые запросто разговаривали с нами на русском языке. Перед пандемией COVID-19, в 2019 г., этого уже не было.

Культура забайкальского казачества «Русского Трёхречья», просуществовавшая до первого – второго десятилетий XXI в., постепенно уходит вместе с ее носителями, потомками забайкальских казаков. Китайские власти пытаются сохранить наследие. Создав Эньхэ-Русскую национальную волость, сделав из поселения Эньхэ (Караванная) центр туризма с русским колоритом. В то же время в том же Эньхэ на 2019 г. оставался один настоящий дом, сохранившийся от русских казаков, и то местные собирались его сносить, поскольку он стоял посреди двора и мешал. Со значительной долей вероятности можно сказать, что на сегодня нет и его. То, что показывается туристам сегодня, в основной своей массе – новоделы, хотя что-то осталось и от забайкальских казаков.

Результатом настоящего исследования является несколько выводов.

Во-первых, история «Русского Трёхречья» именно как история изучена недостаточно. Многие факты, приводимые в публикациях, не имеют отсылки к источникам. Отсюда не всегда понятно, из чего следует то или иное замечание или заключение. Значительное повторение широко известных фактов «кочует» из публикации в публикацию. С одной стороны, хорошо, что некоторые исследователи дали возможность широкой общественности познакомиться с малоизвестными публикациями по Трёхречью XX в., а с другой, в изданиях, по нашему мнению, слишком мало отсылок к документам рассматриваемого времени.

Вторым замечанием будет являться утверждение, что сегодня остаётся очень много спорных вопросов именно с исторической точки зрения, количественные данные, даты.

Относительно предмета исследования отметим следующее. В хозяйственной жизни русские казаки на территории Северного Китая в 1920–1930-е гг., особенно позже – в значительной степени, полностью сохранили традиции забайкальских казаков. Это касается видов хозяйственной деятельности. Соответствовала традиции архитектура. Очевидно, что что-то перешло в быденной жизни, религиозности, фольклоре. Однако здесь отпечаток наложили и иные факторы: принимающая среда с ее особенностями, смешанные браки, наличие возможности получения образования, несения воинской службы и др.

Представляется, что восстановление относительно полной истории казачества на территории «Русского Трёхречья» возможно только при серьезной работе с источниками, главным образом архивными документами. Именно данные из них должны подтвердить или опровергнуть имеющуюся информацию, полученную в значительной степени из воспоминаний отдельных современников, а точнее, родившихся там и проживших некоторое время в детстве и воспоминаний потомков забайкальских казаков.

Рис. 1. По дороге из г. Эргуны в Эньхэ-Русскую национальную волость (2019)¹

Рис. 2. По дороге из г. Эргуны в Эньхэ-Русскую национальную волость (2019)

¹Здесь и далее – фото автора.

Рис. 3. Въезд в Эньхэ-Русскую национальную волость (2019)

Рис. 4. Эньхэ-Русская национальная волость. Кладбище (2019)

Рис. 5. Эньхэ-Русская национальная волость. Кладбище (2019)

Рис. 6. Павильон народных обычаев русской национальности в Эньхэ-Русской национальной волости (2019)

Рис. 7. Павильон народных обычаев русской национальности в Эньхэ-Русской национальной волости (2019)

Рис. 8. В доме потомков русских Трёхречья (2019)

Рис. 9. В доме потомков русских Трёхречья (2019)

Рис. 10. Музей хлеба, г. Эргуна (2019)

Рис. 11. Музей хлеба, г. Эргуна (2019)

Рис. 12. Музей хлеба, г. Эргуна (2019)

Рис. 13. Сохранение русскоязычной традиции на территории г. Эргуна (2019)

Список литературы

1. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
2. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М.: Русская панорама, 2004. 432 с.
3. Аргудяева Ю. В. Из России в маньчжурское Трехречье: исход русских казаков и крестьян после Гражданской войны // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 27–36. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/27-36. EDN: ZXGOEC
4. Аргудяева Ю. В. Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.). Благовещенск: АмГУ, 2016. 480 с.
5. Аргудяева Ю. В. Русское население Трехречья. Текст: электронный // Города и остроги земли сибирской. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/a/argudjaeva_ju_v/russkoe_naselenie_v_trekhreche/143-1-0-213 (дата обращения: 13.06.2025).
6. Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае: Маньжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–50-е гг.). Хабаровск: Хабаровский пограничный ин-т Федеральной службы безопасности РФ, 2003. 19 с.
7. Аурилене Е. Е. Российская эмиграция в Китае: 1920–1950: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ун-т, 2004. 376 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/rossiiskaya-emigratsiya-v-kitae-1920-1950-e-gg> (дата обращения: 11.09.2024). Текст: электронный. EDN: NNEKDV
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р-5871. Оп. 1. Д. 128.
9. ГАРФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 29.
10. ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 254.
11. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньжурии) в 1920–1930-е гг. Ч. 2. Текст: электронный // dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/WIOEgK0PIh0rXUEk> (дата обращения: 13.05.2025).
12. Забияко А. П. Русские в Трехречье: исторический очерк // Emigrantologia Słowian. 2016. Vol. 2. S. 5–17.
13. Забияко А. А., Забияко А. П., Зиненко Я. В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трехречья как основа сохранения этничности // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 17. С. 109–125.
14. Забияко А. А., Чжан Жуян. Устная история русских Трехречья: мемораты vs рассказы по фотографиям // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 83–97. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-7. EDN: LVVGHP
15. Забияко А. П., Забияко А. А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 40 с.
16. Кайгородов А. М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.
17. Кайгородов А. М. Потерянная земля (историко-этнографический очерк) // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 2. С. 160–176. DOI: 10.26158/TK.2020.21.2.014. EDN: ABZETC
18. Кайгородов А. М. Маньжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94–103.
19. Кайгородов А. Русские заимки в Трехречье (по личным наблюдениям) // Советское Приаргунье. 1993. 20 июля. № 56. С. 3; 28 июля. № 58. С. 4.

20. Кайгородов А. Грузди. Записки из жизни в Трехречье // Советское Приаргунье. 1993. 12 нояб. № 83. С. 4.
21. Кайгородов А. М. Перемены и удочки. Записки из жизни в Трехречье (Маньчжурия) // Русская Атлантида. 2009. № 34. С. 75–78.
22. Кайгородов А. М. Школа в Драгоценке // Русская Атлантида. 2011. № 40. С. 24–37.
23. Камедина Л. В. Историческое осмысление концепции «Степь» на уроках литературы // Acta et Commentationes, Sciences of Education. 2021. No. 1. P. 163–172.
24. Кляус В. Л. Русский фольклор в Трехречье (КНР) // Сибирские чтения в РГГУ: сб. ст. М.: РГГУ, 2008. Вып. 3. С. 5–21. EDN: VPXNBL
25. Кляус В. Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии: исследования, тексты, комментарии. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 816 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0681-9. EDN: YVUCGH
26. Кляус В. Л. Церкви Трехречья // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 25–34.
27. Кляус В. Л. «Русское Трехречье»: очерки фольклориста и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.
28. Перминов В. В. Начало и конец Русского Трехречья. Текст: электронный // ПРЕДЫСТОРИЯ. URL: <http://www.predistoria.org/archive/index.php?name=News&file=article&sid=553> (дата обращения: 13.04.2025).
29. Рябова М. С. Проблема сохранения идентичности русского национального меньшинства в Китае // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 150–154. DOI: 10.17223/15617793/393/22. EDN: VSHQXJ
30. Соломеина Ю. Н. Трехречье – русская национальная волость в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. 2013. Номер. С. 223–227.
31. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГУ, 2003. 432 с. EDN: QOWENB
32. Тарасов А. П. Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сентября 1929 г.). Текст: электронный // LIVEJOURNAL. URL: <https://voencomuezd.livejournal.com/735524.html> (дата обращения: 13.05.2025).
33. Тарасов А. П. Исторические судьбы Барги и Забайкалья // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4. С. 50–55. EDN: QCDZPN
34. Тарасов А. П. Русские в Барге: история и поиск национальной идентичности в приграничном Китае // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 3–14. EDN: TGTGGD
35. Тарасов А. П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 102–121. EDN: VTLFDF
36. Фомин К. В. Казачья эмиграция в Китае: 1922–1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2004. 163 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kazachya-emigratsiya-v-kitae-1922-1931-gg> (дата обращения: 12.09.2024). Текст: электронный. EDN: NMPQWV
37. Чапыгин И. В. Экономические основы жизнедеятельности казачества Трехречья (Китай, 1920–1945 годы) // Исторический курьер. 2023. № 3. С. 40–50. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-3-3. EDN: CWBTGX
38. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2006. 187 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kazachya-emigratsiya-v-russkoi-diaspore-severo-vostochnogo-kitaya-1920-1945-gg> (дата обращения: 12.09.2024). Текст: электронный. EDN: NNYQUX
39. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) // История Белой Сибири: материалы VII Междунар. науч. конф. Кемерово: ИНТ, 2009. С. 275–281. EDN: ZUUZJF
40. Чапыгин И. В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Наука и школа. 2013. № 4. С. 73–176. EDN: RCWFAD
41. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск: ИГУ, 2015. 171 с. EDN: UWIXJR
42. Чжан Жуан. Фольклор русских Трехречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.01.09. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2019. 23 с.
43. Янков А. Г., Тарасов А. П. Русские Трехречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-изд-во, 2012. 72 с.

Сведения об авторе

Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, директор Гуманитарно-педагогического института, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, drzz@yandex.ru

Information about the author

Drobotushenko E. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Director of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, drzz@yandex.ru

УДК 356.232: 929.5 (571.55)

Судьбы забайкальских разведчиков

Галина Васильевна Мясникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

chita131957@yandex.ru

В год 80-летия Великой Победы автор обращается к краеведческой теме – биографии забайкальцев на фронтах Великой Отечественной войны. Его внимание обращено к изучению и систематизации военного прошлого земляков – разведчиков, полных кавалеров ордена Славы. На примере отдельных судеб можно проследить боевой путь и подвиги молодых солдат, раскрыть особенности службы фронтовых разведчиков. Из множества защитников Родины автор прикоснулся к судьбам пятерых забайкальцев-разведчиков. Их боевой путь – путь Героев, путь Защитников Отечества по заслугам оценен государством и обществом. Биографии забайкальцев, участников Великой Отечественной войны, восстановлены в значительной степени, однако и сейчас остаются незаполненные страницы, требующие внимания исследователей. На их заполнение направлена работа научно-учебной лаборатории Забайкальского государственного университета, сотрудники которой сейчас работают над томом «Забайкальцы – Герои Отечества».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронтовая разведка, разведчик, рейд в тыл врага, орден Славы, взять «языка», забайкальцы, Читинская область, краеведение

The Fate of the Transbaikalian Scouts

Galina V. Maysnikova

Transbaikalian State University, Chita, Russia

chita131957@yandex.ru

In the year of the 80th anniversary of the Great Victory, the author turns to the local history topic – biographies of Transbaikalians on the fronts of the Great Patriotic War. His attention is drawn to the study and systematization of the military past of fellow intelligence officers, full cavaliers of the Order of Glory. Using the example of individual destinies, it is possible to trace the military path and exploits of young soldiers, to reveal the features of the service of front-line intelligence officers. Out of the many defenders of the Motherland, the author touched upon the fates of five Transbaikalian intelligence officers. Their path of battle is the path of Heroes, the path of Defenders of the Fatherland is deservedly appreciated by the state and society. The biographies of the Transbaikalians, participants in the Great Patriotic War, have been largely restored today, but even now, there are blank pages that require the attention of researchers. The work of the scientific and educational laboratory of Transbaikalian State University, whose staff is currently working on the volume "Transbaikalians are Heroes of the Fatherland", is aimed at filling them.

Keywords: The Great Patriotic War, Front-Line Intelligence, Scout, Raid Behind Enemy Lines, Order of Glory, Take the "Language", Transbaikalia, Chita Region, Local History

2025 год – год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне и год защитника Отечества. К сожалению, приходится говорить о том, что этот праздник во многих регионах будет проходить без его основных участников. Именно они, пехота и танкисты, лётчики и артиллеристы, связисты и моряки, а также представители других родов войск сражались, умирали и добились Победы. Они защитили свою Родину не столько для себя, а прежде всего для тех, кто придет после них, для своих детей, внуков и правнуков.

Что остается нам, людям, родившимся после этой трагедии XX в. ...Жить, строить, творить и при этом изучать события Великой Отечественной войны, бороться с её фальсификацией и помнить... Это наш священный долг – помнить о тех, кто не вернулся с фронта,

о тех, кто ковал победу в тылу, о тех ветеранах, которые не смогли выиграть решающий бой со своим возрастом и со смертью...

Но они живы, пока о них помнят, пока горит вечный огонь у могилы неизвестного солдата в Москве и на мемориалах Победы в больших и малых городах нашей необъятной родины... пока в полузаброшенных деревнях бережно ухаживают за памятниками и обелисками своих односельчан... Поэтому по прошествии 80 лет с майского 1945 г. люди собирают документы, оформляют школьные музейные комнаты, реставрируют памятники, посвященные участникам такой далекой и одновременно близкой по своей значимости войне.

За прошедшие десятилетия знания о Великой Отечественной войне формировались всеми возможными средствами (научные изы-

скания, оформленные в монографии, мемуарная и художественная литература [3; 10], кинофильмы, спектакли, песни, способствовавшие воспитанию гордости за народ-победитель, уважения и подражания людям, которые не по званию, а по поступкам являлись героями).

Всем забайкальцам посчастливилось познакомиться с творчеством С. Зарубина [4–6], благодаря ему, узнать много интересных фактов о военном подвиге своих земляков – разведчике Сергее Ивановиче Матыжонке и снайпере Семене Даниловиче Номоконове. Благодаря этим произведениям, сотни подростков выбирали для себя путь защитника Отечества.

Читинская область (ныне Забайкальский край) может гордиться своими фронтовиками, которые заслужили славу на фронте и в мирной жизни, остались с земляками в списках на стенах мемориалов, памятниках в камне и бронзе, могильных холмиках, в названиях улиц.

Среди наших земляков были представители всех родов войск, они прошли от Москвы до Берлина, разгромили милитаристскую Японию. Однако, на наш взгляд, среди множества военных профессий есть та, которая овеяна духом опасности и приключения, авантюризма и жесткой дисциплины. Это «глаза» и «уши» войны – разведка...

Разведка – это сложный инструмент, имеющий в обобщенном виде свою структуру: фронтовая разведка, оперативная разведка, стратегическая разведка.

Объектом данного исследования стала фронтовая разведка, а если точнее – судьбы забайкальских фронтовых разведчиков. Среди них: Корчагин Алексей Ефимович (1914–1987), Ланцухай Михаил Николаевич (1915–2003), Панов Геннадий Назарович (1923–1945), Петрукович Алексей Степанович (1920–?), Ясиницкий Александр Ильич (1922–1962) [1, с. 435; 2, с. 427; 7, с. 127; 8, с. 184; 9, с. 411].

Чем обоснован данный выбор именно этих земляков? Помимо того, что они разведчики, они – полные кавалеры ордена Славы. Орденом Славы (учрежден 8 ноября 1943 г.) награждался рядовой и младший командный состав Красной Армии за героические поступки, совершенные в бою. Он вручался за отвагу, героизм и мужество, проявленные в ходе войны, статут ордена содержал 32 подвига, за которые осуществлялось награждение. *Кавалеры всех трёх степеней* удостоивались права на присвоение воинского звания [11].

Фронтовые разведчики в годы Великой Отечественной войны выполняли опасные задачи на передовой. Они добывали сведения о противнике: его вооружении, расположении и

намерениях, захватывали «языков» в ближнем тылу; выявляли огневые точки противника. Работа разведчика требовала хладнокровия, знания своего оружия и навыков рукопашного боя.

Именно этим приходилось заниматься нашим землякам-разведчикам на фронтах Великой Отечественной войны, именно об их вкладе в победу будет наше исследование.

Из рассматриваемых нами фронтовых разведчиков только двое (А. Е. Корчагин и М. Н. Ланцухай) имели за плечами опыт мирной жизни. А. Корчагин работал путейцем Шилкинской дистанции пути Забайкальской железной дороги, а М. Ланцухай, окончив семь классов, работал в городской больнице Читы заместителем главного врача по хозяйственной части. Трое других на начало 1941 г. имели относительно небольшой трудовой стаж: А. Ясиницкий вырос в крестьянской семье, после окончания пятого класса школы работал слесарем, затем электросварщиком; А. Петрукович работал слесарем паровозного депо Зилово.

Общим для этих людей, выросших на забайкальской земле, было то, что все они были призваны на фронт в суровый 1942 г., приняли активное участие в битвах, которые назовут коренным переломом, гнали захватчиков и уничтожили их в Берлине. Исходя из специфики своей службы, они были впереди траншей и окопов, первыми форсировали водные препятствия и врываются в населенные пункты. А главное – они смогли добывать ценные сведения, без которых успех наступления был бы невозможен.

Свое повествование мы начнем с **Геннадия Назаровича Панова**, самого молодого среди полных кавалеров ордена Славы, погибшего в 1945 г. На фронте с марта 1942 г., разведчик 391-й отдельной разведывательной роты 323-й стрелковой дивизии. Воевал в составе войск Западного, 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Участник освобождения Белоруссии, Польши.

Опираясь на материалы наградных листов [12], можно проследить должностной путь Г. Н. Панова от красноармейца до ефрейтора и старшины; его идеологическое становление от беспартийного до вступления в комсомол и членство в ВКП(б). Можно говорить о том, что уже в сентябре 1942 г. под Сталинградом он получил тяжелое ранение, а в 1943 г. и дважды в 1945 г. – легкие ранения, а это значит, что с поля боя не ушел.

За свои 22 года жизни и 3 года боев Геннадий Назарович Панов был представлен к наградам и награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды, орденом Отече-

ственной войны II степени, он полный кавалер ордена Славы.

Среди его подвигов особо выделяются следующие: в разведывательной операции по захвату пленного в ночь на 22 апреля 1944 г., протянув связь к проволочному заграждению противника, выбрал удобную позицию для наблюдения и, заметив большое движение немцев в районе действия, своевременно сообщил об этом командиру. Несмотря на огонь артиллерии противника, Панов оставался на посту до конца выполнения задачи.

В ночь на 31 мая 1944 г. Г. Н. Панов действовал в группе захвата. Сутки пролежал в болоте у проволоки противника и по сигналу командира группы одним из первых бросился на автоматчиков боевого охранения противника, в рукопашной схватке уничтожил двух гитлеровцев. Вместе с красноармейцем Кондратьевым вынес с поля боя смертельно раненого командира РП лейтенанта Паутабаева.

Было у фронтовых разведчиков непреложное правило: не оставлять фашистам своих раненых и убитых, Кондратьев и Панов своими действиями подтвердили это. А в феврале 1945 г. Г. Н. Панов при преследовании противника на самоходках в районе г. Гроссен, будучи раненым, продолжал вести бой, уничтожив 9 солдат противника. Также во время нападения немцев на лейтенанта Попова спас жизнь офицера.

Среди ратных подвигов Г. Н. Панова в наступательных боях с 24 июня 1944 г. по 1 июля 1944 г. отмечается, что, пробравшись в тыл врага, обнаружил засаду, о чем своевременно донес командованию, благодаря чему засада была уничтожена, им было убито 3 немца и захвачен 1 пленный. Принимая участие в уничтожении обоза, разведчик Панов захватил одну повозку с лошадью, радиостанцию и двух власовцев; в этот же период боем была уничтожена группа противника, лично Панов уничтожил 5 немцев и в плен взял 1 немца; при разведке боем пробрался в тыл к противнику и уничтожил пулеметный расчет.

3 августа 1944 г. ефрейтор Панов одним из первых форсировал р. Нарева. Противник вел сильный минометно-пулеметный огонь, но, несмотря на это, прикрываясь за глыбами от разрушенного моста, Панов достиг западного берега реки и вступил в бой с немцами. Метким огнем из автомата он уничтожил пулеметный расчет противника, тем самым дал возможность всей группе разведчиков форсировать реку без потерь. Гарнизон немцев, охранявших переправу, бежал в деревню Бокино.

Панов, будучи в наблюдении в районе отметки 156,3, первым обнаружил скрытное передвижение танков противника на левый фланг и участвовал в отражении контратаки немцев, пытавшихся захватить высоту, уничтожил 7 солдат противника.

Особо отмечается, что в районе Киянко Панов, преследуя противника, напал на группу из 12 немцев и в неравном бою уничтожил 7 немцев, а остальных 5 взял в плен.

Участвуя рейде в 45 км в тыл противника (в район г. Шидловец), Панов с группой разведчиков (5 человек) первым ворвался в город, где уничтожил 15 немцев и захватил в плен 35 чел. В районе г. Укрэнштадт 29 января 1945 г. первым ворвался в город, где захватил 25 пленных и уничтожил 15 немецких солдат и офицеров с их лошадьми.

Командование отмечало мужество, храбрость и героизм разведчика Геннадия Николаевича Панова.

Разведчик 38-й отдельной гвардейской разведывательной роты гвардии младший сержант Алексей Ефимович Корчагин прибыл на фронт после окончания школы младшего командного состава. Участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии.

Представляя этого разведчика к правительственным наградам [12], командование отмечало результативность, храбрость и четкость действий А. Е. Корчагина и его товарищей. Фронтовые разведчики Корчагина чаще всего осуществляли ночные действия по сбору материала, захвату «языка». Несмотря на более чем тесный контакт с противником, рукопашный бой, заслугой гвардии младшего сержанта Корчагина была сохранность своих бойцов.

Со 2 по 5 ноября 1943 г. тыловая группа Корчагина в количестве 6 чел. скрытно, бесшумно пробралась через оборону противника и удалилась вглубь до 12 км с целью разведать замыслы противника. В ходе разведки установили: позиции двух артиллерийских батарей, трёх минометных батарей; установили промежуточные рубежи противника и его инженерную систему сооружения; наличие тактических резервов противника, убили двух фрицев и захватили ценные документы о противнике.

В ночь на 29 февраля 1944 г. гвардии младший сержант Корчагин действовал в группе захвата. Одним из первых подобрался к траншее противника и метким броском гранаты уничтожил огневую точку с двумя фашистами. После взрыва Корчагин бросился вперед и в рукопашной схватке в траншее убил одного фашиста и захватил языка. Получив ценные сведения о противнике, группа стала делать отход, но по

ним был открыт огонь из орудий противника. Разведчики без потерь вернулись в свое расположение с выполненной задачей командования дивизии.

В ночь на 7 июля 1944 г. А. Е. Корчагин, добравшись на расстояние 20 м к переднему краю противника, бросился одним из первых в траншеи врага, на ходу бросил гранату в трёх противников. Ворвавшись в траншеи врага, заметил в правой стороне фашиста, быстрым броском настиг его и повалил на землю. Несмотря на сопротивление немца, Корчагин смял его и вытащил из траншеи. Группе удалось избежать окружения, Корчагин убил еще двух фашистов и при отходе бросил пару гранат в левую огневую точку, откуда враг открыл огонь из пулемёта. Огневая точка была разбита. За одну ночь Корчагин разгромил огневую точку, убил 5 фашистов и захватил одного в плен, а также ценные сведения и документы.

В 1945 г. старший сержант Корчагин был демобилизован. Проживал в посёлке Первомайский Шилкинского района Читинской области. Был бригадиром горно-обогатительного комбината в посёлке Первомайский.

Имя **Михаила Николаевича Ланцухай** известно жителям Читы и Забайкальского края. На здании бывшего детского дома, воспитанником которого он являлся, расположена мемориальная доска, а в музее нынешней «Гимназии № 21» рядом с материалами о другом воспитаннике Герое Советского Союза В. Н. Подгорбунском выставлены документы и о разведчике М. Н. Ланцухае.

Представляя его к наградам, обязательно отмечались смелость и решительность, личная отвага, бесстрашие разведчика [12]. Он был примером для своих бойцов и иначе быть не могло, ведь к 1945 г. М. Н. Ланцухай помощник командира взвода и парторг взвода пешей разведки полка. На него равнялись, уважали, верили в его опыт и знания.

О его первых подвигах мы узнаем из наградного листа. Красноармеец Ланцухай принимал участие в ночном поиске в ночь с 16 на 17 декабря 1943 г. По приближению к траншеям противника разведгруппа была обнаружена, местность сильно освещалась ракетами и усиленно простреливалась из пулеметов. По команде ст. сержанта Воробьева М. Н. Ланцухай бросился в траншею, гранатой уничтожил ручной пулемет противника, стрелявший в упор по разведчикам, первым обнаружил в траншее раненого немца и вытащил его из траншеи. Отходя, разведгруппа трижды подвергалась контратакам немцев, но каждый раз попытка врага отбивалась с большими для него поте-

рями. Несмотря на ураганный пулеметный и минометный огонь противника, М. Н. Ланцухай доставил захваченного немца до своих траншей. Всего на счету М. Н. Ланцухай 24 убитых немецких солдат. За данное задание разведчик М. Н. Ланцухай был награжден орденом Красной Звезды (24 января 1944 г.).

Следующее задание было не менее сложным и драматичным, однако группа сержанта командира отделения пешей разведки Ланцухай благополучно вернулась в свое расположение, доставив ценные документы.

В ночь на 23 января 1944 г. группа разведки, перейдя передний край противника, углубилась в тыл к нему. Во время завязавшейся схватки с немецкими патрулями атакующая группа не заметила приближающихся немецких солдат, которые шли на помощь своим патрулям. М. Н. Ланцухай первым обнаружил вражеских солдат и открыл по ним огонь из автомата, уничтожив при этом до десяти немецких солдат. Во время отхода группы в свое расположение немцы пытались окружить ее. В это время М. Н. Ланцухай прикрывал отход группы, вел огонь из автомата, не дав возможности противнику осуществить свой замысел. За проявленные мужество и героизм разведчик был награжден орденом Славы II степени (9 августа 1944 г.).

В период наступательных боев с 17 по 28 июля 1944 г. М. Н. Ланцухай трижды ходил в тыл противника. В ночь с 20 на 21 июля 1944 г. вместе с взводом проник в тыл к противнику и, ворвавшись в населенный пункт, содействовал захвату пленного шофера. Немцы пытались окружить группу разведчиков. Сержант Ланцухай во главе своего отделения прикрывал отход группы с захваченным пленным, уничтожив при этом более 15 немецких солдат и офицеров.

К победному 1945 г. М. Н. Ланцухай на своем счету имел 13 «языков», шесть раз ходил в тыл врага и на отлично выполнял все задания. При штурме г. Кракова с группой бойцов сержант Ланцухай перерезал шоссе, чем воспрепятствовал отходу противника. При попытке противника прорваться из окружения нанес ему большой урон в живой силе, подбил одну автомашину. В этом бою уничтожил двух немцев и захватил трофейное оружие.

Особо отличился 29 января 1945 г. перед началом форсирования реки Одер. Во главе группы разведчиков под ураганным огнем противника М. Н. Ланцухай прополз на левый берег реки Одер и внезапно набросился на пулемет врага. Уничтожил при этом 2 пулемета, истребил гранатами 17 гитлеровских солдат и захватил 3 исправных пулемета, огнем которых

расстреливал в упор пехоту врага, пытавшуюся контратаковать отважных разведчиков. В момент этой схватки было уничтожено более 40 немецких солдат и захвачен клочок берега, послужившего плацдармом для форсирования реки Одер всем полком прямо с марша.

Разведчик Михаил Николаевич Ланцухай полный кавалер ордена Славы, награжден орденом Красной Звезды (3), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945», орденом Отечественной войны I степени.

В 1945 г. старшина Ланцухай был демобилизован. Жил в городе Ревда Свердловской области. С 1946 г. работал мастером, затем начальником шурупного цеха на метизно-металлургическом заводе, с 1973 г. начальником охраны в ВОХР завода по обработке цветных металлов. Скончался 5 июня 2003 г., похоронен на городском кладбище г. Ревда, рядом с Мемориалом.

Наш земляк, **Алексей Степанович Петрукович**, прошёл путь от красноармейца до старшины командира взвода пешей разведки, член ВЛКСМ с 1943 г. Был тяжело ранен на Днестре 25 октября 1943 г.

За боевые подвиги награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени, орденами Славы I, II, III степени, медалью «За взятие Берлина» [12].

Первую награду орден Отечественной войны II степени получил 5 октября 1943 г. На подступах к совхозу «Ильичевка» в групповой разведке А. С. Петрукович поймал фашистского снайпера, охотившегося за нашим офицером, который вел свое подразделение в стремительную атаку на этом участке.

В боях за населенный пункт Лощино с группой разведчиков первым ворвался в село, в рукопашной схватке уничтожил четырех немцев и одного взял в плен и удерживал занятые рубежи до подхода стрелковых подразделений. С подходом подкрепления А. С. Петрукович все время находился впереди боевых порядков стрелков и своим личным примером, словом и делом воодушевлял бойцов на еще более стремительное движение вперед. В уличных боях уничтожил двух вражеских мотоциклистов, одного автоматчика, гранатой подавил огонь фашистского станкового пулемета. В хуторе Ивановский взял немецкого шпиона с рацией, засекавшего место передвижения наших войск.

Первая половина апреля 1944 г. характеризовалась наступательными операциями, в ходе которых гвардии сержант командир взвода пешей разведки А. С. Петрукович лично об-

наружил месторасположение трех вражеских станковых пулеметов, которые с весьма выгодных позиций обстреливали подступы к населенному пункту и, пренебрегая опасностью, с находчивостью и смелостью пробравшись к ним, гранатами уничтожил их. Стрелки с относительно слабым сопротивлением и буквально без потерь выбили противника из населенного пункта.

Взвод под командованием А. С. Петруковича 7 апреля 1944 г. в составе стрелкового батальона решительно отразил контратаку двух усиленных батальонов вражеской пехоты и своими смелыми и решительными действиями уничтожил до 40 солдат и офицеров противника, 11 немецких солдат взял в плен, из которых лично А. С. Петрукович взял семерых.

9 апреля 1944 г. А. С. Петрукович с двумя разведчиками, презирая опасность, первым ворвался в населенный пункт Петровский и огнём из автомата истребил до 30 немецких солдат и захватил две груженные вражеские автомашины.

10 апреля 1944 г. во время ведения разведки в г. Одесса А. С. Петрукович с группой разведчиков взял в плен 11 немецких солдат и 2 штабных офицеров противника с легковой автомашиной и истребил расчет двух вражеских орудий. В боях за взятие вражеского аэродрома в г. Одесса лично А. С. Петрукович в упор расстрелял двух офицеров и четырёх солдат противника.

В ходе летней операции 1944 г. в группе с одним разведчиком на самоходной пушке А. С. Петрукович ворвался первым в населенный пункт Ясенец, где находились немцы. Проскочив в тыл противнику, А. С. Петрукович огнем из автомата уничтожил четырех гитлеровцев и одного взял в плен, захватив при этом один немецкий пулемет. В завязавшемся бою А. С. Петрукович забросал противотанковыми гранатами разведывательный бронетранспортер, бронемашину гитлеровцев, заставив последних скрыться. Он уничтожил при этом из числа десанта двух гитлеровцев. За время боевых действий старший группы А. С. Петрукович выполнил боевую задачу на отлично и доставил в штаб ценные сведения.

Во время разведки натолкнулись на группу противника, с которой завязался неравный бой, в ходе которого разведгруппой было уничтожено 24 солдата и офицера противника, взято в плен 50 гитлеровцев, захвачено 6 пулеметов и 18 винтовок. В ходе столкновения с группой солдат противника А. С. Петрукович был ранен, но бой не прекращался, пока группа не была уничтожена.

В ночь на 17 февраля 1945 г. возглавлял группу захвата и блокировки вражеского боевого охранения, в котором насчитывалось до 20 чел., с наличием трех пулеметов и одной пушки. До момента выполнения задачи А. С. Петрукович как командир взвода обдуманно каждому участнику поставил задачу. Лично сам, увлекая участников, скрытно привел к месту сосредоточения, а затем, идя впереди, они ринулись на домик и, ворвавшись в него группой, уничтожили 6 солдат, 7 взяли в плен, 5 ранили, захватили два пулемета и одну пушку. Когда противник пытался вернуть прежний рубеж при поддержке двух самоходок, до двух рот пехоты, А. С. Петрукович также хорошо организовал отражение атаки и непосредственно принимал личное участие.

После окончания Великой Отечественной войны работал в г. Изюм Харьковской области.

Ясиницкий Александр Ильич, разведчик 326-й отдельной разведывательной роты 246-й стрелковой дивизии, сапёр-разведчик 415-го отдельного саперного батальона 246-й стрелковой дивизии. Участвовал в боевых действиях на территории Украины, Польши, Германии. При изучении материалов биографии разведчика перед нами сформировался образ богатыря, которому под силу физические нагрузки, его боевой дух соотносится с представлениями о высоком звании коммуниста (кандидат ВКП(б) с марта 1944 г.).

Участвуя в Орловской битве со 2 июля по 5 августа 1943 г., красноармеец Ясиницкий успешно отразил три атаки противника. Вместе с автоматчиками в ходе контратаки уничтожили 40 немцев и 36 захватили в плен. 14 июля 1943 г., наступая на оборону противника, А. И. Ясиницкий с двумя автоматчиками, вырвавшись вперед, перебил расчет 47-мм пушки и исправную притащил на свою сторону. 5 августа 1943 г. при наступлении на г. Орел был ранен. За этот подвиг А. И. Ясиницкий был награжден Орденом Славы III степени (31 марта 1944 г.) [12].

Неоднократно красноармеец Ясиницкий действовал в составе разведгруппы по выполнению заданий по разведке тыла противника. В феврале 1944 г., идя впереди наступающих полков дивизии, разведал наличие противника, информируя об этом двигавшиеся 908-ю стрелковую и части 140 с. д.

В марте 1944 г. в лесу возле с. Свинюха в бою с «бандеровцами» огнём из автомата убил двух бандеровцев. Действуя в составе разведгруппы старшины Лебединского, в группе захвата, выполнил задание по захвату контрольного пленного. Будучи в засаде, подпустив головной

дозор двигавшейся колонны немцев на 5–8 м, кинулся на немцев с криком «руки вверх». Противник оказал сопротивление. А. И. Ясиницкий из автомата ранил 2-й номер пулеметчика, захватил его в плен и вывез на свою сторону. Группа потерь не имела. За эти действия и результаты разведчик был награжден орденом Славы II степени (14 мая 1944 г.).

Красноармеец Ясиницкий с 24 марта по 7 апреля 1944 г. выполнил задание по разведке тыла противника в составе разведгруппы старшины Лебединского. В гражданской одежде прорвался в Злочев, разведал оборону и силу гарнизона. Разведал подходы и охрану моста на шоссе в районе Кенку, подготовил мост к взрыву.

Несмотря на тяжелые условия перехода через линию фронта, А. И. Ясиницкий дважды переходил оборону противника с разведдоселениями, доставляя данные в срок. За проявленные исключительную смелость, дерзость и мужество награжден орденом Красной Звезды (7 апреля 1945 г.).

Поражают своим мужеством, отвагой действия А. И. Ясиницкого в качестве разведчика-сапера. Действуя впереди боевых порядков, он проделал проход в минном поле противника под сильным огнем и пропустил через него два танка, лишь сняв 12 мин. 27 марта 1945 г. днем при минировании танкоопасного направления (под сильным огнем противника) поднес к месту установки 30 мин. Действуя в составе группы разведчиков, в ночь на 28 марта 1945 г. обнаружил проволочное препятствие и минное поле. Лично снял 18 противопехотных мин противника.

Смелый, дерзкий сапер-разведчик неоднократно ходил в разведку по захвату контрольного пленного. 6 февраля 1944 г. им был взят контрольный пленный. За что он был награжден Орденом Славы III степени. За время апрель-май 1944 г. в районе Залужце трижды ходил в тыл противника и приносил ценные данные о противнике, за что он был награжден орденом Славы II степени. За время наступательных боев январь – май 1945 г. двигался в составе группы сапер-разведчиков, обеспечивая в инженерном направлении маршрут дивизии.

22 апреля 1945 г., действуя в составе группы (захват моста через р. Опава в п. Троппау), первым перебрался вброд на берег, занимаемый противником, и, показав пример мужества и отваги, увлек за собой всю группу. Этим способствовал быстрому захвату моста и дальнейшему продвижению частей дивизии без задержек.

За боевые заслуги А. И. Ясиницкий награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945», он полный кавалер ордена Славы.

В 1946 г. А. И. Ясиницкий ушел в запас. Жил на станции Шилка, работал на Забайкальской железной дороге слесарем вагонного за-

вода. В честь Александра Ильича назван один из цехов этого вагонного завода. Умер 13 июля 1962 г., похоронен в Шилке.

Память... из множества защитников родины мы прикоснулись к судьбам пятерых забайкальцев-разведчиков. Их боевой путь – путь героев, защитников отечества по заслугам оценен государством и обществом.

Список литературы

1. Ведмидь А. П., Лыцусь А. И. Петрукович А. С. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 435.
2. Ведмидь А. П. Ясиницкий А. И. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 4. С – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 427.
3. Драбкин А. Фронтовые разведчики. «Я ходил за линию фронта». М.: Яуза: Эксмо, 2014. 444 с.
4. Зарубин С. М. Тропой разведчика. М.: Молодая гвардия, 1962. 176 с.
5. Зарубин С. М. Трубка снайпера. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 206 с.
6. Зарубин С. М. Путь разведчика. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. 176 с.
7. Лыцусь А. И. Корчагин А. Е. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 127.
8. Лыцусь А. И. Ланцухай М. Н. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 184.
9. Лыцусь А. И. Панов Г. Н. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 411.
10. Казакевич Э. Г. Звезда. М.: Дет. лит., 1976. 191 с.
11. Орден славы. Текст: электронный // РУВИКИ: новая рос. интернет-энцикл. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Орден_Славы (дата обращения: 09.02.2025).
12. Память народа: подлинные документы о Второй мировой войне. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 09.02.2025). Текст: электронный.

Сведения об авторе

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, chita131957@yandex.ru

Information about the author

Myasnikova G. V. – Senior Lecturer of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University of the Humanities and Pedagogical Institute, Chita, Russia, chita131957@yandex.ru

УДК 929.5:355.224.6(470+571.55)

М. Г. Ефремов, М. Ф. Лукин, Б. Ж. Жабон – Герои Российской Федерации (в рамках проекта «Энциклопедия Забайкалья»)

Юлия Николаевна Ланцова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
astra205@yandex.ru

В статье на основе имеющихся научных, научно-популярных и справочно-энциклопедических публикаций характеризуется боевой путь Героев Российской Федерации: Михаила Григорьевича Ефремова, Михаила Федоровича Лукина и Бадмы Жаповича Жабона, получивших это звание уже после 1992 г., так как звание Героя Советского Союза присваивалось до 1991 г. Появление данного исследования предопределено возрождением большого просветительского проекта «Энциклопедия Забайкалья». В настоящее время к изданию готовится том, посвященный забайкальцам – Героям Отечества. М. Г. Ефремов и М. Ф. Лукин не являются уроженцами Забайкалья, но в предвоенные и военные годы являлись командующим и заместителем командующего войсками Забайкальского военного округа (ЗабВО). Б. Ж. Жабон, забайкалец, уроженец с. Алханай, воевал в составе 250-й воздушно-десантной бригады на Центральном

фронте. Позже – в партизанском отряде № 1 им. К. Е. Ворошилова. Участвовал в боевых операциях в Брянской, Сумской, Орловской и Курской областях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, забайкальцы, Забайкальский военный округ (ЗабВО), Герой Советского Союза, Герой Российской Федерации, «Энциклопедия Забайкалья», М. Г. Ефремов, М. Ф. Лукин, Б. Ж. Жабон

M. G. Efremov, M. F. Lukin, B. Jh. Jabon – Heroes of the Russian Federation (as Part of the Project “Encyclopedia of Transbaikalia”)

Yuliya N. Lantsova

Transbaikal State University, Chita, Russia

astra205@yandex.ru

The article, based on the available scientific, popular science and reference-encyclopedia publications, describes the combat path of the Heroes of the Russian Federation: Mikhail Grigoryevich Efremov, Mikhail Fedorovich Lukin and Badma Zhapovich Jabon, who received this title after 1992, since the title Hero of the Soviet Union was awarded until 1991. The appearance of this study is predetermined by the revival of the large educational project “Encyclopedia of Transbaikalia”. A volume dedicated to the Transbaikalian Heroes of the Fatherland is currently being prepared. M. G. Efremov and M. F. Lukin are not natives of Transbaikalia, but in the pre-war and war years they were commanders of the deputy commander of the Transbaikalian Military District (TMD). B. Jh. Zhabon, a Zabaikalian, a native of the village of Alkhanai, fought as part of the 250th Airborne Brigade on the Central Front. Later, he joined the K. E. Voroshilov partisan detachment No. 1. Participated in combat operations in Bryansk, Sumy, Orel and Kursk regions.

Keywords: Great Patriotic War, Transbaikalians, Transbaikalian Military District (TMD), Hero of the Soviet Union, Hero of the Russian Federation, “Encyclopedia of Transbaikalia”, M. G. Efremov, M. F. Lukin, B. J. Jabon

В 2025 г. на базе Забайкальского государственного университета возобновлена работа над «Энциклопедией Забайкалья», в рамках деятельности специально созданной научно-учебной лаборатории «Энциклопедия Забайкалья». Заключен договор с Правительством Забайкальского края по изданию тома, посвящённого воинам-забайкальцам.

В год Великой Победы совершенно закономерно, что издание посвящено событиям Великой Отечественной и Второй мировой войн, прежде всего Героям Советского Союза.

Работа над энциклопедиями – это очень сложный, кропотливый и ответственный труд. А энциклопедическая статья должна быть строго научной и при этом доступно изложенной и осветить важнейшие аспекты в очень сжатой форме. В рамках этой статьи (с опорой на энциклопедическую основу и различные информационные источники) приводятся биографические данные о трёх героях, связанных с Восточным Забайкальем. Однако, несмотря на то, что звания они получили за свои подвиги на фронтах Великой Отечественной войны, звания у них «Герои Российской Федерации».

Звание Героя Советского Союза – это высшая степень отличия за подвиги, как в период военных действий, так и в мирное время. Отмечались знаком отличия «Золотая Звезда» [14]. Всего к осени 1946 г. награждено 12 208 чел. [15].

С 20 марта 1992 г. заменено на «Героя Российской Федерации». Присваивается среди прочего тем, кто был когда-то представлен к званию Героя Советского Союза, но не получил его [10].

Звание Героя Российской Федерации было присвоено Михаилу Григорьевичу Ефремову (рис. 1), Михаилу Федоровичу Лукину (рис. 2) и Бадме Жаповичу Жабону (рис. 3).

Рис. 1. М. Г. Ефремов (1897–1942) [5]

Михаил Григорьевич Ефремов и Михаил Федорович Лукин не являются уроженцами Забайкалья, но в предвоенные и военные годы являлись командующим и заместителем командующего войсками Забайкальского военного округа.

Михаил Григорьевич Ефремов на защите нашего государства стоял с 1915 г. Начиная с прапорщика, а в 1940 г. – генерал-лейтенант. Был участником Первой мировой войны и Гражданской войны [5]. В предвоенные годы был командующим войсками разных округов, сначала Приволжского, затем Орловского, Северо-Кавказского, позже Закавказского. В рамках данного исследования особенно важным является то, что относительно короткое время (с января по апрель 1938 г.) он командовал Забайкальским военным округом [3; 9, с. 68], что представляет особый интерес в рамках работы над «Энциклопедией Забайкалья».

Рис. 2. М. Ф. Лукин (1892–1970) [12]

Боевой путь М. Г. Ефремова достаточно подробно описан на страницах справочных ресурсов, и уделять ему внимание на уровне подробного рассмотрения в данной статье не представляется целесообразным. Исследование в таком случае станет компилятивным и не более того. Однако остановиться на некоторых страницах его биографии, вероятно, стоит. С июля 1941 г. М. Г. Ефремов командовал 21-й армией, а в начале августа возглавил Центральный фронт. Это было очень сложное время, враг активно наступал на г. Гомель. Его сдерживали практически до конца августа.

Рис. 3. Б. Ж. Жабон (1919–1996) [7]

В сентябре 1941 г. М. Г. Ефремов назначен командующим 33-й армией Западного фронта, а в декабре того же года – апреле 1942 г. освобождал города Наро-Фоминск, Боровск и Верею в рамках наступления советских войск на запад [4].

В апреле 1942 г. в Смоленской области М. Г. Ефремов был тяжело ранен. Покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен к фашистским захватчикам. В документах на портале «Память народа» две даты смерти 18 (рис. 4). и 19 апреля 1942 г. (рис. 5).

За ратные подвиги на благо Отечества М. Г. Ефремов в разные годы был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, Красного Знамени, двумя орденами Красного Знамени Азербайджанской ССР, медалью «XX лет РККА», наградным оружием (шашкой) [3].

31 декабря 1996 г. М. Г. Ефремову было присвоено звание Героя Российской Федерации посмертно. В формулировке указывается: «За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» [18].

Второй герой нашей статьи – Михаил Федорович Лукин и вторая история о нём. Профессиональный военный. В армии с 1913 г., участвовал в Первой мировой войне, позже оказался в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии [12].

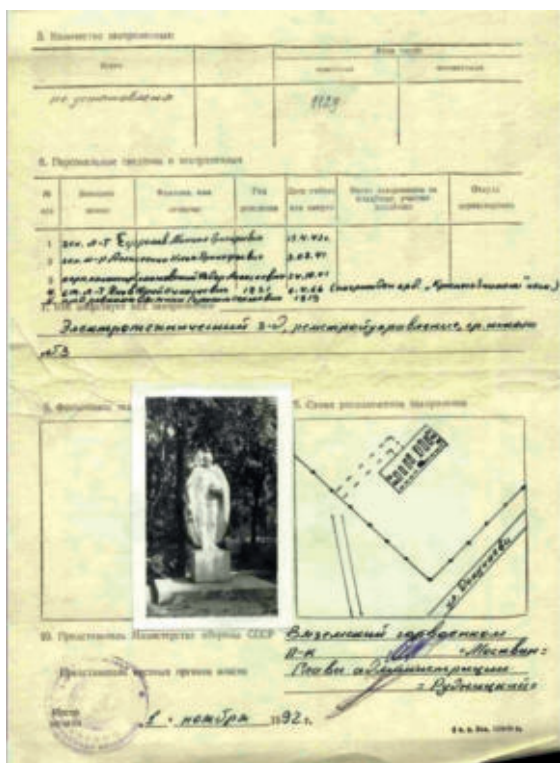

Рис. 4. Информация о захоронении [5]

С Забайкальем его жизнь связала в 1937 г., когда в декабре он был назначен сначала заместителем начальника штаба Забайкальского военного округа, а позже и начальником. Через два года, в декабре 1939 г., он становится заместителем командующего ЗаБВО. В июне 1940 г. стал командующим 16-й армии округа. Остался он в этой должности и после начала Великой Отечественной войны. Армия была в резерве ставки Верховного Главнокомандующего [1, с. 9; 13].

Командуя уже 20-й армией, М. Ф. Лукин принял участие в сражении за Смоленск в августе 1941 г. После окружения немецкими войсками ряда соединений Красной армии они под руководством М. Ф. Лукина попытались вырваться из «западни», командующий был ранен и попал в плен (рис. 6), лечился в ряде немецкий госпиталей, позже был в лагерях для военнопленных [12].

Все оставшееся время войны, вплоть до освобождения советскими войсками в апреле 1945 г., находился в концлагерях (рис. 7).

Очевидно, что длительное время пребывания в плену не могло не остаться вне внимания органов государственной безопасности СССР. После войны некоторое время М. Ф. Лукин проходит проверку ими. Для него все закончилось

благополучно, и он вернулся на службу (рис. 8). В 1946 г. ушёл в запас.

Михаил Федорович Лукин был награждён орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями.

Так же, как и в первой истории, М. Ф. Лукин получил звание Героя посмертно. Героем Российской Федерации он стал 1 октября 1993 г. [16].

Уроженец Восточного Забайкалья, земляк автора этих строк, Бадма Жабон успел получить звание Героя Российской Федерации при жизни, 20 июля 1996 г., однако саму награду вручали уже его сыновьям [17].

Бадма Жапович уроженец с. Алханай. Был в составе 250-й воздушно-десантной бригады на Центральном фронте с первых дней войны. Был ранен, находясь в госпитале, попал в окружение. Позже воевал в партизанском отряде № 1 им. К. Е. Ворошилова. Участвовал в более 300 боевых операциях в Брянской, Сумской, Орловской и Курской областях [2].

На портале «Память народа» размещён именной список отправляемых с Орловского пересыльного пункта в распоряжение командира Логачева, где фигурирует и имя рядового Жабона Бадмы Жаповича (рис. 9).

В 1942 г. Б. Ж. Жабон был награждён орденом «Знак Почета», в 1985 г. – Орденом Отечественной войны I степени [6; 7].

Имя Бадмы Жаповича Жабона и его вклад в Великую Победу очень чтят и на Родине, на территории Забайкальского края и в местах, где он воевал.

В 2010 г. на Аллее Героев в 2014 г. в п. Агинское открыт бюст в честь Бадмы Жабона, также о нём есть информация на территории мемориального комплекса «Партизанская поляна» в Брянске, в интерактивной экспозиции «Землянка командира партизанского отряда» в Военно-историческом музее «Дома офицеров Забайкальского края» [8].

Герои живы, пока жива Память о них. Осмелимся утверждать, что память о М. Ф. Ефремове, М. Ф. Лукине и Б. Ж. Жабоне не просто живёт в Забайкальском крае, она культивируется в среде молодежи, в среде широкой общественности. Об их Подвигах рассказывается на классных часах, в рамках лекций, о них снимаются фильмы. Убеждены, что, сохраняя историческую Память, борясь с историческими фальсификациями, восстанавливая историческую справедливость, можно сделать страну сильнее!

- 3 - 378468

22	✓	Генерал-лейтенант ВАСИЛЬЕВ Василий Петрович	✓	Командующий войсками 1 Краснознаменной армии	Умер 19.10.42г.
23		Генерал-лейтенант ГОРОДНИКОВ Александр Михайлович	✓	Командующий войсками 6 армии	Потреб 27.5.42г.
24	✓	Генерал-лейтенант КОРЖОВ Михаил Григорьевич	✓	Командующий войсками 33 армии	Потреб 19.4.42г.
25	✓	Генерал-лейтенант ЭКИН Алексей Иванович	✓	Командующий войсками 4 гвард. армии	Потреб 27.9.42г.
26	✓	Генерал-лейтенант КОРЖИН Павел Петрович	✓	Командующий войсками 47 армии	Потреб 16.9.43г.
27		Генерал-лейтенант ЯБОВ Владимир Николаевич	✓	Командующий войсками 51 отд. армии	Потреб 11.5.42г.
28		Генерал-лейтенант ЮДАСОВ Кузьма Петрович	✓	Командующий войсками 57 армии	Потреб 25.5.42г.
29		Генерал-лейтенант ШАКИЛОВ Петр Степанович	✓	Командующий войсками 3 армии	Потреб 23.12.41г.
30	✓	Генерал-лейтенант СНИГДОВ Петр Михайлович	✓	Командующий войсками 13 армии	Умер от ран 14.7.41г.
31		Генерал-лейтенант СМИРНОВ Андрей Кириллович	✓	Командующий войсками 18 армии	Потреб 8.10.41г.
32		Генерал-лейтенант ХАРИТОНОВ Федор Михайлович	✓	Командующий войсками 6 армии	Умер 28.5.43г.
33	✓	Генерал-лейтенант ХОМЕНКО Евгений Афанасьевич	✓	Командующий войсками 44 армии	Потреб в ноябре 1942г.
34		Герой Советского Союза Генерал- майор ПИЗЖОВ Александр Ильич	✓	Командующий войсками 5 танк. армии	Потреб 25.7.42г.

Рис. 5. Информация из документов, уточняющих потери [5]

444 Q. P. R. Name Суркин (Лудин) 85865
Familien- u. Vorname: Sürkin, Johann
geb. am: 6.11.92. in: Dorf d. Rybuckina Kreis: Pribukowia
Truppenteil: 1. Russ. Erkennungsmarke: 1.
Dienstgrad: Generalleutnant 1stb. Nr. 257
Lazarett: 1stb. Laz. 2/531 (mal) 1stb. Laz. 2/531 (mal) 1stb. Laz. 2/531 (mal)
Krankheit oder Verwundung: 1stb. Laz. 2/531 (mal) 1stb. Laz. 2/531 (mal) 1stb. Laz. 2/531 (mal)
Zugang: 1stb. Laz. 2/531 (mal) 1stb. Laz. 2/531 (mal) 1stb. Laz. 2/531 (mal)
Abgang: 1stb. Laz. 2/531 (mal) 1stb. Laz. 2/531 (mal) 1stb. Laz. 2/531 (mal)

Рис. 6. Документ, сданный по военнопленным [12]

СПИСОК
ОСВОБОЖДЕННЫХ ГЕНЕРАЛОВ.

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место рождения	Пол	Полное имя	Дата пленения
1.	Степанов Иван Степанович	1897	Москва	Русский	СССР	Москва
2.	Лукин Михаил Федорович	1898	Москва	Русский	СССР	Москва
3.	Добролюбов Иван Иванович	1891	Москва	Русский	СССР	Москва
4.	Борисов Михаил Иванович	1900	Курск	Русский	СССР	Москва
5.	Самойлов Александр Сергеевич	1902	Одесса	Русский	СССР	Москва
6.	Колесников Иван Михайлович	1900	Москва	Русский	СССР	Москва
7.	Колесников Иван Иванович	1901	Рязань	Русский	СССР	Москва
8.	Потанин Михаил Иванович	1902	Одесса	Русский	СССР	Москва
9.	Борисов Иван Александрович	1901	Восток	Русский	СССР	Москва
10.	Васильев Александр Иванович	1903	Москва	Русский	СССР	Москва
11.	Сергеев Иван Михайлович	1901	Ленинград	Русский	СССР	Москва
12.	Васильев Георгий Михайлович	1903	Одесса	Русский	СССР	Москва
13.	Васильев Иван Иванович	1907	Одесса	Русский	СССР	Москва
14.	Абрамов Иван Иванович	1908	Одесса	Русский	СССР	Москва
15.	Васильев Михаил Иванович	1901	Москва	Русский	СССР	Москва
16.	Васильев Иван Иванович	1907	Одесса	Русский	СССР	Москва
17.	Васильев Иван Иванович	1900	Москва	Русский	СССР	Москва
18.	Васильев Иван Иванович	1900	Москва	Русский	СССР	Москва
19.	Васильев Иван Иванович	1906	Одесса	Русский	СССР	Москва
20.	Васильев Иван Иванович	1906	Одесса	Русский	СССР	Москва
21.	Васильев Иван Иванович	1908	Одесса	Русский	СССР	Москва
22.	Васильев Иван Иванович	1907	Одесса	Русский	СССР	Москва
23.	Васильев Иван Иванович	1904	Одесса	Русский	СССР	Москва
24.	Васильев Иван Иванович	1901	Одесса	Русский	СССР	Москва

Рис. 7. Список освобожденных генералов [12]

Генерал-лейтенант ЛУКИН М.Ф. будучи командующим войсками 19 армии Западного фронта в октябре 1941 года в тяжёлых боях за Москву был тяжело ранен в правую руку и правую ногу и в таком состоянии был пленён противником.

В плену после этих ранений ампутированы правая нога и рука.

Из плена освобождён в мае 1945 года.

Приказом МВС № 0873 от 22.II.1946 г. по болезни уволен в отставку.

За участие в Великой Отечественной войне и полученные тяжёлые ранения в боях – достоин награждения орденом "Ленина".

Рис. 8. Описание подвига на портале «Память народа» [12]

Вспомогательная таблица

Имя, фамилия, отчество, дата рождения, место рождения, пол, воинское звание, дата пленения, место пленения, дата освобождения, место освобождения, примечания

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место рождения	Пол	Воинское звание	Дата пленения	Место пленения	Дата освобождения	Место освобождения	Примечания
1.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
2.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
3.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
4.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
5.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
6.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
7.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
8.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
9.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
10.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
11.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
12.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
13.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
14.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
15.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
16.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
17.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
18.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
19.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена
20.	Васильев Иван Иванович	1901	Москва	М	Полковник	1941	Одесса	1945	Одесса	Освобожден из плена

Рис. 9. Информация о перемещениях личного состава [7]

Список литературы

1. Баринов А. О. Восточный рубеж: краткий очерк истории Забайкальского фронта (15.09.1941–09.10.1945). Чита: Экспресс-изд-во, 2022. 120 с.
2. Баторова О. Б., Дашидондоков Ш.-Н. С. Жабон Бадма Жапович // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 2. А – З / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. С. 340.
3. Ветрогонова Т. В. Ефремов Михаил Григорьевич // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 2. А – З / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. С. 340.
4. Ефремов Михаил Григорьевич. Текст: электронный // Дорога памяти: [сайт]. URL: <https://1418museum.ru/heroes/69199625> (дата обращения: 30.04.2025).
5. Ефремов Михаил Григорьевич. Текст: электронный // Память народа: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Pn6y8> Жабон Бадма Жапович. Текст: электронный // Дорога памяти: [сайт]. URL: <https://1418museum.ru/heroes/69132274> (дата обращения: 30.04.2025).
6. Жабон Бадма Жапович. Текст: электронный // Память народа: [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1511909512/ (дата обращения: 30.04.2025).
7. Жабон Бадма Жапович. Текст: электронный // Герои страны: междунар. патриотический интернет-портал. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6799 (дата обращения: 30.04.2025).
8. Забайкальский военный округ: краткий военно-исторический очерк / под общ. ред. П. А. Белика, В. А. Гончарова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 511 с.
9. Об установлении звания Героя Российской Федерации и учреждении знака особого отличия – медали «Золотая Звезда»: Закон РФ: [от 20 марта 1992 г. № 2553-1] // Гарант. Информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/183986> (дата обращения: 05.05.2025). Текст: электронный.
10. Лукин Михаил Федорович. Текст: электронный // Дорога памяти: [сайт]. URL: <https://1418museum.ru/heroes/70997750> (дата обращения: 30.04.2025).
11. Лукин Михаил Федорович. Текст: электронный // Память народа: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Pn6yh>
12. Лукин Михаил Федорович. Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=7377> (дата обращения: 30.04.2025).
13. Об установлении высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза: Постановление Центрального исполнительного комитета от 16 апреля 1934 г. Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов. Российское историческое общество. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/353166#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 30.04.2025).
14. Справка о количестве награждений орденами и медалями СССР за время войны. Текст: электронный // Государственный архив РФ. URL: <https://statearchive.ru/610> (дата обращения: 30.04.2025).
15. О присвоении звания Героя Российской Федерации активным участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: указ Президента Российской Федерации: [от 1 октября 1993 г. № 1553]. Текст: электронный // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4493> (дата обращения: 30.04.2025).
16. О присвоении звания Героя Российской Федерации Жабону Б. Ж.: указ Президента Российской Федерации: [от 20 июля 1996 г. № 1071]. Текст: электронный // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9755> (дата обращения: 30.04.2025).
17. О награждении государственными наградами Российской Федерации активных участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: указ Президента Российской Федерации: [от 31 декабря 1996 г. № 1792]. Текст: электронный // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10452> (дата обращения: 30.04.2025).

Сведения об авторе

Ланцова Ю. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, историко-филологический факультет, Гуманитарно-педагогический институт, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, astra205@yandex.ru

Information about the author

Yuliya N. Lantsova – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology of the Humanitarian and Pedagogical Institute, Transbaikal State University, Chita, Russia, astra205@yandex.ru

УДК 625.1(571.1/.5)

Проблемы проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали (по материалам Всесоюзной научно-практической конференции 1975 года)

Ольга Сергеевна Мурлина

Забайкальский центр научно-технической информации и библиотек
Забайкальской железной дороги, г. Чита, Россия

olga.murlina@yandex.ru

В статье анализируются материалы первой Всесоюзной научно-практической конференции по вопросам проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали. На их основе выявлен круг проблем, обсуждавшихся в рамках работы мероприятия. Речь шла об устранении допущенных недостатков на начальном этапе строительства БАМа и предотвращении их в дальнейшем, о целесообразности использования новых устройств в условиях мерзлотного грунта, наледей и прочем, а также о вопросах своевременного утверждения нормативных документов для координации действий между организациями и ведомствами. Отмечается, что участники конференции пришли к заключению о недостаточной изученности зоны БАМа на тот момент. Центральное место в резолюции конференции заняли рекомендации по разработке обширной программы научных исследований, охватывавших проблемы геологии, биологии, географии и пр. Участники дискуссий были едины в понимании того, что в традиционных конструкциях, в традиционных решениях БАМ не построить. Решения Всесоюзной научно-практической конференции 1975 г. по БАМу стали открытой книгой для проектировщиков, строителей и эксплуатационников.

Ключевые слова: конференция, Байкало-Амурская магистраль, инженерно-геологические и климатические условия, секция искусственных сооружений, секция изысканий и земляного полотна, искусственные сооружения

Problem of Design and Construction of Baikal-Amur Mainline (on the Material of All-Union Scientific and Practical Conference of 1975 Year)

Olga S. Murlina

The Transbaikal Center for Scientific and Technical Information and Libraries
of the Transbaikal Railway, Chita, Russia,

olga.murlina@yandex.ru

The article analyzes the materials of the first All-Union scientific and practical conference on the design and construction of the Baikal-Amur Mainline. Based on them, the range of problems that were precipitated during the work of the event was identified. They discussed the elimination of deficiencies at the initial stage of the construction of the BAM and their prevention in the future, the expediency of using new devices in conditions of permafrost, ice, etc., as well as the timely approval of regulatory documents for coordination between organizations and departments. It is noted that the conference participants concluded that the BAM area was insufficiently studied at that time. The central place in the resolution of the conference was occupied by recommendations for the development of an extensive program of scientific research covering the problems of geology, biology, geography, etc. The participants in the discussions were united in understanding that BAM cannot be built in traditional structures and solutions. The decisions of the 1975 All-Union Scientific and Practical Conference on BAM have become an open book for designers, builders and operators.

Keywords: Conference, Baikal-Amur Mainline, Engineering, Geological and Climatic Conditions, Section of Artificial Structures, Section of Surveys and Excavation, Artificial Structures

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1974 г. «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» (БАМ) широким фронтом развернулись работы по сооружению БАМа.

Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике и Министерством путей сообщения на 1975 г. был утверждён План проведения всесоюзных научно-технических конференций, совещаний и семинаров.

Согласно этому Плану состоялись две научно-практические конференции: в Чите – по вопросам освоения зоны БАМ, а в Хабаровске – по решению проблем Восточного участка БАМа. Так, полвека назад в Чите состоялось важное мероприятие – проведение первой Всесоюзной научно-практической конференции по теме «Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях».

Событие слабо освещено в публицистике 70-х гг. XX в., несмотря на присутствие на конференции представителей журнала «Путь и путевое хозяйство», газеты «Забайкальский рабочий». В 1976 г. в Москве были выпущены рекомендации, однако доклады учёных не были опубликованы в виде сборника трудов конференции, чем определяется актуальность исследования.

Источниковой базой работы являются подлинники документы, сохранившиеся в фондах музея истории Забайкальской железной дороги: приказ МПС о проведении всесоюзной конференции, пригласительный билет, программа, список участников, 20 докладов, два выступления, протокол, проект решения.

Цель данной статьи: реконструировать основные проблемы проектирования и строительства БАМ на начальном этапе строительства по материалам конференции.

Из Программы конференции мы узнаем о ведомствах, ответственных за её организацию – Центральное правление научно-технического общества железнодорожного транспорта, Научно-технический совет МПС, Главное техническое управление Минтрансстроя, Комитет по земляному полотну, ЦПИНТЭИ МПС, Оргтрансстрой, Управление и ДорНТО, Забайкальская железная дорога, Читинский обком КПСС. Активное участие в подготовке и проведении конференции принял Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

Отметим, что в сопроводительных документах МПС и Министерства транспортного строительства (за подписью заместителя министра путей сообщения А. Ф. Подпалого и заместителя министра транспортного строительства В. М. Козлова) от 30 июня 1975 г. / № II-18437 К-157 прописаны приказы для ответственных ведомств по участию в данной конференции. Например, начальнику Забайкальской железной дороги С. И. Соловьеву¹ приказывалось обеспечить помещение и необходимые условия для работы конференции, а также жильё на 150 чел., организовать стенографирование выступлений на конференции [17].

Участники конференции: 10 вузов (МИИТ, ЛИИЖТ, ДИИТ, НИИЖТ, ХабиЖТ, ХАБПИ, ИПИ, МГУ, ПГУ, ИГУ), 7 научно-исследовательских институтов (ЦНИИС Минтрансстроя, ЦНИИ МПС, ВНИИЖГ, СибЦНИИС, СоюзДорНИИ, ЦНИИТЭИ МПС, Оргтрансстрой),

12 проектных институтов (Мосгипротранс, Ленгипротранс, Ленгипротрансмост, Уралгипротранс, Сибгипротранс, Томгипротранс, Дальгипротранс, Гипротранспуть, Гипротранстэи, Гипропромтрансстрой, Гипротрансмост, Ленметропроект), 3 института АН СССР (Земной коры Иркутской ИФСОАН СССР, Мерзлотоведения ЯФСОАН СССР, Физики земли), 6 железных дорог (Забайкальская, Восточно-Сибирская, Дальневосточная, Западно-Сибирская, Свердловская, Дирекция БАМ), 10 строительных трестов и организаций (Ангарстрой, Нижнеангарсктрансстрой, Тындаттрансстрой, Бамстройпуть, Бамстроймеханизация, Мостострой № 10 (в Тынде), Мостострой № 8 (в Хабаровске), Тоннельный отряд № 11 (в Нижнеангарске) и № 9, ВЧ 25967 (Управление Крюкова, воинская часть Минтрансстроя), Сковородинская мерзлотная станция) [Там же].

В протоколе указано количество участников конференции – это 184 чел. из 68 организаций и ведомств [8]. Регламент конференции чётко определял работу секций с 21 по 24 октября 1975 г.

21 октября состоялись открытие конференции с приветственным словом заместителя министра путей сообщения, начальника Дирекции БАМ В. П. Калиничева и пленарное заседание по общим вопросам: 1. Назначение магистрали. Основные параметры комплексного проекта Байкало-Амурской магистрали. Особенности проектирования и строительства БАМ в сложных инженерно-геологических и климатических условиях; 2. Вопросы технологии строительства и организации строительного процесса в условиях БАМ; 3. Совершенствование организации и повышения качества работ при строительстве БАМ; 4. Вопросы охраны окружающей среды в районе БАМ; 5. Сейсмические явления и их учёт при строительстве БАМ; 6. Общие вопросы инженерной геокриологии (наледи, термокарст, мари, солифлюкция); 7. Вопросы охраны труда при строительстве БАМ².

22–23 октября прошли заседания по секциям изысканий и земляного полотна, искусственных сооружений.

²Пригласительный билет и программа / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. – Чита: Тип. ЦНИИ МПС, 1975. – С. 5; Список участников научно-технической конференции по строительству БАМа 21–23 октября 1975 г. / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. – Чита: Упр. Заб. ж. д., 1975 – 8 с.

¹Соловьев Сергей Иванович (1929–2001) – начальник Забайкальской железной дороги с 10 апреля 1975 г. по 18 сентября 1978 г.

23 октября состоялось пленарное заседание, выступили с сообщениями руководители секций, участники конференции, затем было подведение итогов работы и принятие рекомендаций конференции. Это был наиболее напряжённый день конференции. Многие вопросы вызвали дискуссии и обсуждение, которые запротоколированы в выступлениях участников.

24 октября – ознакомление с работой отдельных участков БАМа и принятие проекта решения конференции¹.

Конференция состоялась в тот период, когда строительство уже развернуто и были достигнуты определённые успехи: досрочно (8 мая 1975 г.) на линии БАМ – Тында к 30-летию Победы над фашистской Германией открыто рабочее движение поездов, давшее возможность осуществлять перевозки грузов, строительных материалов, механизмов, оборудования железнодорожным транспортом.

Открыто движение поездов по мостам как у западных, так и у восточных ворот БАМа, в сентябре этого же года досрочно было завершено строительство внеклассного моста через р. Амур у Комсомольска-на-Амуре и большого моста через р. Лену у Усть-Кута [18, с. 3].

Однако сложнейшие инженерно-геологические условия магистрали, ряд нерешённых организационных вопросов привели к появлению различного рода недостатков и дефектов. Например, на линии БАМ – Тында между автодорогой и земляным полотном были созданы бессточные впадины, которые своевременно не были отсыпаны или отсыпались недостаточной высоты, что и приводило в ряде мест к сплывам откосов и другим нарушениям земляного полотна. В ряде случаев нарушалась технология производства работ при строительстве столбчатых опор мостов.

Исходя из этого, целью данной конференции стал обмен опытом и разработка практических рекомендаций для ликвидации отставания, установление связи между ведомствами и строительными организациями.

Г. М. Шахунянц – руководитель секции изысканий и земляного полотна, профессор, доктор технических наук, так определил цели конференции: «...идет грубое вторжение в природную обстановку, нарушается её естественный режим и в связи с этим на БАМе нельзя допустить нарушения технологии строительства. Все нарушения должны ликвидироваться в аварийном порядке, особенно нарушения тепловой защиты (явления сплавов, нарушение теплоизоляции земляного полотна и прочие явления, связанные с оттаиванием грунтов)...

Темпы строительства высокие, работы поставлены на потоки, в связи с этим необходимо разработать методику и порядок определения видов строительных работ на этапе строительства» [28, с. 41].

Большая протяжённость магистрали, её высокая категоричность, сложность природных условий и другие особенности определили уникальные объёмы строительных работ. В проектно-изыскательские работы в 1975 г. было вложено 19 млн р. и 7 млн р. за счёт общих капиталовложений. Однако этот проект предусматривал только линию Тынды – Беркамит, а остальные проекты были ещё не закончены. Сооружение магистрали без утверждённой комплектной документации докладчики считали своего рода «бомбой», так как применялись шаблонные строительные конструкции, устаревшее оборудование и пр.

Участники конференции обсуждали проблемы создания производственной базы БАМа, от которой зависело сооружение магистрали в установленные сроки. «Ввод в эксплуатацию объектов стройиндустрии, предусмотренных Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а также необходимое развитие действующих предприятий обеспечивает создание в зоне БАМа крупных районных баз по производству строительных конструкций, деталей и материалов и по ремонту строительной техники, в основном достаточной для обеспечения потребностей БАМ» [13].

Серьёзной проблемой явилось строительство земляного полотна, а также искусственных сооружений на вечномёрзлых грунтах, устройства свайных конструкций для строительства служебно-технических зданий (например, предварительное бурение скважин диаметром 500–550 мм и глубиной до 12 м), так как имеющиеся механизмы на тот момент были малопроизводительны и не могли обеспечить выполнение этих работ [13].

Участники секции изысканий и земляного полотна отмечали важность прогнозирования условий эксплуатации искусственных сооружений на БАМе и особой роли эксплуатации на этом объекте [23]. Они подчёркивали, что даже при самой идеальной работе строителей природная обстановка может возбудить процессы неустойчивости земляного полотна (осадки земляного полотна на марях, особенности поведения земляного полотна в районах распространения различного рода посадочных пород, скально-обвальные явления) [28, с. 42].

Трасса БАМ на значительном своём основании запроектирована в так называемых прижимных скальных участках. С одной сторо-

ны трассы проходили крутые скальные косогоры, а с другой – водотоки и водоёмы. Основная трудность сооружения земляного полотна на таких участках заключалась в том, что земляное полотно строители вынуждены были или врезать в скальный косогор или отодвигать трассу в сторону водоёма или водотока. Естественно возникала проблема защиты от размыва откоса насыпи [26]. В 1975 г. проблемами прогнозирования скально-обвальных явлений и оценкой конструкций земляного полотна на прижимных участках на перспективу занимался Московский научно-исследовательский институт транспортного строительства (ЦНИИС). В частности, сотрудниками ЦНИИС были обследованы и проанализированы материалы по эксплуатации скальных откосов на линии Ургал – Известковая Дальневосточной железной дороги, участки скальных выемок на Зиловской дистанции Забайкальской железной дороги, а также данные многолетних наблюдений на линии Байкал – Слюдянка. Анализ таких наблюдений, а также наличие подобных «опытных» участков имел важнейшее значение при проектировании скальных откосов на трассе БАМ [Там же, с. 4–5].

Учитывая опыт эксплуатации земляного полотна на вечномёрзлых грунтах, скально-обвальных и прижимистых участках и прочих, Б. И. Дмитриевым были даны рекомендации по проектированию БАМа: «...строительство земляного полотна необходимо выполнять строго по проекту, чтобы эксплуатационные затраты на содержание в период эксплуатации были сведены к минимуму» [6, с. 16].

Главным вопросом конференции становился вопрос ускорения и удешевления строительства.

Например, строить или нет снегоудерживающие сооружения на БАМе? Этому вопросу уделялось серьёзное внимание. Для сопоставления опыта освоения горных районов в 1975 г. была организована экспедиция Альпы – Кавказ (Канада, Швейцария, Альпы). Из доклада Г. К. Тушинского: «Изыскатели тех организаций, которые приступили к строительству БАМа, за семь лет до сего дня при разработке позаботились о картине лавинной опасности на БАМе. Было составлено 13 томов отчетов и карты различных масштабов, которыми пользовались проектировщики [25]... На всей площади, нами исследованной, т. е. 100 км полосы по обе стороны от оси трассы, 39 % площади имеют углы наклона больше 22 градусов, а это типичная очень благоприятная поверхность, с которой могут сходить лавины. На БАМе самый высокий уровень сейс-

мичности по сравнению с другими районами Советского Союза. Глубоко расчленённый рельеф, причём с глубинами расчленения до 800 тыс. м с абсолютными отметками 1 500–2 800, особенно на западных участках имеют большие поверхности выравнивания, с которых снежный покров сносится и аккумулируется на подветренных склонах. Эта особенность совершенно неожиданная для БАМа, так как в литературе считалось, что эти районы малоснежны. На самом деле высота снежного покрова достигает 70 см – 2 м довольно, которая обычна для лавиносборов, в то же время лавинная опасность уже достаточна при накоплении снега в 30 см. Высокая концентрация приводит к очень большим снегонакоплениям» [Там же]. «На БАМе имеются потенциальные места лавинной опасности. Когда сейчас ведутся работы, то строжайшим образом нужно следить за устойчивостью косогорья и не сводить зря леса. Иначе появятся лавины и сели. Только горная служба с принудительными функциями может защитить и трассу, и будущие города и посёлки от уничтожения» [Там же].

Современные методы исследования лавинной опасности (космические снимки, лабораторные исследования отдела физики и механики снега, данные дендрохронологии и хронометрии, т. е. определение возраста проявления лавинной деятельности и дальности выброса по спилам деревьев и по лишайникам и т. д.) позволяли учёным давать первые конкретные рекомендации проектировщикам по защите трассы БАМа от снежных лавин.

Зарубежный опыт проектирования снегоудерживающих сооружений убеждал в том, что в некоторых случаях галереи увеличивали лавинную опасность. За снегоудерживающими щитами собиралось очень много снега, создавая толщу снега выше высоты снегоудерживающих сооружений, а затем возникала опасность переноса метелью.

В связи с недостаточной исследовательской базой снежно-лавинного режима не рекомендовалось на данном этапе проектирование противолавинных галерей на БАМе.

Одной из проблем явилось научное обоснование эксплуатации подвижного состава в виде 8-осных цистерн особого исполнения, тепловозов ТЭ116, газотурбовозов, которые прежде не использовались на сети, и в этой связи создание технической базы.

Сложным явился вопрос выбора типа рельсов. Первоначально предполагалось укладка рельсов типа Р-50, но позже при расчётах величин грузовых потоков было принято решение

использовать рельсы типа Р-65 на деревянных шпалах (промышленность не могла в короткие сроки обеспечить производство железобетонных шпал).

Много докладов было посвящено геологическим факторам и изучению сейсмичности трассы, поскольку остро стояла проблема надёжности и стойкости магистрали при высокой сейсмичности в районе.

Из доклада А. А. Серова: «Введены в действие СНиП2А12А69 «Строительство в сейсмических районах. Нормы проектирования». Высокая сейсмичность в районе Байкала известна еще с XIII в. В 1725 г. к югу от Чары произошло землетрясение в 10 баллов. Изучение сейсмичности началось в послевоенные годы: до 1949 г. была 1 станция в Иркутске с начала века, после 1949 г. было открыто 6 сейсмических станций... Зарегистрировано ряд сильнейших землетрясений, которые вошли в Атлас землетрясений СССР, а Муйское землетрясение 27 июня 1957 г. – в каталог землетрясений ЮНЕСКО (глубина гипоцентра на 20 км от поверхности земли, а площадь – около 1 млн кв. км)... Значительная часть трассы – 1 090 км находится в зоне 9-балльных землетрясений. Для наиболее ответственных мест – это тоннели, мосты, земляное полотно, т. е. там, где сейсмическое воздействие может привести к длительным перерывам в движении поездов и для объектов жилищного и коммунального строительства предусматривались необходимые мероприятия по повышению сейсмичной надёжности, руководствуясь расчётами, картами и т. п. В настоящее время Академией наук СССР и Министерством геологии СССР начаты большие работы по уточнению сейсмичности зоны БАМ. Общая стоимость этих работ вылилась в 28 млн р. Этими работами должно быть изучено глубинное строение земной коры от Байкала до Зеи, прогнозирование изменений сейсмических характеристик грунтов при проведении строительства, уточнена карта сейсмических условий трассы БАМ. На данном этапе рассмотрена программа этих работ. До сих пор проведены не были геофизические работы и глубокое бурение тектонических впадин и только намечается проходка 2–3 буровых скважин (11 скважин до 12,5 тыс. м общим метражом). В настоящий момент нет критериев для того, чтобы определить, активны или пассивны тектонические разрывы, между тем таких зон на БАМе много» [22].

Проблемой явилось то, что сейсмическая карта БАМа (под редакцией В. П. Солоненко) на момент строительства не была утверждена Госстроем СССР и не являлась официальным

документом, которым можно руководствоваться проектировщикам БАМа [Там же].

Доклады, представленные участниками конференции, убедительно свидетельствуют о том, насколько сложны природно-климатические условия на трассе Байкало-Амурской магистрали. Топографические и гидрогеологические особенности трассы, суровые климатические условия, лавинные опасности, высокая сейсмичность на целом ряде участков трассы создавали большие трудности не только при решении вопросов проектирования и строительства БАМа, но и при обеспечении работающих нормальных условий труда и быта.

Характер строительства БАМа выдвигал ряд гигиенических вопросов, связанных с созданием необходимых условий труда и быта строителей: обеспечение строительной техникой и жильём, позволяющими максимально исключить возможность вредного влияния на организм и обеспечить сохранение здоровья работающих; организацию питания, водоснабжения, канализации, обеспечение строителей качественной спецодеждой, разработку противоэпидемических мероприятий, борьбу с гнусом, а также в населённых пунктах с грызунами – организацию медицинской помощи, санитарного надзора и т. п.

Многие вопросы имели практический характер и решались на основе существующего опыта, а многие приходилось специально изучать и исследовать в ходе строительства.

В 1974 г. Институтом железнодорожной гигиены МПС были исследованы эти проблемы на Центральном и Западном участках БАМа. Руководитель отдела гигиены труда ВНИИЖГа, кандидат медицинских наук Э. И. Гольдман определил целый комплекс проблем в этой области, которые требовали специального изучения и немедленного внедрения результатов исследований в ходе строительства: «Одним из наиболее важных факторов, сопутствующих труду всех строителей БАМа, в т. ч. рабочих мехколонн, является чрезвычайно низкая температура воздуха зимой, достигающая нередко 45–50 градусов (–59 градусов). Исследования кабин строительных машин с точки зрения их теплоизоляционных свойств показали, что есть нарушения в теплозащите. Технические испытания в условия БАМа прошли кабины экскаватора Э1252 Воронежского завода, Э652 Донецкого завода, Э511 Костромского завода, а также автосамосвалов КрАЗ и «Магирус». Согласно документации, на строительство БАМа в 1975 г. из выделенных 445 экскаваторов только 173 в северном исполнении, из 369 кранов – только 129 в северном исполнении, а из 1 135

автосамосвалов и 126 автобусов в северном исполнении не было предусмотрено ни одной машины. Работы всё-таки надо было вести. Иногда по документам техника, отправленная на БАМ, проходила в северном исполнении, а фактически этим требованиям не отвечала (экскаваторы Э1252 Воронежского экскаваторного завода). И причины этого в том, что заводы не освоили технологию выполнения техники в северном исполнении (специальная конструкция рабочих органов, изготовленных из специального металла, специальные виды смазок и специальные кабины). Мы были поражены, когда ни на одном заводе не нашли ни расчетов, ни актов на машины в северном исполнении. А при проведении заводских испытаний опытных образцов не предусматривают испытания по теплозащитным свойствам. Машины, поступающие на БАМ, лишены необходимой герметизации (наличие щелей, плотности в окнах и дверях). Проведённые испытания экскаватора Э-1252 зимой 1975 г. на БАМе показали, что температура воздуха на уровне ног машиниста минус 50 градусов. В сравнении с японской техникой, на примере бульдозера «Камацу», имеющего теплоизоляцию и оборудование вентиляции, условия более благоприятны» [5, с. 7].

Отметим, что каждым заводом по-разному решалась проблема теплоизоляции техники (применение двойной стенки с использованием защитного слоя фанеры, пенопласта и т. д.). Перед учёными вставала задача унифицировать конструктивные решения теплозащитных средств кабины, выбора материалов и пр.

Участники конференции познакомились с рекомендациями по теплоизоляции с применением доступных средств утепления экскаваторов и другой техники, которая уже эксплуатировалась на БАМе, а также для создания новой [Там же, с. 8–9].

В первый год строительства БАМа возникали проблемы со спецодеждой, которая не всегда соответствовала характеру выполняемых работ и условиям, в которых использовались. Специальной оценки качества спецодежды на данном этапе не было, только предстояло выработать единые требования.

На протяжении всего 1974 г. изучались жилищные условия. Условия проживания во временных жилищах, кроме унифицированного блока ЦУБ-2М, не соответствовали гигиеническим параметрам по данным микроклимата (теплоизоляция, водяное централизованное отопление, строительство жилищ с учётом розы ветров).

Одной из проблем являлись источники водоснабжения (промерзание ряда источни-

ков зимой, а ряд участков магистрали оказались практически безводными). Постоянными источниками централизованного питьевого водоснабжения на станциях БАМа являлись подземные воды, которые на момент исследования не соответствовали нормам ГОСТа.

Серьёзной проблемой являлась очистка населённых пунктов от отходов. «Временные санитарно-технические требования по организации санитарной очистки поселков строителей БАМа», разработанные ВНИИЖТ и Академией коммунального хозяйства им. Панфилова, были направлены в тресты, строительномонтажные поезда, санитарным органам [13, с. 18]. Кроме того, ВНИИЖГ совместно с гражданской авиацией вел разработки и по борьбе с отдельными разновидностями гнуса (в борьбе с мошкой успехов на этом этапе достигнуто не было, но в значительной мере ликвидированы выплоды комаров).

Детально рассматривались аварийные случаи на опытных участках, где объекты не всегда отвечали требованиям эксплуатации. Особое внимание уделялось аварийной деформации опоры мостов (на участке Хребтовая – Усть-Илимская), которая произошла по причине отступления от проекта [3].

Таким образом, документы конференции свидетельствуют о том, что была проделана огромная работа. Научно-исследовательские, проектные и строительные организации уже применяли прогрессивные решения (отсыпка земляного полотна с устройством нижней части из крупнообломочного материала в целях надежного сохранения в основании мерзлого грунта и подземного льда, гофрированные металлические трубы, столбчатые опоры мостов).

На конференции не обошлось без споров и полемики по многим вопросам. В частности, по применению гофрированных труб, которые не могли считаться прогрессивными (как считали некоторые специалисты), так как не эксплуатировались никогда в условиях вечной мерзлоты, а потому еще не была доказана их эффективность.

Участники конференции пришли к заключению, что зона БАМа является слабо изученной, поэтому центральное место в резолюции занимали рекомендации по разработке обширной программы научных исследований, охватывавших проблемы геологии, биологии, географии и пр. Главное, что специалисты были едины в понимании процесса: в традиционных конструкциях, в традиционных решениях БАМ не построить, ни с позиций строительных, ни с позиций экономических. Как говорили лекторы, можно прекрасные иметь

проекты, но важно то, как они будут эксплуатироваться на БАМе.

Решения этой конференции явились открытой книгой для проектировщиков, строителей и эксплуатационников.

История Самарской епархии в Новейшее время интересна и многогранна. Она нашла выражение в самых разных аспектах. Значительный объем деятельности ложится на плечи епархиального Отдела религиозного образова-

ния и катехизации (ОРОиК). Целью данной статьи является необходимость показать в количественном и качественном показателях работу названного отдела в относительно небольшой хронологический отрезок 2016–2019 гг. Временные рамки определены наличием документов в епархиальном архиве, а также тем, что в 2020 г. начались события, связанные с эпидемией COVID-19, и изменился сам формат работы.

Список литературы

1. Большаков С. М. Инженерно-геокриологические особенности БАМ // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.
2. Большаков С. М. Наледи и противоналедные мероприятия на БАМе // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.
3. Васянович В. И. Опыт эксплуатации и ремонта искусственных сооружений в условиях вечной мерзлоты и низких температур // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.
4. Готов Н. М. Столбчатые фундаменты и опоры мостов на вечномерзлых грунтах // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.
5. Гольдман Э. И. Гигиенические вопросы при строительстве БАМа // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975. С. 7–9.
6. Дмитриев Б. И. Опыт эксплуатации земляного полотна в условиях вечной мерзлоты на Забайкальской железной дороге // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975. С. 16.
7. Дюнин А. К. Особенности проектирования земляного полотна и специальных сооружений на аварийно-опасных участках БАМа // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.
8. Калинин В. П. БАМ в десятой пятилетке // Электрическая и тепловозная тяга. 1977. № 3. С. 5–8.
9. Кудрявцев А. П. Основные технические решения по земляному полотну на участке Чара – Тында // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.
10. Кухарь В. С. Организация и производство изыскательных и инженерно-геологических работ на участке Тында – Ургал // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искус-

ственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

11. Матвеев К. В. Влияние типа входной части водопропускных труб на их расчетные параметры и работу в условиях вечной мерзлоты // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

12. Меренков Н. Д. Проектирование земляного полотна в сложных мерзлотно-грунтовых условиях // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

13. Озерецковский В. П. Проблемы создания производственной базы БАМа // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

14. Погребный А. К. Настоящее и будущее Байкало-Амурской магистрали и ее проблемы // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

15. Полуновский А. Г. Особенности проектирования и строительства притрассовых автомобильных дорог // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

16. О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР: [от 8 июля 1974 г. № 561]. Текст: электронный // Е-ДОСЪЕ. URL: https://e-ecolog.ru/docs/oavyFy2Y0dzHvHYQDTdei?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 12.06.2025).

17. Приказ Министерства путей сообщения и Министерства транспортного строительства № II-18437 К-157 от 30 июня 1975 г. 11 с. / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги.

18. Проект решения Всесоюзной научно-технической конференции «Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений)» (21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975. 15 с.

19. Протокол Всесоюзной научно-технической конференции «Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений)» (21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975. 6 с.

20. Рейс И. Л. Особенности проектирования и строительства БАМа в сложных инженерно-геологических и климатических условиях // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

21. Рекомендации Первой Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (г. Чита, 16–19 сентября 1975 г.). М.: [б. и.], 1976. 19 с.

22. Серов А. А. Сейсмические явления и учёт их при строительстве БАМа // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

23. Титов В. П. О прочности земляного полотна в условиях БАМа // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических услови-

ях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

24. Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали – мост между прошлым и будущим России / под общ. ред. В. Н. Тарасовой. М.: ИЦ «Транспорт», 2005. 348 с.

25. Тушинский Г. К. Проблемы лавинной опасности на трассе БАМа // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

26. Целиков Ф. И. Проектирование земляного полотна на крутых скальных косогорах применительно к условиям БАМа // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975. С. 4–5.

27. Чепцов В. В. Опыт эксплуатации земляного полотна в условиях низких температур // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975.

28. Шахунянц Г. М. Выступление руководителя секции изыскания земляного полотна // Особенности проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали в сложных инженерно-геологических и климатических условиях (вопросы земляного полотна и малых искусственных сооружений): материалы Всесоюз. науч.-техн. конф. (Чита, 21–23 октября 1975 г.) / Вспомогательный научный фонд Забайкальского центра научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги. Чита, 1975. С. 41–42.

Сведения об авторе

Мурлина О. С. – ведущий методист, Забайкальский центр научно-технической информации и библиотек Забайкальской железной дороги, г. Чита, Россия, olga.murlina@yandex.ru

Information about the author

Olga S. Murlina – Leading Methodologist, Transbaikalian Center for Scientific and Technical Information and Libraries of the Transbaikalian Railway, Chita, Russia, olga.murlina@yandex.ru

УДК 27-426.5(470.43)

Мероприятия, проводимые Отделом религиозного образования и катехизации Самарской епархии в 2016–2019 годах: по епархиальным отчётам

Вадим Николаевич Якунин

Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Россия

vadyak@mail.ru

В статье на основе данных текущего архива Самарского епархиального управления анализируется количественная и качественная составляющие мероприятий, проводимых Отделом религиозного образования и катехизации Самарской епархии в 2016–2019 гг. Отмечается, что строилась она по нескольким направлениям: 1. Организация форумов, научно-практических конференций, семинаров и встреч для работников образования и культуры в пределах Самарской губернии, чтение лекций разным категориям слушателей; 2. Содействие преподаванию религиозоведческих и духовно-нравственных дисциплин в вузах, средних специальных учебных заведениях Самарской области; 3. Подготовка кадров для образовательной и просветительской работы; 4. Консультационная и методическая работа для преподавателей ОПК; 5. Издательская деятельность; 6. Экспертиза программ, учебно-методических комплектов и другой продукции в рамках компетенции отдела. Организационно-контрольная деятельность ОРОиК Самарской епархии. В связи с тем, что за основу взят большой объем статистических данных, статья представляется собой своеобразное сочетание научного исследования с рядом выводов и фактического изложения материала. Автор говорит о значительном объеме работы, проведенной в рассматриваемое время Отделом религиозного образования и катехизации Самарской епархии, и выражает убежденность, что взятый когда-то «темп» работы сохранится и в дальнейшем.

Ключевые слова: священнослужители, архиереи, Отдел религиозного образования и катехизации, Самарская епархия, конференции, семинары, круглые столы, конкурсы

Events Conducted by the Department of Religious Education and Catechesis of the Samara Diocese in 2016–2019: According to Diocesan Reports

Vadim N. Yakunin

Moscow Art and Industry Institute, Moscow, Russia

vadyak@mail.ru

Based on the data from the current archive of the Samara Diocesan Administration, the article analyzes the quantitative and qualitative components of the activities conducted by the Department of Religious Education and Catechesis of the Samara Diocese in 2016–2019. It is noted that it was built in several directions.: 1. Organization of forums, scientific and practical conferences, seminars and meetings for educational and cultural workers within the Samara province, giving lectures to different categories of listeners; 2. Assistance in teaching religious studies and spiritual and moral disciplines in universities and secondary specialized educational institutions of the Samara region; 3. Training personnel for educational and educational work; 4. Consulting and methodological work for teachers of the defense industry; 5. Publishing; 6. Expertise of programs, teaching kits and other products within the competence of the department. Organizational and control activities of the DREC of the Samara Diocese. Because the author uses a large amount of statistical data as a basis, the article is a kind of combination of scientific research with a number of conclusions and factual presentation of the material. The author speaks about the significant amount of work carried out at the time under review by the Department of Religious Education and Catechesis of the Samara Diocese and expresses his conviction that the "pace" of work once undertaken will continue in the future.

Keywords: Clergy, Bishop, Department of Religious Education and Catechesis, Samara Diocese, Conferences, Seminars, Round Tables, Competitions

В 2016–2018 гг. Отдел религиозного образования и катехизации Самарской епархии проводил свою деятельность по следующим направлениям:

I. Организация научно-практических конференций, семинаров и встреч для работников образования и культуры в пределах Самарской губернии.

В общем перечне мероприятия данной группы могут быть разделены на большие блоки, форумы и конференции; детские конкурсы; лекции.

Мероприятия первой подгруппы в самом общем перечне выглядят следующим образом:

- разработка содержания и организация проведения всероссийского гражданского форума «Возлюби жизнь»;
- организация и проведение регионального молодежного форума «Отечества наследники» на Царевом кургане;
- организация и проведение круглого стола: «Диалоги о сохранении нерукотворной и рукотворной красоты родного края» на базе Спасо-Богородичного мужского монастыря в с. Винновка;
- подготовка и организация работы международного церковно-государственного форума «Воспитание патриотизма как основа духовной безопасности России»;
- организация проведения в школах открытых уроков «Что я знаю об истории своего родного края: 1917–2016 гг.»;
- организация и проведение 20 декабря 2016 г. конференции по теме: «1917–2017 гг.: Уроки столетия» в рамках регионального этапа

XXV Международных Рождественских образовательных чтений.

Отдел принимал активное участие в организации и проведении детских конкурсов: областные конкурсы детского изобразительного творчества: «Вековая история Самарского края: глазами детей» и детского литературного творчества: «Молодое поколение о Самарской губернии XX века: события, люди»; региональный этап международного конкурса детского изобразительного творчества «Красота Божьего мира»; межрегиональный конкурс детского творчества «Афон глазами путешественников».

Чтение лекций осуществлялось на курсах «Основы православной культуры» (ОПК); в воскресных школах, школах катехизаторов, офицеров-воспитателей; чтение лекции для сотрудников таможни; чтение лекций и проведение бесед для студентов колледжа и другие встречи, выступления перед молодежной и педагогической аудиторией, чтение лекций для старшеклассников самарской гимназии № 54 «Воскресение» и самарского кадетского казачьего корпуса; 19-е городские Кирилло-Мефодиевские школьные чтения; 17-е областные Кирилло-Мефодиевские школьные и педагогические чтения [1].

II. Содействие преподаванию религиозных и духовно-нравственных дисциплин в вузах, средних специальных учебных заведениях Самарской области.

Организация и проведение публичных лекций в рамках учебной деятельности межвузовской кафедры теологии и истории религий (11 вузов Самарской области).

Проведение разъяснительной работы с родителями школ области по выбору модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ); семинаров для кураторов-священников, а также встреч с заместителями министра и руководителями территориальных управлений министерства образования и науки Самарской области. Консультирование преподавателей ОПК в очном и дистанционном режиме (выбор модуля ОПК – 47 % в 2016/2017 учебном году).

В 2016 г. ОРОиК совместно с Самарским институтом повышения квалификации работников образования (СИПКРО) и ресурсными образовательными центрами Самарской области провел ряд семинаров-практикумов для педагогов курса «Основы православной культуры» со 2-го по 7-е классы на тему: «Методика преподавания курса “Основы православной культуры в школе”». Сотрудники отдела провели большую экспертную и консультационную работу по подготовке учителей к участию в марафоне открытых уроков, проведению мастер-классов. Было проанализировано свыше ста уроков и на основе анализа оказана помощь по корректировке их содержания.

Организация и проведение регионального этапа всероссийского конкурса в области педагогики, воспитания и работы с детьми и молодежью до 20 лет «За нравственный подвиг учителя», окружного конкурса «Православный учитель». Также осуществлялось сопровождение работы межвузовской кафедры теологии и истории религий и деятельности школ с казачьим компонентом, участие в организации и проведении встреч митрополита Самарского и Сызранского Сергия с представителями молодежных общественных организаций [Там же].

III. Подготовка кадров для образовательной и просветительской работы.

Участие сотрудников в проведении курсов по подготовке учителей ОПК совместно с Самарским областным институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования (СИПКРО). Организация и проведение курсов повышения квалификации по программам обучения катехизаторов, руководителей и педагогов воскресных школ, офицеров-казачьих и педагогов казачьих классов. Организация и проведение семинаров для заместителей директоров по воспитательной работе, учителей ОПК [1].

IV. Консультационная и методическая работа для преподавателей ОПК.

Практиковалось очное и заочное консультирование с использованием электронной почты. На сайте отдела выставлялись матери-

алы и методические указания по проведению уроков ОПК как внеурочной деятельности. Для оказания консультативной помощи за всеми школами Самарской епархии были закреплены кураторы-священники.

V. Издательская деятельность.

В 2016 г. ОРОиК были подготовлены к выходу в свет следующие издания: Сборники материалов всероссийского гражданского форума «Возлюби жизнь» и всероссийского форума «Воспитание патриотизма как основа духовной безопасности России» [Там же].

VI. Экспертиза программ, учебно-методических комплектов и другой продукции в рамках компетенции отдела.

Проведена экспертиза и редактирование рабочих тетрадей по духовно-нравственному воспитанию детского епархиального образовательного центра (36 рабочих тетрадей). Осуществлено рецензирование программ СИПКРО обучения учителей по основам православной культуры, а также открытых уроков и мастер-классов учителей основ православной культуры. Проведена экспертиза работ педагогов, участников регионального этапа профессиональных конкурсов.

VII. Просветительские мероприятия (конференции, чтения и т. п.):

– организованные епархией: проведение регионального молодежного форума «Отечества наследники» на Царевом кургане (соорганизаторы: Самарская и Сызранская епархия, Министерство образования и науки Самарской области, молодёжный парламент при Самарской Губернской Думе, Самарский союз молодежи); проведение круглого стола: «Диалоги о сохранении нерукотворной и рукотворной красоты родного края» на базе Спасо-Богородичного мужского монастыря в с. Винновка (организатор: Самарская и Сызранская епархия); проведение Всероссийского гражданского форума «Возлюби жизнь» (соорганизаторы: Самарская и Сызранская епархия, правительство Самарской области, Самарское региональное отделение международной общественной организации «Союз православных женщин»); проведение международного церковно-государственного форума «Воспитание патриотизма как основа духовной безопасности России» (соорганизаторы: Самарская и Сызранская епархия, правительство Самарской области, Самарское региональное отделение международной общественной организации «Союз православных женщин»); проведение конференции по теме: «1917–2017: Уроки столетия» в рамках регионального этапа XXV Международных

Рождественских образовательных чтений» (соорганизаторы: Самарская и Сызранская епархия, министерство образования и науки Самарской области); проведение совещаний с директорами школ с участием правящего архиерея и глав городских округов, муниципальных районов и др;

– организованные иными организаторами в границах епархии и с участием представителей епархии: участие в традиционных конференциях (Иоанновские чтения; областные школьные Кирилло-Методиевские чтения совместно с министерством образования и науки Самарской области; Платоновские чтения и Кирилло-Методиевские студенческие чтения совместно с Самарским государственным университетом; участие в международной научно-практической конференции «Наука и культура», организуемая вузом – учредителем межвузовской кафедры теологии и истории религий – Самарским государственным университетом путей сообщения; участие в первом слёте учителей истории (Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования); участие в работе педагогической конференции «Итоги первого экспериментального года введения ОПК как внеурочной деятельности» в г. Тольятти (департамент образования мэрии городского округа Тольятти, Поволжский православный институт) [1].

В 2019 г. с участием отдела религиозного образования и катехизации Самарской епархии проводились мероприятия по следующим направлениям:

1. Церковно-государственные мероприятия в регионе с участием ОРОиК.

В феврале 2019 г. состоялась межъепархиальная встреча «Отечества наследники» с участием Самарского и Западного управления министерства образования и науки Самарской области, а также отделов религиозного образования и катехизации Самарской и Сызранской епархий. Результатом встречи стало обобщение опыта духовно-нравственного просвещения школьников в условиях урочной и внеурочной деятельности, выявление проблем, определение путей дальнейшего совершенствования. В марте-апреле 2019 г. прошел региональный этап всероссийского конкурса в области педагогики, работы с детьми и молодёжью до 20 лет «За нравственный подвиг учителя», организатором которого выступили министерство образования и науки Самарской области, Самарская епархия РПЦ, ОРОиК Самарской епархии.

15 мая того же года состоялось выездное совместное заседание комиссий общественной палаты Самарской области по теме «Актуальные вопросы развития дополнительного образования Самарской области в рамках духовно-нравственного воспитания детей и молодёжи», участниками которых стали общественная палата Самарской области, Самарская митрополия, ОРОиК Самарской епархии, НФ «Детский епархиальный образовательный центр». На заседании была определена система мер по совершенствованию работы учреждений дополнительного образования во взаимодействии с государственными структурами.

В сентябре 2019 г. состоялась встреча митрополита Самарского и Новокуйбышевского Сергия и руководителя Самарского управления образования В. И. Халаевой с учителями г. о. Самара «Патриотическое воспитание детей». Организаторами встречи выступила Самарская епархия РПЦ, Самарское управление министерства образования и науки Самарской области, ОРОиК Самарской епархии, межвузовская кафедра теологии и истории религий. На встрече обсуждались проблемы патриотического воспитания в образовательных учреждениях городского округа Самара, были определены стратегических направлений развития патриотического воспитания с детьми и молодёжью.

Важнейшим же событием 2019 г. стал визит патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Самарскую митрополию 26–27 сентября. Его организаторами были правительство Самарской области и Самарская епархия РПЦ.

7–8 декабря 2019 г. проходил церковно-государственный форум «Сохранение историко-культурного и духовно-нравственного наследия казачества как фактор народосохранения в России». Организаторами форума выступили Приволжский Федеральный округ, Синодальный комитет РПЦ по взаимодействию с казачеством, Волжское войсковое казачье общество, Самарская митрополия РПЦ. В ходе форума состоялось обобщение опыта работы по сохранению и развитию духовно-нравственных и культурно-исторических традиций на территории ВВКО, определение направлений дальнейшей работы по патриотическому воспитанию [4].

В течение 2019 г. Самарская епархия и ОРОиК выступили в числе инициаторов проведения студенческими коллективами благотворительных концертов для ветеранов губернии: выступлений ансамбля баянистов «Гармоника» в МБУ «Дворец ветеранов» городского округа «Самара»; традиционных концертов,

посвящённых Дню Победы; концертов в региональном отделении Всероссийского общества слепых; концертов с вручением памятных подарков в Южном пансионате для ветеранов труда (дом-интернат для престарелых и инвалидов), выступлений с концертной программой для ветеранов в театре опера и балета, в госпитале ветеранов войны.

II. Мероприятия ОРОиК Самарской епархии по образовательной деятельности.

Совместно с Самарской духовной семинарией было организовано проведение курсов повышения квалификации педагогов филиалов НФ «Детский епархиальный образовательный центр». Педагоги получили теоретические и практические знания в области методики работы с детьми в условиях дополнительного образования.

В течение года проведен еще ряд курсов.

III. Организационно-контрольная деятельность ОРОиК Самарской епархии.

В течение 2019 г. был создан реестр 51-й воскресной школы.

Представители ОРОиК Самарской епархии в 2019 г. посетили многие приходы с целью контроля работы катехизаторов. В результате посещения приходов было констатировано, что велась катехизическая работа в штатном режиме: проводились огласительные беседы перед крещением и венчанием, проводились взрослые воскресные школы, евангельско-библейские кружки и т. д.

В ноябре 2019 – январе 2020 г. ОРОиК Самарской епархии вел организационную ра-

боту по подготовке самарской делегации на XXVIII Международные Рождественские образовательные чтения. Проходил сбор информации, заявок. Проводилась консультационная и организационная работа по подготовке самарской делегации на Рождественские чтения: составление сводной заявки и отправление в Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Патриархии.

IV. Информационно-экспертная деятельность ОРОиК Самарской епархии.

ОРОиК Самарской епархии в течение года проводил экспертизу педагогических работ участников профессиональных конкурсов «За нравственный подвиг учителя», «Православный учитель», «Областные Кирилло-Мефодиевские педагогические чтения», а также работ педагогов, отсылаемых на профессиональные конкурсы и других работ учителей ОПК.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что Отдел религиозного образования и катехизации Самарской епархии в 2016–2019 гг. вел серьезнейшую просветительскую и экспертно-аналитическую работу. Количество мероприятий и качество их организации и проведения говорит о том, что для епархии не просто небезразлична работа в сфере образования, она является одной из приоритетных в общественной деятельности. Очевидно, что все названные направления деятельности Отдела религиозного образования и катехизации Самарской епархии требуют углубления и дальнейшего развития, что можем наблюдать в настоящее время.

Список литературы

1. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчет митрополита Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 2016 г.
2. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчет митрополита Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 2017 г.
3. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчет митрополита Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 2018 г.
4. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчет митрополита Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 2019 г.

Сведения об авторе

Якунин В. Н. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Россия, vadyak@mail.ru

Information about the author

Vadim N. Yakunin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Moscow Institute of Art and Industry, Moscow, Russia, vadyak@mail.ru

Перечень требований и условий публикации статей

Представленные к публикации материалы должны иметь научный характер, обладать новизной. Опубликованные ранее материалы к публикации не принимаются.

- формат страницы: А 4 (210x297);
- текстовый редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman, кегль 12;
- межстрочный интервал – одинарный;
- поля (левое, правое, верхнее, нижнее) – 2 см;
- абзацный отступ – 1,25 см (при создании абзацев не пользоваться табуляцией и пробелами), выравнивание текста по ширине;
- ориентация – книжная, без простановки страниц, желательно без постраничных сносок;
- без переносов;
- графики, таблицы, рисунки – черно-белые, без цветной заливки;
- фотографии и рисунки в формате Jpeg, с подписями;
- учитывать разницу между знаками «тире» и «дефис»;
- общепринятые сокращения (т. д., т. е., т. п.), использованные, не общепринятые сокращения присылаются с расшифровкой;
- инициалы пишутся слитно в статье (И. И. Иванов) и отдельно в списке литературы (Иванов И. И.);
- ссылки на литературу и источники внутритекстовые, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5.-2008. Пример: [3, с. 35–38], [4], [2, с. 41; 6, с. 45–46], [8, л. 12; 9, л. л. 9–11; л. л. 8–8об.]. Список источников и литературы в конце, в алфавитном порядке.

Объем представляемой(-ых) к публикации статьи или тезисов – до 10 страниц.

Краткая аннотация статьи на русском и английском языках. Аннотация должна содержать краткую характеристику статьи, что нового она содержит, результаты исследовательской работы. Размер аннотации – 5–7 строк;

Ключевые слова и фразы на русском и английском языках (не менее 5–7).

На первой странице по центру название статьи или тезисов, жирным шрифтом (на русском языке), кегель 12.

Через пробел по центру фамилия, имя, отчество автора (-ов) (полностью, на русском языке) жирным шрифтом, курсивом, кегель 12.

Без пробела место работы (полностью), город, страна (на русском языке) обычным шрифтом, курсивом, кегель 12.

Без пробела электронная почта, курсивом, кегель 12.

Через пробел аннотация с отступом (на русском языке), кегель 12.

Через пробел ключевые слова с отступом (на русском языке), кегель 12.

Через пробел название статьи или тезисов жирным шрифтом (на английском языке), кегель 12.

Через пробел по центру фамилия, имя, отчество автора (-ов) (на английском языке) жирным шрифтом, курсивом, кегель 12.

Без пробела место работы (полностью), город, страна (на английском языке) обычным шрифтом, курсивом, кегель 12.

Без пробела электронная почта, курсивом, кегель 12.

Через пробел аннотация с отступом (на английском языке), кегель 12.

Через пробел ключевые слова с отступом (на английском языке), кегель 12.

Через пробел текст статьи или тезисов с отступом 1,25 см.

После текста статьи или тезисов через пробел жирным шрифтом **«Источники и литература»** без отступа, кегель 12.

Образец оформления статьи

УДК

Спорные аспекты истории Русской Православной Церкви в Забайкалье в 1920-е годы

Иван Иванович Иванов

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

12345@mail.ru

Аннотация (на русском языке) ...

Ключевые слова (на русском языке): ...

Controversial Aspects of the History of the Russian Orthodox Church in Transbaikalia in the 1920s

Ivan I. Ivanov

Transbaikal State University, Chita, Russia

12345@mail.ru

Аннотация (на английском языке)...

Ключевые слова (Keywords) (на английском языке): ...

Текст статьи...

Источники и литература

Сведения об авторах

Иванов И. И. – кандидат исторических наук, доцент, доцент историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия 12345@mail.ru

Information about the author

Ivanov I. I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, 12345@mail.ru

Образец оформления списка источников и литературы

Источники и список литературы

Архиереи Арзамасского викариатства (1920–1937). Текст: электронный // Благочиние города Арзамаса. URL: <http://arzblag.ortox.ru/blagochinie/istoriya/deyateli-cerkvi/arxierei-arzamasskogo-vikariatstva-1920-1937-g/> (дата обращения: 14.01.2021).

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 234.

ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1.

Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 204 с.

Ланцова Ю. Н. Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 – начале 1930-х гг. // Регион в приграничном пространстве: материалы межд. науч. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 98–101.

Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2. С. 173–202.

Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 42 с.

Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 491 с.

Rutt R. The Orthodox Church in Korea // Sobornost. Summer. 1957. No. 3. P. 480–490.

Zernov N. The Russian Religious Renaissance of the XX Century. London: Harper & Row Harper & Row, 1963. 410 p.

Научные журналы ЗабГУ

DOI: 10.21209

Включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Гуманитарный вектор

ISSN 1996-7853

zab-nauka@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://zabvektor.com/>

Журнал выходит с 1997 года, в процессе становления менялись название и редакционная политика. Идеино-концептуальное поле журнала ориентировано на рассмотрение ценностных ориентиров современного общества – новых и традиционных, значимых не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом.

Приветствуются исследования междисциплинарного характера о социокультурных практиках разных территорий по следующим научным направлениям: философия, история, филология, востоковедение, медиакоммуникация и журналистика.

Индексация журнала

Учёные записки

Забайкальского государственного университета

ISSN 2658-7114

zab-nauka@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://uchzap.com/>

Первый номер журнала «Учёные записки Читинского государственного педагогического института» вышел в 1957 г. Сегодня журнал является научным периодическим изданием по направлению «Образование и педагогические науки». Идеино-концептуальное поле журнала связано с проблемой непрерывного образования как условия конкурентоспособности человека в постиндустриальном мире.

Контент журнала посвящен проблемам непрерывного формального и неформального образования, обсуждению отечественных и мировых практик дошкольного, школьного, среднего специального, высшего и дополнительного образования, возможности их апробации, адаптации и реализации в социокультурном и экономическом пространстве государства.

Вестник

Забайкальского государственного университета

ISSN 2227-9245

vestnikzabgu@yandex.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://zabvestnik.com/>

Первый выпуск «Вестника Читинского политехнического института» вышел в свет в 1995 г. Название менялось в соответствии с изменениями статуса вуза.

Основной миссией журнала является ознакомление российского, международного инженерного и научного сообщества с опытом внедрения научных разработок и результатами деятельности ученых в экономике, политологии, недропользовании, науках о Земле и окружающем мире.

**Подробная информация о научных специальностях и требования к статье
находятся на сайтах журналов**

Scientific journals of Transbaikal State University

DOI: 10.21209

Included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and editions, where the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published.

Humanitarian Vector

ISSN 1996-7853

zab-nauka@mail.ru

Published four times a year

Website: <http://zabvektor.com/>

The journal has been published since 1997; in the course of its formation the name and editorial policy changed. The ideological and conceptual field of the journal is focused on the consideration of value orientations of modern society - new and traditional, significant not only for an individual and a specific society of different regions, but also for world culture as a whole.

Interdisciplinary research on sociocultural practices of different territories is welcome in the following academic areas: philosophy, history, philology, oriental studies, media communication and journalism.

Journal indexing

Scholarly Notes

of Transbaikal State University

ISSN 2658-7114

zab-nauka@mail.ru

Published four times a year

Website: <http://uchzap.com/>

The first number of journal "Scholarly Notes of Chita State Pedagogical Institute" was published in 1957. Today the journal is a scientific periodical in the direction of "Education and Pedagogical Sciences". The ideological and conceptual field of the journal is associated with the problem of lifelong education as a condition for human competitiveness in the post-industrial world.

The content of the journal is devoted to the problems of continuous formal and non-formal education, discussion of domestic and world practices of preschool, school, specialized secondary, higher and additional education, the possibility of their approbation, adaptation and implementation in the socio-cultural and economic space of the state.

Transbaikal State University Journal

ISSN 2227-9245

vestnikzabgu@yandex.ru

Published four times a year

Website: <http://zabvestnik.com/>

The first issue of the "Newsletter of Chita Polytechnic Institute" was published in 1995. The name was changed in accordance with the changes in the status of the university.

The main mission of the journal is to familiarize Russian, international engineering and scientific community with the experience of implementation of scientific developments and results of scientists' activities in economics, political science, subsoil use, Earth and environmental sciences.

Detailed information on scientific specialties and requirements for the article can be found on the journals' websites